

ОТЕЦЪ и ДОЧЬ ,
ИЛИ
Пагубныя слѣдствія
обольщенія.

Англійское сочиненіе
Г-жи Оли.

О! какъ пріятно. . . . какъ
тяжко быть отцемъ!

Diderot.

Переводъ съ Французскаго.

Изданіе второе.

Продается въ книжной лавкѣ Свѣ-
шникова, по 2 руб. въ пакѣ.

МОСКВА, 1808.
Въ Университетской Типографіи.

Съ дозволенія С. Петербургскаго
Гражданскаго Губернатора, дан-
наго въ 1803 году.

Сіе новѣйшее сочиненіе *Г-жи*
Оли нимало не принадлежитъ
къ числу шѣхъ Англійскихъ
Романовъ, гдѣ невѣроянное,
основанное на невозможномъ,
превосходя чудесное, и напол-
няя воображеніе токмо подзе-
мельями, шемницами, привидѣ-
ніями и шому подобнымъ, не
оставляетъ по себѣ никакихъ
впечатлѣній, кромѣ впечатлѣ-
ній ужаса. — Сей Романъ, су-
дя по цѣли его, можетъ при-
численъ бытъ къ Романамъ
Ричардсоновымъ, Фильдинго-
вымъ, — къ шому роду чтенія,
кошорое машъ, шщательно за-

II

нимающаяся воспитаніемъ дочери, всегда безъ опасенія предпишетъ ей. Онъ содержитъ полезное для двѣицъ нравоученіе; — заспавитъ ихъ шрепешать отъ негодованія при недостойныхъ поступкахъ гнуснаго обольстителя невинности, и содрогаться отъ чувствительности, взирая на опасности и спраданія добродѣтели, борющейся съ порокомъ. — — Кто, съ сердцемъ чувствительнымъ къ злополучію ближняго, удержишься отъ слезъ при мучительномъ разговорѣ между отцомъ и дочерью, при изображеніи плачевной жизни

III

ихъ , при начертаніи послѣднихъ минутъ , положившихъ предѣлъъ великимъ бѣдствіямъ : — при сихъ прогашельнѣйшихъ сценахъ , какія только можетъ являть Драма человеческой жизни ! —

Что касается до перевода , я старался быть , сколько можно , ближе къ краскамъ Сочинительницы , не упустить ни одной изъ сихъ опличительныхъ чертъ , изъ сихъ нѣжныхъ опшѣнковъ , изображающихъ , такъ сказать , физіономію страстей.

Ник. Старынкевичъ.

ОТЕЦЪ и ДОЧЬ.

День клонился къ вечеру, погода была мрачная и туманная . . . жестокая метель заносила дорогу промежду дикихъ кустарниковъ, когда Сесилія, прижимая въ объятія свое плачущее дитя, шла пѣшкомъ къ ошцовскому дому.

„Ахъ! ешьли бы я не покидала „его!“ сказала она себѣ, припоминая съ горестію тихіе и щаспливые дни первыхъ лѣтъ своей жизни, которые не могли уже возвратиться для нее.

Сесилія Фицганри, единственная дочь почтеннаго гражданина, занимавшагося торговлею, лишилась матери въ самомъ младенчествѣ, и ее отецъ рѣшился не вступать въ новый союзъ, дабы исключительно

заниматься воспитаніемъ дочери Съ тихою и разсудительною привязанностію чувствительнаго отца, Фицганри соединялъ сію страстную заботливостъ, сіи прогапельныя попеченія, копорыя могли бы опличить нѣжнѣйшую мать; и чувствованія, копорыя онѣ имѣлъ къ своей дочери, были вознаграждены любовію и милыми качествами Сесилии. Фицганри не былъ богатъ, однакожъ дохода, копорый онѣ получалъ отъ своей торговли, довлѣло не только на всѣ необходимыя издержки, на воспитаніе его любимаго дитяти; но онѣ еще откладывалъ ежегодно довольно значную сумму, чтобы утвердить ей независимое имущество для будущаго времени. Все, что онѣ могъ удѣлять отъ собственныхъ своихъ надобностей, было опредѣлено на удовольствія и наслажденія Сесилии. „Какой доброй отецъ!“ кричали со

всѣхъ споронъ въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, въ которомъ Фицганри имѣлъ свое пребываніе; „и
 „какая милая у него дочь, сколько
 „онъ долженъ гордиться ею, сколько
 „ко онъ долженъ быть щасливъ,
 „имѣя такое дитя!“

Въ самомъ дѣлѣ Сесилія съ
 чрезвычайною красою, съ очаро-
 вательными прелестями, со всѣми
 добродѣтелями и дарованіями, ка-
 кія могутъ украшать особъ ея по-
 ла, соединяла сію степень мыслен-
 ной силы, сіе понятіе и сіи способ-
 ности, которыя, по мнѣнію поль
 многихъ, принадлежатъ однимъ
 мужчинамъ.

Всѣ удивлялись рѣдкимъ ея ка-
 чествамъ, всѣ любили ее за чрез-
 мѣрную крепость, за совершенную
 ласковость, за сію любезную скром-
 ность, кспорая, не зная своего соб-
 ственнаго достоинства, занимается
 только достоинствомъ другаго, —

качества, еще рѣже бывающія вмѣстѣ — и Сесилія со всякимъ новымъ знакомствомъ пріобрѣтала себѣ новаго друга.

Опецѣ ея думалъ и — можетъ быть — не ошибался, что онъ любилъ ее такъ, какъ ни одинъ отецъ не любилъ своей дочери; и Сесилія думала, что она любила его, какъ никто не любилъ отца. *„Я не пойду за мужъ, буду жить только для васъ, бабушка!“* говорила она ему часно. . . но сіе благочестивое намѣреніе начало ослабѣвать, когда сердце молодой дѣвушки, даже до того времени незнакомое съ обольщеніями другаго пола, почувствовало какое-то непоспимое влеченіе къ пріятностямъ и неусыпному искашельству Гвардейскаго Офицера, пріѣхавшаго набирать рекрутъ въ томъ городѣ, гдѣ она жила.

Клиффордъ имѣлъ не только прекрасную фигуру и всѣ прелести — обыкновенный удѣлъ молодыхъ модныхъ людей, но обладалъ сверхъ того дарованіями столь рѣдкими, столь разнообразными въ искусствѣ обольщенія, что тѣ самыя женщины, которымъ онъ измѣнилъ, въ его присутствіи забывали всѣ причины своихъ праведныхъ сѣпованій; и заимодавецъ, приходившій требовать уплаты священнаго долга, оставялъ его съ живѣйшимъ удовольствіемъ, что могъ услужить ему, давши въ займы новую сумму.

Гнусное развращеніе человѣческаго сердца! пагубное злоупотребленіе даровъ Природы! Сей чловѣкъ, котораго цѣлая нація и глабы почиташъ предметомъ гордости въ благоденствіи, и предметомъ надежды въ злополучіи, употребялъ свои рѣдкія дарованія только

на оболъщеніе легковѣрныхъ людей обоюго пола : однихъ спыдомъ и безчестіемъ, другихъ совершеннымъ раззореніемъ. Тотъ, чей умъ былъ довольно обширенъ, чптобы объять систему возвышенія и славы для свсего опечества, содѣлавшись рабомъ гнусной личности, не успремлялъ никогда своихъ взоровъ далѣе шѣснаго круга, жопорой предначерпали его предосудительныя пошребности. Улыбаясь свсему дѣлу, онъ радовался, естли, къ концу дня, успѣлъ обмануть какого нибудь вѣроимчиваго купца, или оболъстить молодую невинную дѣвушку. Однако же, для полученія сихъ жалоспныхъ, презришельныхъ пріумфовъ, нужно имѣть большое познаіе чловѣческаго сердца, испышашь глубину его, опкрыть слабую спорону шѣхъ лицъ, пропивъ копорыхъ соспавляются планы, дабы ихъ мнимую безлечность обрашпшь

въ существенную опасность. Клиффордъ скоро примѣшилъ, что Сесилія, отъ природы скромная, думала имѣть какое-то необыкновенное чувство судить о другихъ; и между тѣмъ, какъ съ самонадѣянiемъ полагала, что никому не лзя обмануть ее, она чаще всего обманывала самое себя.

Клиффордъ не упустилъ воспользоваться сею слабостiю дѣвицы, которую готовился примесить въ жертву своему развращенiю; и между тѣмъ, какъ льстя самолюбiю Сесилии, увѣрялъ ее, что она его совершенно угадывала, онъ короче познакомился со всѣми недоспажками, какія она сама имѣла. — Не однѣ слабости спарался онъ употребить въ свою пользу, и добродѣтели ея входили въ начертанный имъ планъ нападенiя. Нѣжная любовь Сесилии къ своему отцу, быз-

шая, по ея мнѣнію, оплошомъ, ко-
торой долженъ былъ опразить всѣ
присупы опаснѣйшаго искушенія,
содѣлалась въ умѣ сего адскаго че-
ловѣка вѣрнѣйшимъ средспвомъ
къ ея пагубѣ.

Я вошла въ сіи подробныя опи-
санія многоразличныхъ паланшовъ
Клиффорда въ искусствѣ обольще-
нія, не для того, чтобы онъ пред-
ставлялъ одно изъ главныхъ дѣй-
ствующихъ лицъ въ сей повѣсти —
опецъ и дочь займутъ меня исклю-
чительно — но я хотѣла изви-
нить, сколько мнѣ было возможно,
чрезмѣрную привязанность, копо-
рую онъ произвелъ въ сердцѣ невин-
ной дѣвицы.

Вкрадчивое обхожденіе Клиф-
форда сначала произвело въ Сеси-
ліи удивленіе; потомъ онъ возбу-
дилъ ея благодарность, давъ при-

мѣшались, что, будучи предметомъ всеобщаго вниманія, занимался ею одною. Тотъ, котораго чинъ, существованіе въ свѣтѣ и великія достоинства должны были обратитъ на себя взоры богатѣйшихъ и опличнѣйшихъ женщинъ столицы, казалось пылалъ однимъ только желаніемъ, — желаніемъ быть любезнымъ въ глазахъ Сесиліи, произносилъ ея имя въ какомъ нибудь небольшомъ собраніи маленькаго уѣднаго городка. Наконецъ опличныя его познанія, припворненія добродѣтели внушили Сесиліи почтеніе, и когда, при высокѣйшей ея идеи о рѣдкихъ дарованіяхъ сего человека, сеѣдала она о знашномъ его происхожденіи и великихъ надеждахъ; то не надобно удивляться, естли она почувствовала къ нему сей родъ любви, столь хорошо опредѣленный извѣстною пи-

сательницею (*), и который весьма часто бываетъ главнымъ основаніемъ сего господствующаго чувствованія: *гордость*.

Когда Клиффордъ началъ извѣлять уваженіе и привязанность къ Сесилии, то зналъ, что за симъ, по обыкновенію, должно было послѣдовать предложеніе законнаго союза; почему и старался внушать сполькоже опвращенія опцу, сколько удиленія дочери. Всѣ уловки его были споль удачны, что Фицганри и самъ не могъ понять, опъ чего чувствовалъ къ нему опвращеніе. Онъ чистосердечно признался въ помъ своей дочери; Сесилия не могла скрыть своего изумленія, и въ первый разъ въ своей жизни возъмѣла пагубную мысль, что ея

(*) Г жею Инхбальдъ, см. *Природа и искусство*. Т. I.

отецъ могъ быть несправедливъ и причудливъ.

Клиффордъ ощущалъ рѣшительное удаленіе отъ брака; при томъ же зналъ, что женясь на Сесилии, надлежало бы ему опказаться отъ всѣхъ честлюбивыхъ плановъ и навлечь гнѣвъ своего отца; по симъ-то причинамъ онъ равное прилагалъ стараніе, чшобы его предложеніе было принято Сесилією и отвергнуто отъ Фицганри.

Поигравъ нѣсколько времени страхомъ и надеждою своея любовницы, онъ обратился къ ея отцу и, въ учтивыхъ выраженіяхъ, просилъ у него руки Сесилии; но Фицганри, такъ какъ онъ и ожидалъ, съ холодною пвердосшію отказался отъ чести такового союза.

„Однакожъ я не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Клиффордъ, ни мало не приходя въ смяшеніе, чшобы мой

отецъ не одобрилъ сего брака, когда онъ уже будетъ заключенъ, еслили я не успѣю получить его согласія прежде сочешанія.“

„А я, государь мой, опвѣчалъ Фицганри съ гордымъ видомъ — я думаю, что моя дочь не имѣетъ нужды тайно вступать и въ самую знатную фамилію.“

Клиффордъ, сильно раздраженный горячностію Фицганри и важностію его обхожденія, распался съ нимъ, произнося спрашную кляпву опмспить за себя; . . . онъ зналъ, что сердце Сесилии навсегда принадлежало ему.

Сесилия свѣдала опъ своего любовника, что его предложеніе было опринуто, и ея горестъ была не менѣе той, копорую Клиффордъ старался припворно оказывать, обвывая ей о своей неудачѣ. „Какъ! прервала она съ сильнымъ движеніемъ духа, „возможно ли,

чтобы споль нѣжный отецъ, кошорой всегда предупреждалъ мои малѣйшія желанія, теперь пропи-вился благополучію моей жизни? “

Въ уныніи, въ слезахъ Сесилія предавалась всей своей горѣспи, когда Фицганри вошелъ къ ней въ комнапу; его видъ выражалъ болѣе печали, нежели гнѣва. Онъ въ молчаніи разсмапривалъ нѣскольکو минутъ дѣйствіе сильной спра-спи, возмущавшей сердце несчастной его дочери. Попомъ подавляя вздохъ, гошовый вылепѣтъ изъ его опцовской груди, онъ подошелъ къ ней и распреганнымъ голосомъ представилъ ей всѣ неудобства, соединенныя съ бракомъ, копорого она споль желала, говорилъ ей о весьма небольшомъ имуществѣ Клиффорда, старался дать ей почувспвовать, что ея союзъ съ гвардейцомъ, привыкшимъ къ праздноспи, невоздержности и разсѣя-

нію, будетъ весьма мало соопвѣш-
ствовать той мысли, къ которой
она, безъ сомнѣнія, имѣла оцѣпяхъ
брака. „При всемъ томъ, произ-
несъ Фицганри болѣе твердымъ го-
лосомъ и бросилъ на свою дочь
суровый взглядъ: „Какъ можешь
ты унизиться до того, чтобы со-
гласиться на предложеніе человѣка,
которой самъ говоритъ что его
отецъ никогда не захочетъ при-
знатьъ вашего союза?“

Сесилія, всѣмъ симъ справед-
ливымъ предсавленіямъ, не мо-
гла пропивоположить ничего, кро-
мѣ признанія своей любви къ Кли-
ффорду. Она покраснѣла, попупи-
ла глаза и замолчала.

„Повѣрь, Сесилія, продол-
жалъ Фицганри, однѣ чисныя и
безкорыстныя правила внушаютъ
мнѣ сіи наблюденія; ибо сколь ни
горестно для меня [помышленіе о

разлукѣ съ тобою, но я перенесу ее; (здѣсь голосъ его снова измѣнился) однакожъ никогда не соглашусь на швой союзъ съ Клиффордомъ; и я увѣренъ, что отказывая въ моемъ согласіи на этошъ ненависпный бракъ, утверждаю швое будущее щастіе. Ты теперь въ шакомъ волненіи, что не можешь понимать меня; когда будешь спокойнѣе, шо и сама согласишься со мною.“

Сесилія покачала головою и хопѣла скрыть отъ него свои заплаканные глаза.

„Выслушай меня, любезная дочь, сказалъ Фицганри, ты знаешь, что я не ширанъ; ештли время, ештли опсупспвіе не возмогутъ преодолѣть сей нещаспной спраспи; ештли она останетса всегда въ одинакой степени и послѣ шаковаго испытанія: шо я обѣщаю тебѣ искоренить свое пре-

дубѣжденіе, можетъ быть, увы! слишкомъ основательное, и согласился на твой бракъ съ Клиффордомъ, съ тѣмъ однакожъ, чѣмобъ и отецъ его согласился; ибо безъ сего позволенія ты никогда не получишь и моего; . . . и естли ты не имѣешь довольно гордости, довольно рѣшимости, чѣмобы самой соблюсти свое достоинство, то я долженъ спараться о томъ вмѣсто тебя; но твоему отцу прямо вѣришь, что не нужно принимая сего попеченія; и Сесилія Фицганри презришь предложеніе, сдѣлашься тайно женою Клиффорда.“

Сесилія была однѣхъ съ нимъ мыслей, и чистосердечно призналась въ томъ. Фицганри, пронутый ея крошестію, ея слезами, говорилъ съ нею споль нѣжнымъ, споль благосклоннымъ образомъ, выразилъ ей споль чувствительно всю горесть,

копоруо даже одна мысль о разлу-
кѣ съ своею милою дочерью нанесла
его душѣ, что Сесилія въ сію мину-
шу, забывши все, занималась только
опцомъ своимъ, любовію и благо-
дарностію, копорыми она была ему
одолжена и, бросаясь въ его объятія,
обѣщала быть совершенно послуш-
ною его волѣ.

„Обѣщай же мнѣ, сказалъ Фиц-
ганри, что никогда уже не увидишь
Клиффорда, естли тебѣ можно
будетъ его избѣжать. У него опа-
сный языкъ, и естли. . .“

Сесилія съ чувствомъ прерва-
ла своего опца, и даже осмѣлилась
сдѣлать ему упрекъ за то, что
онъ считалъ ее довольно слабою къ
нарушенію своихъ обязанностей.
Она изъяснялась съ такою силою,
съ такимъ жаромъ, что опецъ
просилъ у нее извиненія въ шсмъ,
что могъ почестъ сіе обѣщаніе ну-
жнымъ.

Въ слѣдующій день Клиффордъ не смѣлъ явиться къ Фицганри, но прождалъ у воротъ до пѣхъ поръ, пока увидѣлъ, что Сесилія вышла одна изъ дома. Догнавши ее, онъ скоро обспоятельно свѣдалъ о разговорѣ ея съ отцомъ.

Клиффордъ показался задумчивымъ, притворился, будто бы не хочетъ признаться въ различныхъ чувствованіяхъ, волновавшихъ его сердце; но помощію сего искусства, которое было ему споль сродно, онъ извлекъ наконецъ изъ разговора Фицганри съ Сесилією заключеніе, которое ее весьма изумило.

„Я вижу, сказалъ онъ, изъ опказа вашего бапюшки, не только отвращеніе опдать васъ за меня, но и совершенное намѣреніе не выдавать васъ ни за кого. Проститемнѣ, прекрасная Сесилія, васъ конечно ослѣпляетъ дочеринская лю-

бовъ , естли вы изъ подобнаго предпріяпія не примѣчаете ненавистной личности ; — думаете ли вы сдѣлать пресупленіе , когда не послушаетесь бапюшки вѣ помѣ единспвенно , что выдете за любовника , кошорой васъ обожаетъ , и неужь ли вамъ должно навсегда отказатьсь отъ столь пріятныхъ узъ , для того только , чтобъ покориться своенравію человѣка , помышляющаго о своемъ благополучіи на счетъ вашего.“

Цѣль сего вѣроломнаго умспвованія , подкрѣпленнаго слезами , ласками , увѣреніями жарчайшей любви , клонилась къ тому , чтобы убѣдить Сесилію , что ей непременно должно было ѣхать съ нимъ обвѣнчаться вѣ Шопландіи , и что время , необходимость и любовь ихъ родителей исходапайспвуютъ имъ наконецъ прощеніе .

Сесилія сперва слухала его слова съ презрѣніемъ, которое онѣ заслуживали; но увы! она не имѣла благоразумія избѣжать случая слышать повѣреніе оныхъ; напрошивъ того, радуясь, что столь хорошо оправдала довѣренность къ себѣ самой, она утвердилась во мнѣніи, что ея отецъ былъ весьма неправъ, сомнѣваясь въ ея мужеспвѣ.

Она опять видѣлась съ Клиффордсмъ, снова слухала его опасныя разсужденія, непримѣтно подружилась съ мыслию безразсуднаго поступка, и хотя сохраняла еще довольно добродѣтели, чтобы отвергнуть намѣреніе, бѣжать съ своимъ любовникомъ; но каждый день находила новыя причины извинять его и думать, что ея отецъ, до того времени столь достойный ея любви, почтенія и благодарности, былъ не

что иное, какъ рабъ пагубной само-
приверженности.

Наконецъ находя, что ни време-
ня, ни размышленіе, ни даже
крапковременное отсутствіе, не
принесли бы ни малѣйшаго охладѣ-
нія ея любви; но что, напрошивъ
того, она ежедневно пріобрѣтала
новыя силы, Сесилія призналась
Клиффорду, что одинъ только
страхъ, сдѣлавъ своего отца не-
щаснымъ, препятствовалъ ей со-
гласиться на его предложеніе. . . .
„Правда, прибавила она, и мое соб-
ственное достоинство запрещаетъ
мнѣ склониться на то; но жен-
щина, которая ведетъ себя по
толь строгимъ правиламъ, не
знаетъ любви.“

Сія мнута была драгоценна
для Клиффорда; онъ умѣлъ искусно
воспользоваться ею, и увѣрилъ Се-
силію, что побѣгъ былъ вѣрнѣйшее
средство утвердить счастье ея оп-

ца и ея собственное. — Наконецъ склонность воспоржествовала надъ разсудкомъ несчастной дѣвицы и, думая слѣдовать движеніямъ дочеринской любви, она содѣлалась жертвою своей спраси, ввѣрилась своему обольстителю и уѣхала съ нимъ въ Шотландію.

Фицганри, свѣдавъ о побѣгѣ своей дочери, пребылъ нѣсколько часовъ погруженъ въ нѣкопорый родъ смертельной тоски и безчувствія, гораздо ужаснѣйшихъ, чѣмъ всѣ вопли и крики опчаянія. Его неподвижные полу-открытые глаза не проливали слезъ; голова его, наклоненная къ землѣ, его руки, сложенные на груди, его судорожное дыханіе, одни могли показывать степень и силу его горести. „Неблагодарная Сесилія! вскричалъ онъ наконецъ, и такъ вотъ награда за всю мою нѣжность! . . . Бѣдная дочь! прибавилъ онъ голо-

сомъ, прерывающимся отъ вздоховъ; она не привыкла къ просупкамъ; сколь она будетъ несчастна, когда размышленіе покажетъ ей всю безразсудность ея поступка! Ахъ Сесилія! koliko будешь ты желать прощенія твоего несчастнаго отца! и сколь пламенно желаю я простить тебѣ! . . . возвратись, ахъ!! возвратись въ мои объятія, любимое дитя моего сердца, мое единственное утѣшеніе! . . . Фицганри предавался тогда приятнымъ мечтамъ надежды; ему казалось, что онъ видитъ дочь у ногъ своихъ, признающуюсь въ бракѣ, умоляющею простить ее и не лишитъ отеческаго благословенія. Горячія слезы полились у него изъ очей и облегчили его горесть. Но проходили дни, проходили недѣли и никакой слухъ о Сесилии не достигъ до несчастнаго отца ея. . . .

Клиффордъ и его любовница поѣхали по дорогѣ, ведущей къ Грешна - Гринъ. Они достигли уже прешей почтовой станціи, велѣно было приготоовить новыхъ лошадей, какъ вдругъ Клиффордъ вздрогнулъ, заглянувъ въ свой бумажникъ, и вскричалъ съ припворнымъ изумленіемъ: „Милая Сесилія! что намъ дѣлать? я ошибся въ бумажникѣ, у меня не спанетъ денегъ, чтобы ѣхать болѣе ста миль по Сѣверной дорогѣ!“ Сія вѣсть поразила Сесилию, которая ни на минушу не могла подумать, чтобы Клиффордъ могъ ее обманывать.

Какъ я уже сказала, Сесилія думала имѣть необыкновенную прозорливость судить о характерахъ и фізіонсміяхъ. Сказавши однажды, что ничего не можетъ быть благороднѣе, добродѣтельнѣе Клиффорда, какъ могла бы она подозрѣвать

его въ коварствѣ и подумашь, что была обманута развратникомъ, извѣстнымъ по своимъ распустивамъ? — Нѣтъ! тщеславіе, самолюбіе препятствовали сей спасительной недовѣрчивости вкрасься въ ея воображеніе, и она безъ всякаго сомнѣнія, безъ малѣйшаго упрека согласилась на планъ, предложенный Клиффордомъ, — планъ, которой, по словамъ его, одинъ только могъ отвратить затрудненія, и доставить имъ надежнѣйшія средства къ совершенію ихъ союза.

Легковѣрная, слишкомъ на себя надѣющаяся Сесилія! тебѣ должно бы знать, что почтительный любовникъ столько же боится нарушить честь своей любезной, сколько она сама можетъ того опасаться; тебѣ должно бы было знать, что главныя его попеченія, первыя его заботы избавили ея даже отъ

тѣни подозрѣнія, и что естли бы намѣренія Клиффорда были добродѣтельные, то онъ бы не допустилъ, чтобы какой нибудь случай могъ умедлить ваше сочешаніе; онъ не подвергъ бы твоей нѣжной чувствительности перешептыванію клеветы.

Пушешешвенники поѣхали въ Лондонъ и приспали въ пракпирѣ. Клиффордъ, оставивши тамъ свою любовницу, пошелъ искать квартиры. Нашедши приспособныя комнаты, онъ проводилъ шуда задумчивую и уже расказающуюся Сесилію. — „Подъ какимъ именемъ, подъ какимъ названіемъ, спросила она, буду я извѣсна хозяйкѣ сего дома? — Подъ именемъ моей будущей супруги, сказалъ съ горячностію Клиффордъ, прижимая Сесилію къ своему сердцу, чрезъ нѣсколько дней, прибавилъ онъ, и върыте, что эти дни по-

кажутся мнѣ вѣками — я дамъ вамъ право называть меня симъ нѣжныхъ именемъ. — Чрезъ нѣсколько дней! вскричала Сесилія, оппалкивая его съ негодованіемъ. Какъ! развѣ намъ нельзя обѣнчаться сего же утра? — Это невозможно, отвѣчалъ Клиффордъ, вы еще не достигли совершенныхъ лѣтъ . . . я не могу доспать себѣ позволенія. . . . Но я нанялъ эти покои на цѣлой мѣсяцъ . . . въ сіе время совершился наша окличка (*) и намъ можно будетъ обѣнчаться въ здѣшнемъ же приходѣ.

(*) Я думаю, не безвѣстно читателямъ, что у исповѣдающихъ Капюлическую, Реформатскую и Люшеранскую религію, есть обыкновеніе за нѣсколько недѣль предъ сочетаніемъ объявлять чрезъ служителей церкви, что Н. Н. намѣренъ жениться на О. О: это вообще называется окличкою.

Сесилія тяжко вздохнула. Она съ молчаніемъ покорилась и сему плану; но онъ возмущалъ тонкость ея чувствъ. Удрученная горестію, съ сердцемъ, спѣсненнымъ опы чувствованія того униженія, до котораго она дошла въ своихъ собственныхъ глазахъ, осталась она въ своихъ покояхъ. Клифффордъ возвратился къ себѣ въ домъ, помышляя съ жестокою радостію объ успѣхѣ своего негоднаго поступка, и о торжествѣ, его ожидавшемъ.

Сонъ, сіе благодѣяніе Природы, во всю ночь убѣгалъ очей несчастной Сесиліи. Она провела ее въ составленіи и обдумываніи различныхъ предпріятій, для отвращенія опасности, ей грозившей, будучи цѣлый мѣсяцъ подверженною обольщеніямъ чловѣка, котораго пагубную власть надъ своимъ сердцемъ она слишкомъ познала. Слѣд-

ствіе сей мучительной борьбы было то, что ей должно насюпать, дабы Клиффордъ оставилъ городъ до того времени, когда ему можно будетъ вести ее къ олпарю. Щастлива была бы Сесилія, если бы не оставила сего благоразумнаго намеренія; но тщеславіе, гордое упованіе на свои собственныя силы съизнова разрушили совѣты мудрости. „И чего боишься мнѣ? сказала она себѣ самой, не уже ли я такъ упала въ своемъ почтеніи, что не смѣю подвергнуться даже пѣни искушенія? Нѣтъ! я не могу произнести споль обиднаго сужденія о моей добродѣтели. . . Женщина, которая боится безчестія, почти побѣждена; я съ мужествомъ подвергнусь всѣмъ ожидающимъ меня испытаніямъ.

О тщеславіе! твои совѣты всегда вѣроломны; если бы мудрое размышленіе о самихъ себѣ

побуждало насъ строго изслѣдывать собственное сердце, сколько горесныхъ приключеній привели бы мы себѣ на память, сколько досадъ, низкихъ поступковъ, которые въ не имѣютъ другаго источника, кромѣ своихъ обманчивыхъ наущеній!

Не стану описывать горестей Сесилии, сраженій слабостей, которыя предшествовали ея безславію; ибо, не взирая на довѣренность къ своимъ собственнымъ силамъ, она спала жертвою недостойнаго обольстителя. Я хотѣла только изъяснить обстоятельство, приведшія ее въ холодный зимній вечеръ безъ пристанища, безъ защитника ишли по большой дорогѣ пѣшкомъ къ дому своего отца.

Прежде испеченія мѣсяца Клиффордъ восторжествовалъ надъ добродѣтелию Сесилии, и ско-

ро послѣ того получилъ повелѣніе явиться къ своему полку, коимъ долженъ былъ выступить въ походъ. — „Неужь ли ты не заѣдешь ко мнѣ, прежде нежели сядешь на судна? не ужь ли оставишь меня, не давъ названія своей жены? сказала Сесилія, лишаясь почти чувствъ. Нѣтъ, ты не покинешь меня въ стыдѣ и горести!“ Клиффордъ клялся у ногъ своей легковѣрной любовницы исполнить все, чего она желала, и Сесилія старалась подавить горестъ разлуки съ нимъ надеждою щастія, коимъ ожидало ее по его возвращеніи; но въ самой шотъ день, когда полагала увидѣть его, получила отъ него письмо, въ которомъ онъ ее увѣдомлялъ, что полку наслано повелѣніе немедленно сѣсть на корабль, и что по сей причинѣ ему никакъ не можно было заѣхать къ ней.

Клиффордъ въ семъ обстоя-
тельствѣ не измѣнялъ испинѣ.
Любя Сесилию, сколько можетъ
любить распутной человѣкъ, онъ
въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ го-
рестъ и смятеніе, которыя выра-
жалъ въ своемъ письмѣ. Однако
же, хотя бы онъ и возвратился къ
своей любовницѣ, то нашелъ бы
еще каксе нибудь правдоподобное
извиненіе для отсрочки брака.

Ничто не можетъ описать
ужаснаго положенія Сесилии при
полученіи сего письма. Клиффордъ
не прежде могъ возвратиться, какъ
чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, „и мо-
жетъ быть не возвратится ни-
когда!“ вскричала Сесилия, пред-
ставивъ себѣ всѣ опасности вой-
ны. . . . Но когда размышляла о
своемъ ужасномъ положеніи, о воз-
можности содѣлаться матерью,
прежде нежели будешь супругою,
горестъ и спчаяніе удручали ея

душу , и она молила небо о прекращеніи дней своихъ . „Ородитель мой! нѣжный , несчастный родитель!“ вскричала она ; я , которая была своимъ украшеніемъ , буду теперь стыдомъ и оправою старыхъ дней моихъ . . . моя несчастная дочь , которая прежде утѣшалась , видя изъ моихъ глазъ всю нѣжность мою къ ней , должна теперь спрашиться опцовскаго взора .

Хотя Сесилія не смѣла писать къ своему отцу даже до тѣхъ поръ пока ей можно будетъ уведомить его о своемъ бракѣ ; но не могла жить безъ пайнаго осведомленія о здоровьѣ и положеніи виновника ея дней . Клиффордъ предъ отъѣздомъ своимъ далъ ей для посылокъ человека , котораго вѣрность и способность — какъ онъ увѣрялъ — были ему весьма извѣсны . Первое донесеніе сего

человѣка было, что Фиганри наслаждался посредственнымъ здоровьемъ; впрочемъ, что онъ казался погруженнымъ въ нѣкоторомъ родѣ унынія; претіе, что его мужество совершенно возвратилось; и наконецъ послѣднее, что Фиганри женился.

„Женился! вскричала Сесилія, выслалъ съ поспѣшностію привезшаго ей сіе извѣстіе, женился! . . . Клиффордъ въ отсутствіи! и можетъ быть его уже нѣтъ на свѣтѣ! . . . А бабушка! женился! что я теперь? несчастная сирота. . . поруганіе общества. Не кому любить меня, не кому защищать. Великій Боже! прибавила она въ отчаяніи, прости слабый твари, если она во гробѣ станетъ искать прибѣжища своимъ спаданіямъ!“ Здѣсь и счастливая Сесилія вдругъ вспомнила, что

она скоро будетъ матерью и, падая на колѣна, произнесла голосомъ, прерывающимся отъ рыданій: „нѣтъ! священные узы скоро привяжутъ меня къ жизни, онѣ не будутъ прерваны и я совершу мою судьбу!

Нѣсколько успокоившись, предавшись на волю горестной своей участи, Сесилія искренно радовалась второму супружеству своего отца. Сіе произшествіе убѣждало несчастную, что онѣ навсегда изгналъ ее изъ своего сердца; ибо она знала, что одинъ только страхъ, дабы съ приумноженіемъ семейства не умалилась чрезмѣрная заботливость, которую онѣ къ ней имѣлъ, препятствовалъ ему прежде войти въ новый союзъ. Однако же сердце Сесиліи облегчилось отъ ужасной пытки, его удручавшей, когда она помышляла, что ея отецъ могъ быть щастливъ

безъ нее. Воображая, что онъ нашелъ благополучіе въ сей перемѣнѣ состоянія, она рѣшилась никогда не напоминать ему о дочери, которой существованіе ему столь нужно было забыть.

Приближалось время, когда ей надлежало дать жизнь несчастному плоду своей пагубной безразсудности. Одна, оставленная цѣлою Природою, окруженная наемными и чужими попеченіями, несчастная Сесилія, покорившись своей судьбѣ, съ мужествомъ, съ спокойствіемъ, которое даже изумило хозяйку того дома, гдѣ она жила, произвела на свѣтъ и взяла къ себѣ на руки сына, которому вмѣсто того, чтобы содѣлаться радостію и надеждою знашной фамиліи, было, можетъ быть, суждено видѣть себя отверженнымъ и непризнаннымъ своими ближайшими родственниками. Сіе прога-

шельное размышленіе не только не привело въ уныніе Сесилію, но еще одушевило ея мужество. Съ той самой минушы, какъ она получила новыя обязанности, не престаивала выполнять ихъ такъ, какъ бы спаралась загладишь шѣмъ свой проступокъ. Хотя безпрестанная меланхолія казалась на ея лицѣ; хотя она не имѣла знакомства ни съ кѣмъ въ Лондонѣ, кромѣ своей сострадапельной хозяйки: но всегдашняя горестъ ея ярняла не споль мрачной видѣ, и въ то время, когда получала извѣстіе о Клифффордѣ, или предавалась утѣшительной мысли, что ея отецъ былъ щасливъ, она брала своего сына, прижимала его къ сердцу и находила себя менѣе несчастною.

Шестъ мѣсяцовъ пропекло уже отъ рожденія сего дитяти, когда Клифффордъ возвратился

въ Лондонѣ. Сесилія, увидѣвъ его, забыла на минушу все свое злополучіе: но скоро потомъ начала говорить ему о столь долговременномъ оплагательствѣ ихъ брака, и довела его до того, что день къ совершенію онаго былъ назначенъ. Едва начинала она ласкаться до спиженіемъ конца своихъ спраданій, какъ вдругъ Клиффордъ получилъ извѣстіе, что его отецъ опасно боленъ, что зоветь его къ себѣ и — Сесилія снова предана была всѣмъ помненіямъ безпокойства.

Чрезъ мѣсяцъ онъ возвратился къ ней; видъ его имѣлъ нѣчто мрачное: казалось, онъ чувствовалъ тайную горестъ, которую старался заключить въ себѣ самомъ. Сесилія встревоженная, дрожа отъ страха, заклинала его открыть ей свое сердце. Лукавой Клиффордъ изъясилъ, сколь горе-

стно для него повиноваться своей любезной СесиліѢ; признался ей наконецъ, что причиною болѣзни отца его было печальное извѣстіе, будто бы онъ тайно обвинчался съ нею; что отецъ звалъ его только за шѣмъ, дабы самому узнать отъ него, справедливъ ли этошъ служъ; и что старикъ, будучи убѣжденъ утвердительными его увѣреніями въ помъ, что никакія законныя узы ни съ кѣмъ его не соединяютъ, заставилъ его, ежели не хочетъ причинить ему безвременной смерти, произнести клятву никогда не женишься на СесиліѢ Фицганри безъ его согласія.

„И вы произнесли эту клятву! сказала Сесилія съ сильнымъ движеніемъ духа. — Чшо жъ оставалось мнѣ дѣлать? опвѣчалъ онъ, жизнь отца моего была въ опасности. Есльми бы я отказалъ. . . ужасной спрахъ, чтобы онъ не

проклялъ меня при послѣднемъ издыханіи своемъ. . . Впрочемъ, какъ онъ ни жестокъ, Сесилія, я не могу забыть, что онъ мнѣ онецъ. . . „Немилосердой! прервала вѣ себя Сесилія, я пожертвовала своимъ отцомъ для тебя!“ и упала безъ памяти къ ногамъ Клиффорда.

Пришедши въ чувство, она нашла своего любовника предъ собою но колѣняхъ. Пользуясь ея чрезмѣрною слабостію, онъ старался ее убѣдить, что воспользуется удобною минутою для полученія согласія своего отца; что безъ этой надежды онъ не далъ бы сей клятвы, хотя бы отъ того зависѣла жизнь его отца. „О! нѣтъ! отвѣчала Сесилія съ горькою улыбкою, не обманывайте сами себя; вы слишкомъ доброй сынъ. . . вы и одной минуты не могли колебаться исполнить волю своего отца. Мало дѣтей такихъ

недостойныхъ, такихъ жестокихъ, какъ я.“ И пупъ несчастная Сесилія, терзаемая чувствованіями, которыя угнетали ея сердце, предавалась ужаснѣйшему отчаянію. Клиффорду должно было употребить всю свою ловкость, всю власть, которую онъ имѣлъ надъ нею, чтобы нѣсколько ее успокоить.

Протекли еще шесть другихъ мѣсяцовъ, въ теченіи которыхъ онъ поддерживалъ надежду Сесиліи, говоря ей, что его отецъ каждой день менѣе удаленъ отъ согласія на ихъ бракъ. — „Когда ты примѣшишь, что онъ будетъ къ тому близокъ, сказала Сесилія, то поведи меня къ нему, я ему расскажу мою ужасную исторію, я скажу ему: изъ любви къ вашему сыну я оставила, покинула наилучшаго отца и сдѣлалась поруганіемъ общества; посмо-

прише на мое блѣдное, впалое
лице, посмотрите на слѣды же-
сткой горести, которая сушитъ
мою жизнь, не отвергните спра-
ведливой моей прозбы, не содѣ-
лайтесь убійцею несчастной, ко-
торая до минуты своего проступ-
ка ни одного вечера не закрывала
глазъ безъ благословенія своего
отца, и которой первые взоры ка-
ждой день встрѣчали улыбку опе-
теской нѣжности!“

Клиффордъ не былъ нечув-
ствителенъ, но его пылкая и бѣ-
глая чувствительность исчезала
вмѣстѣ съ предметомъ, возбужда-
вшимъ оную. Когда Сесилія гово-
рила ему столь прогашельнымъ
образомъ, онъ отвѣчалъ ей съ нѣ-
жностью, неприпворною любовью,
часто даже выходилъ изъ комна-
ты, чтобы не распроташься сли-
шкомъ; но, всегда рабъ минут-
ныхъ впечатлѣній, не успѣвалъ

онъ пройши половины улицы, какъ видъ пригоженькой дѣвушки, или встрѣча съ товарищемъ въ распуштвахъ, осушали вдругъ слезы, которыя испоргала у него Сесилія, и онъ снова начиналъ изъискивать средства, какъ бы еще обмануть свою несчастную любовницу. Но наконецъ наступила минута, въ которую долженствовала навсегда спасти личина, покрывавшая сего ненавистнаго человѣка.

Какъ Сесилія готовилась быть рано или поздно женою Клиффорда; то вела чрезвычайно уединенную жизнь, и болѣе всего старалась не посрамить себя, показавшись въ какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ. Тщетно выхвалялъ ей Клиффордъ прелести шепра: „Уединеніе, книги, музыка, работа и швое присутствіе, вопль что прилично моему положенію,

отвѣчала она ему; и не прежде, какъ съ названіемъ своей жены, покажусь я глазамъ публики.“

Хотя Клиффордъ и желалъ ввести въ свѣтъ свою прекрасную добычу, но принужденъ былъ покаяться ея волѣ. Между тѣмъ въ одинъ вечеръ онъ наспоилъ съ большею пропивъ прежняго силою, чтобы она поѣхала съ нимъ въ Театръ Дроли-Левъ видѣть представленіе прекрасной Трагедіи. „Милая Сесилія! сказалъ онъ, не откажи мнѣ въ эпомѣ, потому болѣе, что я принужденъ разстаться съ тобою и отправиться въ слѣдующій понедѣльникъ съ бабюшкою въ деревню, гдѣ онъ пробудетъ нѣсколько недѣль.“ Сесилія, побѣжденная его неопступными прозьбами, согласилась наконецъ ѣхать съ нимъ; но въ сопровожденіи Г-жи Ескю своей хо-

зайки покрыла лицо флеромъ и сѣла въ одной изъ верхнихъ ложъ.

Неизбяснимая прелесть и нѣжное участіе, которыя ощущала Сесилія во время представленія Трагедіи, заставили ее на нѣсколько времени забыть собственное положеніе; но по кончаніи пьесы сказала Клиффорду, что ей не хочется дожидаться второй. Онъ готовъ былъ исполнить ея желаніе, какъ вдругъ, примѣшивъ въ первыхъ ложахъ одного изъ своихъ знакомыхъ, съ которымъ ему нужно было переговорить, попросилъ ее обождать его нѣсколько минутъ: она охотно согласилась на то, и Клиффордъ немедленно ее оставилъ. Лишь только онъ ушелъ, пришли два человека въ ложу Сесилии и сѣли за нею.

„Милордъ! кто таковъ эшотъ пригожій молодой мужчина, которой сей часъ вошелъ въ первую

ложу противъ нашей, и которой разговариваетъ теперь съ Капитаномъ Мсбрей?" сказалъ одинъ изъ нихъ своему товарищу. „Это Жоржъ Клиффордъ, Гвардейской Офицеръ, и мой любезной Полковникъ, одинъ изъ самыхъ понкихъ и проворнѣйшихъ людей въ цѣлѣмъ Лондонѣ, опвѣчалъ Милордъ.“ Сесилія, которая не упустила ни одного слова изъ сего разговора, усугубила вниманіе. *Полковникъ*, „О! я много слышалъ объ этомъ молодомъ челоѣкѣ; мнѣ о немъ рассказали сполькоже худова, сколько и добраго.“

Милордъ. „Это легко быть можеть, и я смѣло скажу, что онъ погубилъ болѣе молодыхъ людей, и обольстилъ болѣе дѣвицъ, нежели ктонибудь другой въ его лѣта, ибо ему пошелъ только тридцатой годъ.“

Сесилія тяжко вздохнула, и холодной потъ покрылъ ея лицо.

П. „Однакожь надобно надѣяться, что онъ теперь совсѣмъ перемѣнился; я слышалъ, что онъ вступаетъ въ бракъ съ Мисъ Сандфордъ, богатѣйшею наслѣдницею изъ цѣлаго города.“

М. „Это правда, и въ понедѣльникъ назначено быть свадьбѣ.“

Сесилія запрепешала. . . . Клиффордъ говорилъ ей, что въ понедѣльникъ же ему должно будетъ оставить ея на нѣсколько недѣль. . . Въ себя отъ спраха, едва смѣя дышать, продолжала она слушать сей разговоръ.

М. „Но онъ женится единственно изъ корысти; все дѣло состоитъ въ томъ, что отецъ его выигралъ тяжбу, которая даетъ ему какой-то новой пшупль; онъ имѣетъ изрядной кусокъ земли, чтобы поддержать важность она-

го; и сынъ согласился женишься на этой богатой наслѣдницѣ, для того, чтобы сдѣлать свою фамилію столько же богатшою, сколько она знашна. Скажу вамъ, что я знаю это отъ вѣрнаго человѣка: Клиффордова мать мнѣ съ родни, и сочла за нужное увѣдомить меня о выгодномъ бракѣ, въ которой вступаешъ ея сынъ.“

Сіе подтвержденіе истины исторія, которую Сесилія до того времени почтала однимъ изъ сихъ неосновательныхъ слуховъ, которые праздными людьми распускаются въ свѣтѣ отъ бездѣлья, было болѣе, нежели сколько она могла снести. Но опчаяніе придадо ей мужества, и она рѣшилась слушать до конца; между тѣмъ какъ Г-жа Эскю обращала все свое вниманіе на піэсу, которую тогда же начали играть. Въ сію самую минуту Сесилія прымѣши-

ла, что Клиффордъ вышелъ изъ нижней ложи съ своимъ пріятелемъ; она бросила на него неподвижной взглядъ съ горькимъ чувствованіемъ, съ непоколебимымъ предпріятіемъ никогда его болѣе не видѣть.

П. „Я рѣдко слышалъ, чтобы бракъ изъ корысти былъ когданибудь щасливъ.“

М. „Не думаю, чтобы и эпокъ былъ щасливъ; ибо сверхъ того, что Мисъ Сандфордъ дурна собою и нескладна, имѣетъ она еще опасную совмѣстницу.“ —

П. „Подлинно! безъ сомнѣнія любовницу.“

Здѣсь Сесилія едва могла дышать; подозрѣвая, что спануть о ней говорить, слушала она съ шрепетомъ.

М. „Да! любовницу, достойную лучшей участи.“

П. „Такъ вы ее знаете?“

М. „Я не знакомъ съ нею лично, но во время пребыванія моего въ сосѣдствѣ того городка, гдѣ она жила, я слышалъ чрезвычайныя похвалы ея уму и прелестямъ: имя ея Сесилія Фиц. . . Фиц. . .“

П. (*прерывая его*) „Фицганри конечно!“

М. (*вскрикивая*) „Точно такъ! Но какимъ образомъ вы могли угадать его?“ —

П. „Это имя я часто слышалъ во многихъ опличнѣйшихъ собраніяхъ. Вѣдь она прекрасно поетъ и неподобно знаетъ музыку?“ —

М. „Сесилія Фицганри имѣетъ всѣ дарованія; она была украшеніемъ своего отца; ее обожалъ цѣлый городъ, въ которомъ она жила.“

Сесилія едва могла удержать свои рыданія при семъ вѣрномъ изображеніи того, чѣмъ она была нѣкогда.

М. „Бѣдная дѣвушка! какъ жаль, что она сдѣлалась жертвою распутнаго человѣка! Сказываютъ, что онъ уговорилъ ее бѣжать изъ опцовскаго дома, подѣ предлогомъ отвести въ Грешна-Грешъ; но не знаю, какою адскою хитростию заставилъ ее попомъ бѣжать съ собою въ Лондонъ.“

Смущеніе Сесиліи спало такъ ужасно, что Т-жа Эскю, примѣтивъ оное, спросила, не дурно ли ей? „Нѣтъ, сказала Сесилія спѣшеннымъ голосомъ, оставьте меня, мнѣ хорошо. . . очень хорошо!“ Довольна будучи симъ отвѣтомъ добрая хозяйка, отворопилась къ сценѣ, между тѣмъ какъ Милордъ никакъ не могъ вообразить, сколь оспрыми стрѣлами пронзалъ онъ сердце несчастной, которая внушала ему столько со-спраданія.

П. „Участъ этой бѣдной дѣвушки, дажешя, васѣ сильно протаешъ, Милордѣ!“

М. (*съ чувствительностію*) „Очень протаешъ, признаюсь вамѣ, и не безѣ причины; сего дня поупру былѣ у меня Вильсонѣ, управитель Клиффорда; онѣ разскалѣ мнѣ много подробностей, которыя усугубляюшѣ все соспраданіе о несчастной жертвѣ сего жестскаго человѣка. Сесилія спраспно любитѣ своего опца, и жешя она могла рѣшишя покунуть его; но съ самыхѣ тѣхѣ порѣ, тогда только наслаждается минушою спокойствія, когда можешѣ шайнымѣ образомѣ освѣдомшя обѣ его здоровьѣ и состояніи. . . .“

П. (*сквозь зубы*) „Странное прошиворѣчіе человѣческаго сердца!“

М. „Эшо нѣжное безполойство заставило Клиффорда бояшяся,

чтобы Сесилія, въ какую нибудь минуточку досады пропивъ него, не возвратилась въ опцовской домъ, прежде нежели эпа несчастная дѣвица ему опрокинетъ: для этого, какъ вы думаете, что онъ сдѣлалъ?"

Тутъ Сесилія, перпѣвшая несносное мученіе, и для которой минувшая остановка такой рѣчи была пышкой, оборотилась къ нимъ, не поднимая флера и, усpreмивъ на своего незнакомаго друга дикой взоръ, едва могла не закричать: чтожъ онъ сдѣлалъ, Милордъ?

М. (продолжая послѣ нѣкоторой остановки) „Онъ заставилъ того же самаго Вильсона, о которомъ я вамъ сказывалъ, играть роль курьера. Долгое время употреблялъ сей различные обманы для успокоенія легковѣрной Сесилии, а наконецъ увѣрилъ ее, будто бы Фицганри женился на дру-

гой женѣ. Несчастной отецъ! надобно болѣе думать, что онъ умеръ.»

При семъ страшномъ предположеніи Сесилія вышла изъ самой себя; она вскричала, и опустивъ голову на колѣна Лорда, который сидѣлъ за нею, предавалась ужаснѣйшему опчаянію.

Вонъ ее, вонъ! закричали зрители, вышедши изъ терпѣнія; ибо думая, что шумъ, возмущавшій ихъ вниманіе, происходилъ отъ одной изъ сихъ несчастныхъ пварей, поношенія своего пола; не чувствовали они никакого состраданія къ несчастной жертвѣ Клиффордской. Въ сію минуту одинъ мущина изъ сосѣдней ложи крѣпко ударилъ Сесилію по плечу и, выругавъ ее поспыднымъ именемъ, приказывалъ выйти изъ театра.

Сесилія, поддерживаемая Лордомъ, которой оказывалъ ей знаки живѣйшаго состраданія, услы-

шавъ это ненавистное названіе, встала со взоромъ и движеніями сумасшествія: „Слышите ли Милордъ, вскричала она, слышите ли вы что я! о Боже! Боже!“ Пономъ вышедши изъ ложи вмѣстѣ съ Г-жею Ескю, которая въ изумленіи и дрожа отъ страха, едва успѣвала бѣжать за нею — долго бродила она по коридорамъ.

Прежде нежели она успѣла дойти до лѣспницы, кончилась вторая пѣса, и всѣ выходы театра наполнились народомъ. Спаясь какъ нибудь пробраться, примѣшила она вдругъ одного купца, который жилъ подлѣ дому ея родителю. Не было уже ни малѣйшихъ чувствованій робости и стыда въ сердцѣ Сесиліи — опчаяніе истребило ихъ. Она подбѣжала къ сему человеку и, схвативъ его за руку, произнесла ужаснымъ голосомъ: „Ради Бога, скажите мнѣ, живѣ

ли мой отецъ?“ Купецъ, усра-
 шенный чрезмѣрною блѣдностію
 Сесилина лица, и помѣшатель-
 ствомъ, изображавшимся въ ея
 глазахъ, отвѣчалъ внѣ себя . . —
 „Живъ блѣдной, но. . . — „Но вѣр-
 но несчастливъ, вскричала Сеси-
 лія: Боже! благодарю тебя, мой
 отецъ живъ! Скажите мнѣ еще,
 женился ли онъ?“ — „Женился! по-
 впорилъ купецъ съ удивленіемъ,
 ахъ! нѣшъ, онъ. . .“ — „Думаете ли
 вы, что онъ просипъ меня, пре-
 рвала съ живостію Сесилия?“ „Какъ
 ему просипъ васъ, отвѣчалъ ку-
 пецъ, не уже ли вы думаете? . . .“
 „Я знаю, что вы хопище сказать,
 прервала снова Сесилия; ахъ! да
 благословиъ васъ небо, вы мнѣ
 спасли жизнь!“

Послѣ сихъ словъ Сесилия
 побѣжала изъ театра, Г-жа Ескю
 бросилась въ слѣдъ за нею вмѣстѣ
 съ Лордомъ и Полковникомъ, ко-

которыя изъ восклицанія, вырвавшася у доброй хозяйки, узнали, что предметъ ихъ попеченій и соспраданія была сама Миссъ Фицганри.

Сесилія вышедши на улицу, вдругъ встрѣшила Клиффорда, котораго съ однимъ изъ своихъ пріятелей выходилъ изъ кофейнаго дома. Суровой и презрительной видъ, съ какимъ она приняла его обвиненія въ томъ, что онъ такъ долго замедлилъ, успрашилъ его сверхъ всякаго описанія. Онъ щепотно старался узнать причину сей переменны — Сесилія хранила глубокое молчаніе. Клиффордъ просилъ ее сѣсть въ карету, которую тотчасъ велѣлъ подать; она сперва рѣшительно отказала, но наконецъ, не взирая на ея сопротивленіе, Г-жѣ Ескю удалось уговорить ее — они сѣли и поѣхали домой.

Сесилія молчала всю дорогу; вопросы Клиффорда не получали никакого отвѣта, кромѣ судорожныхъ вздоховъ и нѣсколькихъ восклицаній, которыя привели его въ прелепъ. Г-жа Ескю думала, что она помѣшалась въ умѣ. Клиффордъ желалъ бы также судить, но совѣсть говорила ему, что, еспли Сесилія какимъ нибудь непредвидѣннымъ случаемъ узнала его хитрые и безчеловѣчные съ нею поступки, то одной этой причины довольно, чтобы произвести мрачное опчаяніе, возмущавшее ея душу.

Наконецъ они пріѣхали въ домъ Г-жи Ескю, и Сесилія, собравшись нѣсколько съ духомъ, рассказала Клиффорду твердымъ голосомъ и съ обманчивымъ спокойствіемъ весь разговоръ, которой она слышала въ театрѣ.

„Это сплешни, вскричалъ Клиффордъ съ безстыдствомъ, и я увѣряю . . . Проницательной взоръ Сесилии не допустилъ его продолжать — онъ смѣшался ; но принявъ немедленно свою обыкновенную смѣлосць, копорую еще болѣе умножало дѣйствіе крѣпкихъ напитковъ, выпитыхъ въ кофейномъ домѣ, онъ старался оправдать свои поступки.

Чрезмѣрное презрѣніе изобразилось тогда на лицѣ Сесилии. „Прошло то время, сказала она ему, когда ваше гнусное лицемѣріе могло меня обманывать : безвозвратно прошло это время ! Признайтесь въ вашемъ преступленіи ; одно только это признаніе хотѣла бы я еще слышать отъ васъ.“

И такъ, вскричалъ онъ, чего же вамъ сердиться ? Исторія, копорую я выдумалъ о бракѣ ва-

него бапюшки, была не что иное, какъ доказательство моея нѣжности, моихъ попеченій избавить васъ отъ терзаній совѣсти. Что касается до Миссъ Сандфордъ, то хотя она и получила мою руку, но вы однѣ всегда будете обладать моимъ сердцемъ, и я за тѣмъ только скрывалъ отъ васъ бракъ мой, чтобы сохранить единственное сокровище, которое для меня безцѣннѣе всего. Чертъ побери этого проклятаго Лорда! онъ распроилъ самой лучшей планъ, какой только можно было начертать. Однакожъ я надѣюсь, милой другъ мой, что мы разстанемся безъ ненависти.

„Великій Боже! вскричала Сесилія, поднимая глаза къ небу съ прогашельнѣйшимъ выраженіемъ, и я могла покинуть наилучшаго опца, для споль подлаго изверга! Но не думайте, государь мой, при-

бавила она съ важностію и взглянувъ на Клиффорда, не думайте, чтобы это униженіе, до котораго я дошла, принудило меня когда нибудь принять пособіе для себя или для своего дитяти отъ чело-вѣка, которой не внушаетъ мнѣ ничего, кромѣ презрѣнія. Вы сдѣлали меня преступницею, но не испребили во мнѣ отвращенія къ преступленію, ни любви къ добродѣтели; и я васъ увѣряю, что этотъ разговоръ будетъ послѣдній въ нашей жизни.“

„То есть до завтрашняго утра, подхватилъ Клиффордъ.“
Послушай, Сесилія, вопль наша первая ссора! ты знаешь, что ссоры любовниковъ поддерживаютъ и усугубляютъ любовь; и потому надѣюсь найсти тебя завтра такою, какою желаю.

Послѣ сихъ словъ онъ про-
щился съ нею, въ твердомъ увѣ-

реніи, что Сесилія, за суровостію ночи, отложила свой отъѣздъ до слѣдующаго дня; почему и намъренъ былъ прашпи какъ можно ранѣе, чтобы удержатъ ее отъ такого предпріятія. При томъ же онъ зналъ, что у нее не было въ то время денегъ, и что Г-жа Ескю не осмѣлился безъ его позволенія дать ей ни малѣйшей суммы.

Сесилія по выходѣ Клиффорда не предалась бездѣйственной горести. Рѣшившись, твердо рѣшившись удалиться навсегда отъ своего жестокаго обольстителя, не взирая она ни на ночь, ни на суровость времени, ни на жестокую бурю. Всѣ сіи ужасы природы могли ли сравниться съ поскою, перзавшею ея сердце? — Она подошла тихими и спокойными шагами къ колыбели своего сына, обернула его въ шубу, попомъ, сбросивъ шаль на плеча, сошла ти-

хонько по лѣспницѣ, отворила дверь на улицу, и прежде нежели малѣйшій шумъ могъ дойти до домашнихъ, она опошла уже далеко.

Время было столь ужасное, что даже люди, обыкновенно привыкшіе презирать всякую непогоду, едва могли скрыть страхъ, и съ трепетомъ бѣжали въ свои несчастныя жилища; но Сесилія, не чувствуя жестокости непогоды, ощущала только радость, что могла убѣжать отъ чудовища. Надежда получить прощенье своего отца, облегчила всѣ ея страданія.

„Великій Боже! благодарю себя, вскричала она, дошедши до Гринъ-Парка, — вздохъ, которымъ я дышу здѣсь, не оскверненъ дыханіемъ сего ненавистнаго человека.“ Тутъ каѳаульной прокричалъ половину двенадцатаго часа, она вспомнила, что у нее нѣтъ убѣжища, гдѣ бы провести остатокъ

ночи; но зная, что публичная коляска отправлялась въ полночь изъ Пиккадили къ одному городу въ двенадцати верстахъ отъ ея родины, она рѣшилась взять въ одной мѣсто, и ѣхать такимъ образомъ до пѣхъ поръ, пока ей позволятъ ея достатокъ, а остальную часть дороги окончатъ пѣщкомъ. Въ эту самую минуту, когда она пришла къ Почтовому Двору, коляска готова была къ отъѣзду, и къ счастью оставалось еще порожнее мѣсто.

Закрывъ лице частымъ флеромъ и держа на рукахъ свое уснувшее дитя, сѣла Сесилія въ коляску. Дрожаніе всѣхъ ея членовъ, тяжкіе вздохи, вылетавшіе изъ ея груди, произвели столько же изумленія, сколько состраданія въ другихъ путешественникахъ. Но послѣ нѣсколькихъ бесполезныхъ покушеній удовольствоваться свое

любопытство, они кончили свои вопросы и оставили ее в спокойствии.

Въ слѣдующій день, около полудня, коляска остановилась на нѣсколько часовъ. Тогда Сесилія, приближавшаяся къ мѣсту своего рожденія, боясь быть узнаною окрестъ живущими, рѣшилась перемѣнить плаще, не только для того, чтобы скрыть себя, но чтобы защититъ гнѣдо отъ жестокаго холода. Она промѣняла свою шубу, шаль и нѣсколько другихъ вещей на нѣкоторой родъ суконнаго капоша, на большій плащъ съ капшономъ, на пару теплыхъ башмаковъ и нѣсколько аршинъ фланели для обвертыванія маленькаго Идуарда. Пост. мѣ, подвязавъ соломенную шляпку подъ подбородокъ, она бы похожа была въ такой одеждѣ на крестьянку, идущую къ торгу въ ближній городокъ,

если бы нѣжныя черты ея и природныя прелести не измѣняли такому наряду.

Когда коляска опправлялась въ путь, то Сесилія, примѣтивъ, что ея доспатоки не позволяють ей сохранить перваго своего мѣста, заняла другое далѣе въ углу повозки. Прикрывъ свое дитя плащомъ, копорой былъ на ней, она сѣла въ семъ споль невыгодномъ положеніи съ мнимою твердостью, между тѣмъ какъ ея сердце удручено было скорбію.

Она надѣялась еще до вечера сыть въ двенадцати миляхъ отъ своей родины, и до наступленія ночи достигнуть мѣста своего назначенія; но ошиблась въ расчетѣ, ибо дорога была такъ жуда, такъ скользка, что уже было довольно поздно, когда коляска доѣхала до иного мѣста, гдѣ Сесилии должно было ее покинуть. Поѣвши нѣ-

сколько, и снабдивъ себя нѣкоторыми припасами на дорогу, она примѣшила, что ей не возможно будетъ достигнуть отцовскаго дома прежде наступленія ночи.

Однакожъ она рѣшилась продолжать свой путь, ибо мысль, провести еще день въ жестокой неизвѣстности, получить ли прощенье своего отца, была для нее гораздо ужаснѣе, нежели спрахъ пустишься при наступленіи ночи въ столь тягостной путь. Можетъ быть въ предпринятое ею намѣреніе входила отчасти и надежда внушить нѣжнѣйшее сосраданіе своей кормилицѣ, у которой она располагалась пристать, дабы упросить ее быть посредницею между собою и отцомъ.

„Видъ моего невиннаго Идуарда, думала Сесилія горестно вздыхая, моего бѣднаго дитяти, безъ пристанища, безъ защиты, умо-

ляющего среди холодной и жестокой ночи о прощениі несчастной Сесилии, пронепъ сердце бапюшки и, можетъ быть, снѣ мнѣ дастъ знать о моемъ прощениі; ибо не смѣю надѣяться быть допущенною къ нему; но вопреки всѣхъ сихъ упѣшительныхъ мыслей, нѣкопору ужасъ, коего она не могла преодолѣть, возмущалъ ея душу; каждую минуту она съ прелепомъ осмапривалась вокругъ себя. Олуспошенія, причиненныя послѣднею бурео, казалось, соопвѣпспвовали ея горестному положенію. Увы! говорила она, не всегда была я такъ робка, не всегда я такъ прелепала; но тогда не была еще преспупницею. Милой мой! продолжала она, прижимая къ своему сердцу маленькаго Идуарда, почто не могу я содѣлаться вновь невинною подобно лебѣ? Объятая скорбью при чув-

опвованіи того, чѣмъ она была нѣкогда, и что она теперь, Сесилія шла съ скоростію, какъ бы надеясь поспѣшностію хода уйти отъ горешныхъ своихъ размышленій.

Она приближалась тогда къ лѣсу, простирающемуся мили на двѣ, и лежащему въ трехъ миляхъ отъ дому ея отца. Сесилія, въ щасливѣйшіе дни своей жизни не входила никогда подъ мрачные и величественные своды сихъ древнихъ деревьевъ безъ ощущенія какого-то чувствованія страха и печали. Теперь бродящая, покинутая мать безъ имени супруги, неся на рукахъ плодъ своего пагубнаго заблужденія, лишь только вступила она въ сіе тихое и дикое мѣсто, сильнѣйшій ужасъ овладѣлъ ея душею, мужество оставило ее, колѣна подогнулись, и она громко умоляла о пособіи неба.

Въ сію самую минушу неболь-
шой шорохъ перазилъ ея слухъ.
Она съ робостію посмотрѣла во-
кругъ себя, и какъ будто примѣ-
тила что - то пробиравшееся съ
быстрою сквозь деревья. Не
смѣя спупись отъ боязни, Сеск-
лія пребыла нѣсколько минутъ на
помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ остано-
вилась; но вскорѣ попомѣ, судя
по поспѣшности, съ какію удалялся
предметъ ея страха, что и она
можетъ быть произвела въ немъ
ужасъ подобной своему, осмѣли-
лась продолжать свой путь. Лишь
только отошла она нѣсколько ша-
говъ, вдругъ услышала глухой шумъ
между деревьями, походившій на
звукъ цѣпи; тогда не сомнѣваясь
болѣе, что это какое нибудь бѣ-
дное животное, вышедшее въ лѣсѣ
искать себѣ пищи, восприняла она
всю свою твердость духа.

Снова предавшись своимъ горесипнымъ мыслямъ, шла она однакожь съ предосторожноспію въ темношѣ, окружавшей ея, какъ вдругъ очутилась близъ предмета своего перваго ужаса, и ясно тогда увидѣла, что это человѣкъ. Не слыша болѣе звука цѣпи, ей казалось, что мечта обманула ее; но невозможно описать того ужаса, копорой она почувспвовала, примѣшивъ, что сей человѣкъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ предъ нею, и какъ бы хотѣлъ ея дожидаться.

Есть минушы, въ копорыхъ величайшій ужасъ внушаетъ нѣкопорой родъ неустрашимости: это не мужество, но минушное оцѣпененіе сего повелипельнаго чувства, побуждающаго насъ спараться о сохраненіи себя. Сесилія ощущала оное и продолжала ишпжкъ неизвѣспному; но сей послѣд-

ній оборотивъ голову, посмотрѣвъ
 вокругъ себя, зашрепетаъ и уда-
 лился съ быспропою ппицы. То-
 гда Сесилія едва не лишилась
 чувствъ отъ ужаса, которымъ
 она была объята; ибо ясно могла
 уже различить звукъ цѣпи и при-
 мѣшила даже, что оная прикрѣ-
 плена къ ногѣ бѣжавшаго. „Вели-
 кій Боже! вскричала она, это
 безъ сомнѣнія какой нибудь зло-
 дѣй, убѣжавшій изъ пемницы;
 онъ опять воропился и я погиб-
 ла! О мой Идуардъ! можетъ быть
 въ этомъ лѣсу окончишь ты
 жизнь вмѣстѣ съ пвоею несчаст-
 ною матерью.

Дрожа, едва въ силахъ ды-
 шать, Сесилія не знала, что
 предпринять ей: остаться въ лѣ-
 су, или выптти изъ онаго равно
 было для нее опасно; однако же
 рѣшилась продолжить дорогу.

Она прошла почти около мыли, не встрѣчая никого; уже ласкалась она, что неизвѣстной пошлѣ совѣмѣ пропивнымѣ путемѣ, какѣ вдругѣ примѣшила его сидящаго у подошвы дерева, мимо котораго ей непременно надлежало итти. Казалось, онѣ не примѣшилѣ ее, и Сесилія прошедши сіе мѣсто, которое почиала споль опаснымѣ, вдругѣ услышала, что кто-то засмѣялся, потомѣ сталѣ говорить позади ея, и примѣшила тогда, что неизвѣстный былѣ не злодѣй, но сумасшедшій, сорвавшійся съ цѣпи. Сосраданіе, которое она тогда почувствовала къ сему несчастному, превзошло ея страхѣ, и она желала бы воропитишься назадѣ, чтобы дасть ему поѣсть чегонибудь изѣ того, что взяла себѣ на дорогу; но вскорѣ увидѣла, что онѣ бѣжитѣ

жѣней, таща за собою цѣпь съ ужаснымъ шумомъ.

Сей глухой звукъ, мракъ ночи и глубокое уединеніе, коимъ Сесилія была окружена, возвратили ей весь ея ужасъ. Трепеща о себѣ, о своемъ дѣшпи, она оперлась о дерево и, не въ силахъ будучи произнести слово, отдала себя на волю своея участи съ дикимъ спокойствіемъ.

„Послушай, милая, сказалъ сумасшедшій осиплымъ и едва слышимымъ голосомъ, видѣла ли ты ихъ? не съ эпой ли спороны они идушъ?“ — „О комъ говорите вы, сударь?“ отвѣчала Сесилія робкимъ голосомъ и сдѣлавъ низкой поклонъ; ибо ничто не бываетъ споль почтительно, какъ страхъ. „Ихъ не видашь, продолжалъ бѣдный несчастливецъ, не отвѣчая на вопросъ Сесилин; я ушелъ отъ васъ, бездѣлники! злодѣи! я ушелъ отъ

васъ!“ Тупъ, захопавъ руками, онъ спалъ прыгавъ отъ радости.

Сесилія, опомнившись нѣсколько и желая снискавъ благосклонность сумасшедшаго, отвѣчала ему, что она искренно радовалась, видя его избѣжавшимъ отъ злодѣевъ, о коихъ онъ говорилъ: „и я надѣюсь, прибавила она, что они уже васъ не догонятъ.“ Но между тѣмъ какъ она говорила, несчастной ея товарищъ, казалось, не слышалъ ее и въ смущеніи продолжалъ шагать цѣпъ за собою.

Наконецъ сей безпрестанный шумъ пробудилъ маленькаго Идуарда. Видя подлѣ себя чужаго человѣка, и испугавшись томнаго звука, коимъ поражалъ его слухъ, онъ закричалъ пронзительнымъ голосомъ и опворопилъ лице къ груди матери.

„Прочь его отсюда! прочь! вскричалъ сумасшедшій, я не лю-

блю дѣтей! Сесилія, внѣ себя при семъ грозномъ повелѣніи, пререша о слѣдствіяхъ, какія оно могло имѣть, старалась успокоить своего сына, но тщетно, ребенокъ не преставаѣ кричать, между тѣмъ какъ гнѣвъ сумасшедшаго, казалось, пріобрѣталъ новую силу: „Удуши его! удуши его! сказалъ онъ спрашнымъ голосомъ, дѣлай то, что я тебѣ приказываю, или...

Сесилія, почти умирающая отъ горести и ужаса, то просила маленькаго Идуарда перестать плакать, если хочешь сохранять свою жизнь, то умоляла сумасшедшаго пощадить ея сына; но увы! она говорила къ двумъ существамъ неспособнымъ ее понимать, чего могла она ожидать отъ дурака и отъ дикаши! одинъ усугубляѣ свои угрозы, свои требованія, другой продолжалъ кричать. Наконецъ сумасшедшій съ яростію схватилъ

лѣвую руку Сесиліи, но сія мапъ залившись слезами, прижавъ другою своего сына къ сердцу, защитила его съ сверхъ-естественнымъ мужествомъ. Споль неравная борьба не долго могла продолжиться; уже несчастная Сесилія чувствовала, что ея силы ослабѣвають, какъ вдругъ изсохшія вѣтви лѣсныхъ деревъ запрещади опъ ужаснаго порыва вѣтра; сумасшедшій, думая, что сей шумъ происходитъ опъ нѣхъ, кои гнались за нимъ, запрепещалъ, проворчалъ нѣскольکو словъ и пустился бѣжать съ успѣшностію.

Сесилія, едва въ чувствахъ, остановилась, чтобы собраться съ силами. Въ это время ребенокъ видя, что его непріятель исчезъ, мало по малу успокоился, и вскорѣ попомъ заснулъ крѣпкимъ сномъ на дрожащей груди своей несчастной мапери; — но увы! ужасная

опасность, которой онъ едва избѣжалъ, заставляла еще пререпешать Сесилію. Сумасшедшій могъ вороваться, Идуардъ еще проснупься, и тогда! . . . Едва остановилась она на минушу при сей ужасной мысли, какъ вдругъ примѣшила жалкаго бѣглеца. Онъ возвращался къ ней тихими колеблющимися шагами и звукъ его цѣпи едва былъ слышенъ.

„Я не перплю крика дѣшей, сказалъ онъ подходя.“ — „Мой спокоенъ, совершенно спокоенъ, опѣчала Сесилія дрожащимъ голосомъ.“ Пошомъ вспомнивъ, что у ней есть пирожное въ карманѣ, немедленно подала его бѣглецу, дабы отвратить его вниманіе отъ Идуарда. Нещастный схватилъ оное съ жадностію и сожралъ. въ одну минушу крича: „нѣшъ! я не люблю дѣшей, они измѣнники, вѣроломцы! и я имѣлъ дочь, произнесъ онъ

темнымъ голосомъ и взявъ съ ласковостію Сесилію за руку; но она умерла, покинула меня; мнѣ осталъся одинъ только гробъ ея! — „Вы конечно ее очень нѣжно любили, оплѣчала Сесилія, пронупая мыслію, что сей несчастный отецъ лишился разсудка опъ чрезмѣрной горести.“ „Они говоряшъ, будто моя дочь не умерла, продолжалъ онъ, и они меня ругаютъ, когда я имъ повпоряю, что они безстыдные лгуны. . . да не видѣлъ ли ея похоронъ своими собственными глазами? . . . такъ! я ихъ видѣлъ и не могъ пролить ни одной слезы. Онъ всѣ здѣсь, прибавилъ несчастный, ударивъ себя въ грудь; онъ шупъ около моего сердца, онъ душатъ меня. . . Послушай, милая, не говори только никому, я ушелъ посѣпить ея могилу. . .“

Непонятное ощущение, смѣсь горести, ужаса, умиленія, объяли

сердце Сесилии. Она желала отличить черты несчастнаго незнакомаго, копорья мракъ лѣса скрыкалъ отъ ея взоровъ. Къ тому же шляпа его была спущена на глаза и голова такъ наклонена къ груди, что невозможно было примѣнить его лица. На послѣдокъ Сесилія достигла конца лѣса съ своимъ достойнымъ сожалѣнiя поварихомъ; слабый свѣтъ упренныхъ сумерекъ давалъ уже различать предметы; она схватила тогда бѣглеца за руку, дабы тѣмъ принудить его обратиться къ ней голову. Несчастный почувствовалъ впечатлѣнiе охладѣвшей руки Сесилии, бросилъ на нее смутной взоръ и Сесилія узнала своего отца! Она увидѣла Фицганри, несчастнаго Фицганри, лишившагося разсудка отъ побѣга и безславiя своей дочери!!

Сесилія въ испусленiи упала на землю свое уснувшее дѣ-

тя, потомъ, бросясь къ ногамъ отца, приспинула къ нему руки, произнося перзательнымъ голосомъ : „Батюшка ! батюшка !“

При семъ имени несчастный Фицганри, казалось, задрепеталъ отъ ужаса, успремилъ на Сесилію мрачной взоръ, между тѣмъ какъ судорожное трепешаніе колебало его члены, потомъ, вырвавъ колѣна изъ рукъ своей умоляющей дочери, отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ и въ сумасшествіи билъ себя по головѣ, рвалъ волосы, повпоряя съ ужасными движеніями : „*Батюшка !* она называетъ меня своимъ *батюшкою !*“

Сесилія въ безмолвномъ опчаяніи смотрѣла на сію ужасную сцену. Тщетно Идуардъ, испуганный крикомъ Фицганри, умолялъ ее взять къ себѣ на руки ; она не видѣла, не слышала ничего, кромѣ своего отца, не имѣла другаго чув-

спованія, кромѣ чувствованія своего преступленія, и въ одинакомъ оцѣненіи ожидала окончанія припѣдка или слѣдствій сего неистовства, которое еще легко могло успремиться на ея дѣшя.

Вскорѣ Фицганри, изнуренный усталостію, палъ безъ дыханія на землю. Сесилія хотѣла броситься къ нему, но не могла сойти съ мѣста. Холодной пошѣ покрылъ ея лице, колѣна ея подогнулись, и она была уже почти безъ чувствъ, когда Фицганри вспалъ и подошелъ къ ней. Не понимая причины сего поступка, Сесилія прижала Идуарда въ свои объятія и снова бросилась съ нимъ къ ногамъ отца. „Бѣдненькая! сказалъ Фицганри, глядя Сесилію по лицу, бѣдненькая!“ шупъ взглянулъ онъ на нее шполь умильно, шполь нѣжно, что Сесилія, подавляемая своею горестію, залилась слезами, и схвативъ

опця своего за руку, осыпала ее поцѣлуями.

Фицганри все еще глядѣлъ на нее съ живѣйшею вѣжностію и произнесъ меланхолическимъ тономъ, которой растерзалъ сердце Сесиліи: „Бѣдненькая! не плачь, ахъ! не плачь! . . . уже давно и я не плакалъ. . . да, съ того дня, какъ она померла. . . вѣдь она померла? прибавилъ онъ со взоромъ, котораго Сесилія не могла снести и на которой опвѣщивовала только слезами. . . Пойдемъ, продолжалъ Фицганри, взявъ Сесилію за руку, пойдемъ со мною; попомъ съ горькимъ смѣхомъ вскричалъ: Не ужь ли ты хочешь меня покинуть?“ — „Васъ покинуть! опвѣчала Сесилія, о! никогда, никогда! . . . Я хочу жить, умереть съ вами“ . . . — „Да, да, она померла, сказалъ Фицганри чувственнымъ голосомъ, и мы пойдемъ

кѣ ней на могилу.“ Послѣ сихъ словъ онѣ повелѣ Сесилію съ собою, и какѣ онѣ шелѣ въ городѣ, шо и она ни мало не пропивилась.

Мысль, что ея видѣ не внушилѣ ни малѣйшаго отвращенія несчастному ея опцу, была нѣкоторымѣ родомѣ опрады для Сесилии и, спараясь забыть прошедшее и будущее, она занималась единственнo сими столь нѣжными, столь прогашельными взорами, копорые онѣ обращалѣ на нее; хотѣла бы также забыть, что онѣ оказывалѣ ей сіи знаки любви, не узнавѣ ее; и что есльли бы разсудокѣ снова озарилѣ его мысленныя силы, сія самая рука, которая столь пріятно покоилась на ея плечѣ, оптолкнула бы ее съ гнѣвомѣ и негодованіемѣ.

Сесилия вскорѣ была извлечена изѣ сихъ печальныхъ мыслей, чтобы испытать новыя гореспи. „О не-

бо! вскричалъ Фицганри, поглядѣвъ съ ужасомъ вокругъ себя: вопъ они, вопъ они!“ попомъ, кинувъ руку своей дочери, побѣжалъ чрезъ поле. Сесилія примѣтила скоро трехъ человекъ, гнавшихся за ея несчастнымъ опцомъ, и заключила, что это были конечно приставы того дома, изъ котораго онъ ушелъ. Минуту спустя она увидѣла его бѣгущаго къ ней, и едва имѣла время положить свое дитя на землю, какъ Фицганри бросился въ ея объятія, умоляя ее спасти его отъ рукъ гонимелей.

Сесилія, въ неописанной пискѣ, прижала его сильно къ своему сердцу и съ трепетомъ ожидала приближенія приставовъ. „Выслушайте меня, сказала она имъ, спдайте его на мое попеченіе; это мой отецъ, и вы безъ страха можете на меня положиться.“ — „Твѣй отецъ! отвѣчалъ одинъ изъ сихъ

людей; пусть шакъ! но ты не можешь ничего сдѣлать для него, и еще должна бы намъ, голубушка, благодарить, что мы тебя отъ него избавили. — Спупай, спупай! продолжалъ онъ, вырвавъ Фицганри изъ рукъ дочери, между тѣмъ какъ другой изъ приставовъ, разсматривая глубокое опчаяніе напечатлѣнное на лицѣ Сесилии, произнесъ съ громкимъ смѣхомъ: я думаю, что у насъ скоро будетъ и дочь — кажешся и она рѣхнулась.“

Однакоже, не взирая на жестокія мученія, кои сердце Сесилии претерпѣвало съ нѣсколькихъ часовъ, ей предсволялъ цовой родъ еще ужаснѣйшаго спраданія. Приставы, старчасъ прошиву Фицганри за нанесенное имъ безпокойство, и дабы лишить его охоты покуситься на второй побѣгъ, заставили его иппи предъ собою и били съ крайнимъ безчеловѣчьемъ.

Сесилія, видѣвъ себя, при видѣ тако-
ваго ругательства, громко закри-
чала и, бѣжа по слѣдамъ своего
нещастнаго отца, осыпала упре-
ками жестокихъ приставовъ. Фид-
ганри снова оборотился къ ней,
умоляя защитить его и отвѣсти-
сповавъ на крикъ своей дочери,
между тѣмъ какъ приставы, шата
его съ насиліемъ, принуждали слѣ-
довать за собою. Сесилія гналась
за ними, пока позволяли ей силы;
но наконецъ, угнетенная усталос-
тію и опчаяніемъ, пала безъ
чувствъ на землю.

Когда она опомнилась, то съ
горестію посмотрѣла вокругъ себя.
Увы! ея отца уже не видно было.
Она съ трепетомъ вспомнила о
своемъ бѣдномъ Идуардѣ, и нашла
его лежащаго въ нѣкоторомъ раз-
стояніи отъ того мѣста, гдѣ она
упала. Ребенокъ, казалось, крѣпко
спалъ. Мысль, что такой сонъ

среди сильнаго холода бываетъ всегда знакомъ приближенія смерти, поразилъ ужасомъ несчастную Сесилію.

„Чудовище! вскричала она, я убила свое дитя, умертвивъ отца! но можетъ быть еще не поздно, я проклятіе неба не проспирается даже до сего на главу преступницы!“ Она схватила свое дитя, полетѣла къ избѣ, копорую примѣтила въ нѣкоторомъ разстояніи, съ послѣшностію отворила дверь, попомъ бросаясь къ ногамъ крестьянской семьи, которая сидѣла за скуднымъ столомъ, она показала хозяйкѣ дома своего полумертваго сына. „Ради самаго Бога, спасите его! вскричала она, спасите моего сына!“ Крестьянка, пронувшая состраданіемъ, взяла маленькаго Идуарда, и оказывала ему всѣ возможныя попеченія съ прогательнѣйшимъ человекомъ любіемъ, между тѣмъ какъ

Сесилія, устремивъ глаза, сложивъ руки на груди, ожидала приговора своей жизни или смерти.

Наконецъ Идуардъ открылъ глаза и улыбнулся своей матери. Сесилія, въ чрезмѣрной радости своей, обняла съ восторгомъ добрыхъ крестьянъ, возвратившихъ ей сына, призывала на нихъ благословеніе неба, и общала, естъли будетъ когда нибудь богатою, сдѣлать имъ соспаніе; попомъ прижавъ Идуарда въ свои объятія, окропила его слезами.

Такая шогательная сцена возбудила чувствованія изумленія и состраданія въ душѣ крестьянина и его жены. Они оба любили своихъ дѣтей, съ нѣжностію ходили за ними, когда они бывали больны, и конечно бы оплакивали ихъ смерть; но выраженія споль сильной чувствительности были имъ совсѣмъ неизвѣсны, и они подозрѣвали,

что Сесилія конечно помѣшалась въ умѣ. Ея чрезмѣрная блѣдность, страхъ и радость, которыя произвело въ ней состояніе ея дѣтяти, утвердили ихъ въ семъ мнѣніи. Вдругъ Сесилія, вспомнивъ о жалостномъ состояніи отца, котораго опасность Идуарда изгнала было изъ ея памяти, вскричала голосомъ глубочайшей печали: „Несчастная! и я смѣю радоваться, между тѣмъ... — о! нѣтъ, нѣтъ болѣе радости для меня!“ Крестьянинъ бросилъ на свою жену значительной взглядъ.

Сесилія была въ жестокомъ смущеніи и, сложивъ руки, вскричала: „Отецъ мой! нѣжный несчастный отецъ! твое состояніе неуврачимо, и отчаяніе будетъ навсегда удѣломъ твоей злополучной дочери!“

„Если ты несчастна пошуму только, чшо твой отецъ бо-

ленѣ, прервала крестьянка, по не грусти такѣ, онѣ можетѣ еще выздоровѣть.“

„О! никогда, никогда! отвѣчала Сесилія; однакожѣ скажите мнѣ, думаете ли вы, что это бытъ можетѣ?“ — „Безѣ сомнѣнія, отвѣчала добрая крестьянка; но естѣли шебѣ не лѣзя самой ходить за нимѣ, по не великое ли для шебя утѣшеніе, когда ты знаешь, что онѣ ни вѣ чемѣ не имѣетѣ недоспашка?“

Сесилія шяжко вздохнула. „Я сама лишилась отца прошлою зимою, продолжала крестьянка; смерть его конечно нанесла мнѣ много горя, но мысль, что я его завсегда любила, почитала, всегда исполняла мою обязанность кѣ нему, гораздо успокоила мою справедливую печаль.“

Сесилія встала сѣ своего мѣста и ходила по избѣ скорыми шагами.

„Онъ съ улыбкою глядѣлъ на меня въ послѣнія свои минушны, говорила добрая крестьянка, опирая слезы: милое, доброе дитя мое! сказалъ онъ мнѣ за нѣсколько минутъ предъ своею кончиною, дочь моя! ничего не можешь быть ужаснѣе, какъ лишиться виновника своей жизни, не исполнивъ обязанности къ нему.“

При сихъ словахъ Сесилія сравнивъ свое поведеніе съ поведеніемъ сей невинной и добродѣтельной женщины, предалась сильнѣйшему отчаянію и, схвативъ ножъ, лежавшій на столѣ, готова уже была положить предѣлъ своему бытію; но крестьянинъ остановилъ ея руку въ ту самую минушу, когда она успремила на свою грудь пагубное оружіе. Онъ въ семь успѣлъ пѣмъ съ большею удобностію, чѣмъ ея отчаяніе успуцило мѣсто нѣкоторому роду оцѣпенен-

нія: она упала на постель и пролежала нѣсколько времени неподвижно, устремивъ глаза къ землѣ.

Крестьянинъ и его жена, опомнившись отъ своего ужаса, спали извѣсяпъ Сесилии, сколь велико было пресупленіе, которое она хотѣла сдѣлать. „Посмотри, безчеловѣчная мать, вскричала крестьянка взявъ Идуарда, который простиралъ свои ручки къ матери; посмотри на сіе невинное созданіе и скажи, будешь ли ты еще въ силахъ покинуть его?“

Сіи прогашельныя слова, подкрѣпляемыя ласками ея дитяиши, извлекли Сесилию изъ унылаго угнетенія, въ которомъ она была погружена.

„Мнѣ покинуть его! вскричала она рыдая, о! никогда, никогда!“ потомъ прижавъ Идуарда въ объятія, она опустила свою голову на подушку, которую добрая

хозяйка положила за нею. Вскорѣ чрезмѣрная усталость ошягошила ея глаза и погрузила ее въ глубокой сонъ.

Крестьянинъ вышелъ тогда работаать; жена его и дѣти принялись за свои занятія внутри избы, но не перяли съ виду несчастной Сесиліи, боясь, чтобы она снова не покусилась на свою жизнь.

Сонъ Сесиліи и ея дитяти былъ споль крѣпокъ, что уже наступилъ вечеръ, когда маленькой Идуардъ пробудился. Голодъ исторгнулъ у него нѣсколько слезъ, и онъ возмутилъ спокойствіе своей несчастной матери, прося накормить его.

Сесилія открыла глаза, посмотрѣла съ изумленіемъ вокругъ себя, старалась припомнить себѣ предметы, ее окружавшіе. Наконецъ ужасныя сцены предшествующей

юми и преступленіе, которое она хотѣла-было содѣлать, живо представились ей памяти; она задрожала, сложила руки, и мысленно возсылала къ небу теплыя молитвы; пошмъ вставъ, улыбнулась, съ печальнымъ и горестнымъ видомъ смотря на своего сына, съ жадностію бѣшаго хлѣбъ и молоко, которое поставили предъ нимъ: она хотѣла сѣсть подлѣ него, чтобъ раздѣлить сей скудный обѣдъ, какъ вдругъ крестьянка видя, что она подходитъ къ столу, схватила ножъ и унесла съ послѣдностію. Сіе обстоятельство припомнивъ ей снова давнишнее приключеніе, лишило ее небольшого позова къ пищѣ, которой она думала чувствовать. „Вы можете полагаться на меня, сказала она ей, я сама съ ужасомъ помышляю о злодѣйствѣ, которое хотѣла совершить, и кланюсь предъ лицомъ неба нико-

Гда не повпоряшь онаго. . . Нѣтъ!
шеперь мое единственное желаніе
жить и спрадать.“

Крестьянка извинялась въ
своемъ подозрѣніи, и чптобы дока-
зать довѣренность къ произнесен-
нымъ ею обѣщаніямъ, положила
ножъ на столъ; но Сесилія упу-
стила это изъ виду, сѣла и, за-
крывъ себѣ лице руками, снова
погрузилась въ свои горестныя раз-
мышленія.

При склоненіи дня, она рас-
положилась проспитъся съ своими
хозяевами. „Добрые друзья мои,
сказала она имъ, вы, принявшіе
съ такимъ челоѣколюбіемъ неща-
стную незнакомку, вѣрьте, что
никогда не забуду вашихъ велико-
душныхъ попеченій! не надѣюсь
расплашиться съ вами, но прими-
те это, присовокупила она, пода-
вая имъ послѣднюю полу-гинею,
которая у нее оставалась, примѣ-

те это какъ залогъ желанія моего вознаграждать ваши ласки. . . Если когда либо буду богата, вы можете быть увѣрены. . .“ Сесилія, не въ силахъ будучи продолжать свою рѣчь, залилась слезами.

Добродѣтельная чета воспользовалась сею минутою, чтобы отказаться отъ ея предложеній. — „Мы не заслуживаемъ никакого награжденія; сказалъ крестьянинъ, ибо мы исполнили только свою должность. На нашемъ мѣстѣ, сказала жена, не поступилиль бы и вы такимъ же образомъ, — надобно ли получать воздаянiе за то, что воспренятспивуешь своему ближнему учинить самоубийство? Что же касается до попеченій, копорыя я прилагаю о вашемъ дыпяши, то не сама ли я мать, и не должна ли чувствовать, что такое заботы материнской любви? Бѣдный малюшка! прибавила она

со слезами въ глазахъ, онъ былъ такъ блѣденъ, такъ холоденъ; одно желѣзное сердце не сжалилось бы надъ нимъ.“

Сесилія не могла говорить, но продолжала еще предлагать знаками свою полу-синею. „Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ крестьянинъ, береги свои деньги для шѣхъ, кто не умѣетъ оказать и малѣйшей услуги безъ заплапы; мы къ этому не привыкли.“ Сесилія не смѣла болѣе настаивать и положила свои деньги въ карманъ. Но новый споръ возсталъ пошомъ между нею и ея почтенными хозяевами. Крестьянинъ хотѣлъ проводить ее до городу, но Сесилія желала итти одна; наконецъ согласилась на то и условилась, чтобы онъ проводилъ ее даже до той улицы, гдѣ жила пріятельница, у которой она располагалась остановиться, а ежели сія послѣдняя померла или перемѣ-

нила квартиру, по она всгопиш-
ся ночевать къ нимъ.

Съ сердцемъ, спѣшеннымъ опъ
горели и тоски, взяла Сесилія
свое дитя на руки и вмѣстѣ съ
честнымъ крестьяникомъ пошла
по дорогѣ, ведущей къ мѣсту ея ро-
жденія, нѣкогда бывшему свидѣ-
телемъ ея щаспія и славы, нынѣ
госповому содѣлашься позорищемъ
ея стыда и злополучія.

При входѣ въ городъ Сесилія
примѣтила довольно просыпанной
домъ вновь выспроенной, и въ угъ
удалилась опъ него съ такю по-
спѣшностію, какъ могли ей позво-
лить ея колеблющіяся ноги. —
„Слышишь ли ты ихъ? спросилъ
ее проводникъ.“ — „Кто? отвѣчала
Сесилія.“ — „Нѣщастныхъ заключен-
ныхъ шупъ; эяю новой домъ сумас-
шедшихъ, и. . . Г. слоди! Какіе
ужасные крики!“ Сесилія, не въ си-
дахъ будучи устоять на ногахъ,

побрела къ скамьѣ, поставленной у сѣбны зданія, между тѣмъ какъ крестьянинъ, не зная причины, побудившей ее сѣсть, замѣтилъ, что для него было весьма странно, какъ могла она имѣть столько духу, чтобъ остановиться слушать крикъ сихъ несчастныхъ. — „Что до меня, продолжалъ онъ, я не могу сносить ихъ вопля, а тѣмъ мѣнѣе ихъ смѣха; онъ такъ терзаетъ сердце!“

Сесилія была не въ состояніи прервать его, и онъ продолжалъ: „Сей домъ выстроенъ изъ собранныхъ денегъ, и начатъ подъ смотрѣніемъ честнаго и добродѣтельнаго гражданина, именемъ Фицганри; но увы! бѣдный, разорясь отъ слѣдствій банкротства, и лишившись разсудка отъ гнуснаго поступка единственной своей дочери, спалъ самъ однимъ изъ пер-

выхъ жильцовъ сего мѣста, основаннаго благотворительностію.“

Здѣсь Сесилія шажко вздохнула. — „Ты конечно очень успала? сказала ея поварищъ; однакожъ мы не много прошли; но я вижу, что ты не привыкла ходить пѣшкомъ, конечно была ты воспитана въ нѣгѣ. Ахъ! отецъ или мать, которыя балуютъ своихъ дѣтей, не всегда однакожъ наслаждаются благодарностію, а иногда эша же излишняя нѣжность бываетъ причиною ихъ худаго поведенія.“

Сесилія готова была произнести признаніе, которое испоркала у нее тяжесть ея угрызений совѣсти, какъ вдругъ ужасные крики, исходящіе изнутри больницы заставили ее пререпашь: потомъ воображая, что она узнала голосъ своего отца, встала и, зашкнувъ себѣ уши, пустилась бѣжать съ

такою поспѣшностію, что крестьянинъ едва успѣвалъ слѣдовать за нею. — „Не ужь ли ты боялась, чтобы эти несчастные не погна- ли за тобою? сказалъ онъ съ изумленіемъ, видя ея чрезмѣрное волненіе; будь покойна, нѣтъ ни малѣйшей опасности, и шумъ, ко- торой мы слышали, вѣрно про- исходилъ отъ какого нибудь бѣд- наго сумасшедшаго, котораго при- нуждены были ударить.“ Сесилія, при сихъ словахъ, едва не лиши- лась чувствъ. „Пойдемъ поскорѣе, сказала она своему поварищу голо- сомъ прерывающимся отъ рыданій, пойдёмъ поскорѣе, пока я еще мо- гу держаться на ногахъ!“

Наконецъ они достигли стѣ- ны города, и крестьянинъ ска- залъ: „теперь мы, слава Богу, при- шли; дай тебѣ Господь найпи- всякое благополучіе въ своемъ до- мѣ!“ — „Мнѣ найпи благополучіе

въ моемъ домѣ! повторила Сесилія съ мрачнымъ видомъ. У меня нѣтъ уже дома; ни кто не порадуется, увидя меня. Было время, когда я могла надѣяться. . .“ Здѣсь Сесилія, не перенесши горести своихъ воспоминаній, удалилась отъ своего поварища и дала свободное печеніе удручавшей ее печали, между тѣмъ какъ добрый крестьянинъ едва могъ удержаться отъ слезъ при видѣ такого опчаянія.

Въ щасливѣйшіе дни, когда Сесилія покидала своего опца, чпобы посѣтить пріятельницъ, помышленіе о нѣжномъ пріемѣ, который ожидалъ ее по возвращеніи, было можетъ быть пріятнѣйшимъ удовольствіемъ, которымъ она наслаждалась въ пути. Она пламенно желала той минуты, въ кошую увидитъ опца, равно какъ и своихъ юныхъ подругъ; и хотя ея отсутствіе продолжалось не бо-

лѣе недѣли, день ея возвращенія всегда бывалъ днемъ празднованія. Фицганри принималъ ее съ неизъяснимою нѣжноспію, и пріятельницы, прибѣгая къ ней, радовались видя ту, копорая была и подругою ихъ удовольствій и утѣшительницею ихъ горестей; ибо ласковая и чувствительная Сесилія всегда имѣла улыбку для щаспливаго, и слезу для злополучнаго. Уважаемая, любимая всѣми ее окружавшими, гордостъ и любовь нѣжнѣйшаго отца, такова была нѣкогда Сесилія Фицганри! теперь, какая ужасная пропивоположность! Послѣ долговременнаго отсутствія возвращалась она въ поже мѣсто, обитаемое тѣми же людьми; но голоса, привыкшіе благословлять ее, возглашались ей похвалу, теперь должны были при видѣ ея изъавишь презрѣніе и негодованіе; и ей споль нѣжный спецъ, кошо-

рой привыкъ щипать каждую мину, проведенную безъ нея, гдѣ находился теперь! . . . Разительная и вѣрная картина плачевнѣйшаго положенія, колико долженствовала пы стѣснить сердце несчастной Сесилии!

Подходя къ дому, гдѣ ей должно было остановиться, она сказала крестьянину, что онъ можетъ идти домой. — „Для меня совсѣмъ непонятно, ошвѣчалъ честный мужикъ, что все это значитъ; но ты, мнѣ кажется, такъ грустна и при всемъ томъ такъ ласкова, такъ добра, что я и моя жена полюбили тебя опъ всего сердца. Не осердись пожалуй, я тебя не почишаю крестьянкою. Ты конечно барыня, не смотря на швой покорный видъ и на швою одежду. Увы! мы знаемъ, что несчастіе не щадитъ никого.

Сесилія, пронупая и призна-
 пельная къ участию, которое она
 внушала сему доброму чловѣку,
 отвѣчала нѣсколько спокойнѣй-
 шимъ видомъ: „Я подлинно знала
 дни, щаспливѣе эшихъ — надѣюсь,
 что они опять возвратятся, и
 желаю того отъ всего моего сер-
 ца, прервалъ креспьянинъ.“ —
 „Нѣтъ, это уже не возможно,
 другъ мой, сказала Сесилія со вздо-
 хомъ.“ — „Ну! такъ я и моя жена,
 сказалъ онъ, будемъ тебѣ вѣрны-
 ми слугами, ежели не заслужи-
 емъ чести быть твоими друзья-
 ми.“ — „Вы, друзья мои, можете
 быть единственныя въ свѣтѣ
 друзья, отвѣчала горестно Сеси-
 лія; можете быть вы одни во всей
 вселенной не опвергнете и не ста-
 нете проклипать такой несчаст-
 ной, какъ я.“ — „Надобно бы имѣть
 весьма жестокою душу, чтобы про-
 клипать бѣдную женщину въ не-

щастіи , сказалъ съ чувствомъ доброй крестьянинъ ; сверхъ того , пока я живъ , ты не будешь имѣть недостатка въ друзьяхъ , и я тебя никогда не покину . “ — „ Ты не знаешь еще моей исторіи , опвѣчала Сесилія , но я скоро тебѣ расскажу ее : еспьли и погда ты не откажешь мнѣ своей дружбы , по приму ее съ признательностію . “

Домъ , въ копоромъ Сесилія предполагала пристать , былъ домъ ея кормилицы ; она съ умиленіемъ помышляла о материнской нѣжности , копорую всегда оказывала ей сія добрая женщина , и надѣялась остановишься на нѣсколько времени въ семъ гостепріимномъ убѣжищѣ . Но увы ! думала Сесилія , живали она еще ? Тогда дрожащею рукою постучала она въ дверь ; минушу слуспя отворили , и она узнала Фанни , дочь своей кормилицы , вѣрную подругу игръ своего дѣтства .

„Благодареніе небу! вскричала Сесилія возвращаясь къ крестьянину; я надѣюсь, что наконецъ наша опять пріятельницу. Ты можешь итти; я увѣрена, что теперь буду имѣть ночлегъ.“ Добрая поселянинъ взглянулъ на Сесилію съ нѣжнымъ видомъ, просилъ небо благословить ее, потомъ, съ искренностію пожавъ ея руку, немедленно ушелъ.

Фанни все еще стояла у двери, удивляясь, кто бы могъ спучать такъ поздно; и нѣсколько сердясь на то, что ее заспавляли еще ждаль на столь сильной спужѣ. — „Пуспите ли вы меня въ свой домъ, Фанни? сказала Сесилія слабымъ и дрожащимъ голосомъ; возвращаясь къ ней.“ „Боже! кто вы таковы? вскричала Фанни, отступивъ назадъ съ ужасомъ“ — „Не ужели вы меня не узнаете? сказала Сесилія, взглянувъ на нее съ живѣйшимъ

смущеніемъ. Фанни запрепетала, попомъ залившись слезами, взяла Сесилію за руку, впустила ее въ домъ и зашворила дверь: — „О небо! это моя барышня! сказала она всхлипывая.“ — „Вамъ конечно непріятно видѣть меня? спросила Сесилія.“ — „Непріятно! прервала Фанни: о! нѣтъ, но видѣть васъ въ такомъ положеніи! ахъ! сударыня, вы конечно много поспрадали! Увы! благодарю Создашеля, что моя бѣдная мать не дожила до сего горестнаго дня.“

„Она умерла! вскричала Сесилія, поблѣднѣвъ и упавъ на спулъ; и такъ довершена вся мѣра моего злополучія, я лишилась моей лучшей пріятельницы!“

„Но я не умерла! отвѣчала Фанни почтительнымъ пономъ.“ „Ее нѣтъ уже! продолжала Сесилія; ахъ! я надѣялась найти нѣкоторое облегченіе моему злополучію

въ нѣжной любви ея ко мнѣ.“ — „И вы ничего не надѣбешь опѣ моей? сказала Фанни съ голосомъ упрека. Ахъ! сударыня, я люблю васъ такъ же, какъ любила васъ мапушка, и буду для васъ пѣмъ, чѣмъ бы она сама была. Не вамъ ли я одолжена всѣмъ, что имѣю? а теперь. . . когда вы въ горести и, можешъ быть въ нуждѣ. . . . Но нѣтъ! быть не можешъ, присовокупила она сложивъ руки и ходя по комнапѣ съ живѣйшимъ смущеніемъ; я не могу снести такой мысли, и пусть лучше умру, прежде нежели увижу васъ лишенную пѣхъ пособій, которыя вы всегда доставляли другимъ съ такою прогашельною добротою души.“

Сесилія старалась упѣшить бѣдную Фанни, но при всемъ помѣощуцала нѣкоторой родъ пріятности при видѣ сего искренняго сожалѣнія; ибо это служило доказа-

тельствомъ, что она была еще мила чиспому и доброму сердцу.

Во все это время маленькой Идуардъ былъ такъ закушанъ на груди своей матери, что Фанни не могла его видѣть; но когда Сесилія скинула свою епанчу, она примѣшила робенка и обратила на него взоръ изумленія. — „Не ужь ли это? . . . не ужь ли? сказала Фанни запинаясь.“ — „Это мой сынъ, отвѣчала Сесилія съ глубокимъ вздохомъ.“ При сихъ словахъ Фанни взяла дитя къ себѣ на руки и осыпала его поцѣлуями, копорыя почпеніе препяпспшовало ей распочашь его матери.

„Фанни! сказала Сесилія, ты мнѣ не говоришь ни слова о шроемъ мужѣ.“ — „Онъ умеръ, отвѣчала Фанни съ сильнымъ смущеніемъ.“ — „Ешьли у тебѣ дѣти?“ — „Ни одного.“ — „И пакъ, сказала Сесилія, обѣщай мнѣ, ешьли я умру, бышь

матерью моему сыну.“ Фанни схватила руку Сесилии, и оплывчала со слезами: „обѣщаю, обѣщаю!“ — „Этого довольно, сказала Сесилия и простерла объятія къ подружѣ своего дѣтства.“ Фанни забывъ уваженіе и, предавшись всей своей нѣжности, склонила голову на грудь Сесилии и орошала ее слезами.

„Милая Фанни! сказала Сесилия, я хочу тебя спросить о многомъ, обѣщай мнѣ исправно отвѣчать на все.“ — „Не спрашивайте меня ни о чемъ, ибо я никогда не осмѣлюсь отвѣчать вамъ. . .“ „Я знаю о чемъ ты боишься мнѣ объявить, прервала Сесилия съ мрачнымъ видомъ; я видѣла . . . да, я видѣла моего несчастнаго отца; но скажи мнѣ, съ котораго времени онъ. . .“ Сесилия не могла окончить, и закрывъ лице руками, ожидала отвѣта Фанни съ неизъяснимою тоскою.

„Ахъ! сударыня, пощадите себя отъ сихъ ужасныхъ подробностей! вскричала Фанни.“ Вглядъ Сесилии, въ которомъ изображались вмѣстѣ горесть, упрекъ и неперпѣніе, привелъ Фанни въ препенъ; она опустила голову, шяжко вздохнула и покорилась данному повелѣнію.

Послѣ побѣга Сесилии Фицганри, не радѣя о своихъ дѣлахъ, занимался единственно своею горестію. Тщепно предспавляли ему друзья, сколь нужно было для него не предаваться сему пагубному небреженію. „Та, для которой одной я любилъ имущество, меня покинула, опивчалъ онъ съ прискорбіемъ; я не спращусь болѣе ни раззорешя, ни нищеты. Я слишкомъ гордился пакою дочерью. . . и небо смирило меня въ самомъ предметѣ моего обожанія.“

Между тѣмъ прошекали мѣсяцы и Фицганри не получалъ никакого извѣстія о Сесилии. Дѣла его приходили въ большее разстройство. Наконецъ, въ самую минуту, когда сдѣлался жертвою ужаснаго банкротства, свѣдалъ онъ вѣрнымъ путемъ, что Сесилия была почто любовницею Клиффорда и жила съ нимъ въ Лондонѣ. Сіе ужасное извѣстіе нанесло ему столь чувствительной ударъ, что его разсудокъ не могъ перенести того, и друзья, ибо онъ не имѣлъ никого кромѣ весьма дальнихъ родственниковъ, не могли оказать ему другой услуги, кромѣ той, что опдали его въ ближній домъ, посвященный на собраніе несчастныхъ, впадшихъ, подобно ему, въ безуміе.

Мало было надежды возвратити ему разумъ. Онъ говорилъ безпрестанно о своей дочери, ино-

гда почиталъ ее умершею, минушу спустя упрекалъ ее въ неблагодарности; но его сумасшествіе было столь сильно, что онъ не узнавалъ никого и не оказывалъ ни малѣйшаго вниманія пѣмъ, коихъ дружба или любопытство привлекали въ его каморку. Онъ единственно занимался мыслию побѣга, и хотя былъ прикованъ, но успѣлъ, конечно по долговременныхъ усиліяхъ, исполнить свое намѣреніе въ пспѣ самой вечеръ, когда встрѣшилъ Сесилію.

Глубокое молчаніе продолжалось нѣсколько времени послѣ сей печальной повѣсти. „Еще одинъ вопросъ, Фанни, сказала наконецъ Сесилія съ ужаснымъ спокойствіемъ. Скажи мнѣ, не мой ли гнусной поступокъ былъ причиною смерти твоей матери? ибо она была уже очень больна, когда я уѣхала,“ — „О! нѣтъ, отвѣчала Фанни; она

никогда не думала, чшобы вы были согласны бѣжашь; напрошивъ она была шѣхъ мыслей, что вы прошивъ воли послѣдовали за своимъ обольспишелемъ, и умерла въ швердомъ упованіи, что вы воропишесь споль же непорочною, споль же добродѣшельною, какъ прежде. Она не ошиблась; и жопя никто, кромѣ меня, этому нынче не вѣришь, я швердо убѣждена, что вы не способны забышь правилъ добродѣтели.“

Сесилія не могла оставить Фанни въ ея заблужденіи и чистосердечно призналась во всѣхъ своихъ проступкахъ. „Но вѣрь, присозокупила она, что я никогда бы не осмѣлилась просить убѣжища у тебя, моя милая Фанни, еспьли бы не приняла швердаго намѣренія провести остальныя дни мои въ уединеніи, работѣ и раска-

яніи.“ — „Вы бы не осмѣлились просить у меня убѣжища! вскричала Фанни; ахъ! сударыня, не говорите этого, естли не жопите перзать моего сердца.“ — „Такъ, Фанни, женщина, соврапившаясь съ пуши добродѣтели, должна бытъ слишкомъ заражена пагубнымъ о себѣ мечпаніемъ, чпобы, при самомъ знапномъ своемъ происхожденіи или имущеспвѣ, войти къ простой креспьянкѣ, копорой честь пребыла ничѣмъ не помраченною; и вѣрь, что я никогда не пришла бы просить твоихъ великодушныхъ попеченій, естли бы, безъ усладенія моихъ горестей присутствіемъ сострадапельнаго друга, не опасалась я лишиться мужества къ выполненію важнаго и шягошнаго шруда, копорой налагаетъ на меня мой долгъ.“

Не возможно описать горести, копорую почувспвовала Фан-

ни , когда помыслила , что ея молодая госпожа , копорю она всегда сполько гордилась , была доведена въ глазахъ свѣта до споль жалкаго соспожня. Но мысль , что она можетъ быть возвратилась къ ней , дабы никогда съ нею не разспаться , вскорѣ ея упѣшила , а даже возвратила ей обыкновенное ея спокойствіе.

Сесилія провела большую часть ночи въ разсказываніи Фанни своей плачевной исторіи. На разсвѣтѣ она удалилась не для наслажденія покоемъ , но чтобы обдумать предпринятое ею намѣреніе , котораго исполненіе казалось ей весьма удобнымъ. Въ немъ надѣялась она наилучи нѣкопорой родъ облегченія чрезмѣрной своей горести.

Въ слѣдующее утро Фанни вспала гораздо ранѣе Сесилии. Пошедши завтракать Миссѣ Фицганри чрезмѣрно изумилась , уви-

дѣвъ, что столъ былъ набранъ весьма пышно въ сравненіи съ небольшимъ имуществомъ Фанни. Она замѣтила это своей подругѣ. „Могли я угощать васъ иначе, нежели какъ вы привыкли? отвѣчала добрая Фанни “ „Но ты забываешь, милая, что ешьли я останусь съ побою, то ни свое, ни мое имущество не позволятъ намъ дѣлать паковыхъ завпраковъ.“ — „Въ этомъ я съ вами согласна, отвѣчала горестно Фанни; но почитайте сей небольшой пиръ за празднованіе вашего благополучнаго возвращенія.“ — „Такъ, отвѣчала Сесилія съ шомною улыбкою, блудное дитя возвратилось, и ты заклала упитаннаго пельца.“ Фанни залилась слезами; Сесилія, сожалѣя, что испоргла ихъ суровымъ оборотомъ, копторой неволью дала прогашельному уваженію своея пріятельницы, спаралась ее упѣшить, и показывала

даже веселость, которой совсѣмъ не было въ ея сердцѣ.

„Теперь я должна покориться первому моему испытанію, сказала Сесилія; лишь только кончилось завтракъ, я иду къ Г. Сеймуру, который вѣрно живетъ еще въ томъ же домѣ.“ — „Къ Г. Сеймуру не ходите къ нему, прошу васъ; эшомъ человекъ такъ жестокъ; онъ спанетъ васъ ругать, я въ эшомъ увѣрена.“ — „Нѣтъ нужды, отвѣчала Сесилія; заслуживъ ругательство, униженіе, я должна переносить ихъ, и непременно пойду къ Г. Сеймуру. Дочь его Каролина, которая была нѣкогда моею лучшею пріятельницею, конечно не допуститъ, чпобы онъ худо поступилъ со мною. При томъ же мнѣ необходимо должно видѣться съ нимъ для успѣха въ моемъ предпріятіи.“ — „Въ какомъ предпріятіи? спросила Фанни.“ — „Ты его не одо-

бришь, отвѣчала Сесилія; и попому бесполезно сей часъ извѣснись его шебѣ; но когда я ворочусь, ты все узнаешь.“ — „По крайней мѣрѣ не уходите такъ скоро, сказала Фанни, обождите до наступленія вечера. Великій Боже! ну естли спануть вамъ ругаться по улицамъ!“

Сесилія запрепешала отъ ужаса при семъ невольномъ описаніи презрѣнія, которое ощущали къ ней люди, привыкшіе нѣкогда осыпаться ея похвалами; но сіе первое впечатлѣніе скоро исчезло. „Ругательства, которыя я услышу, будутъ весьма слабымъ наказаніемъ моего проступка, отвѣчала она.“ — „Ради Бога! вскричала Фанни со слезами, естли вы не хотите избавиться оныхъ изъ любви къ себѣ сзнимъ: по сдѣлайте сіе по крайней мѣрѣ изъ любви ко мнѣ. Ежели съ вами худо поступяшъ, я не

переживу такой горести.“ Сесилія, пронушая симъ новымъ знакомъ привязанности бѣдныя Фанни, склонилась на ея прозьбу и согласилась ожидать вечера.

Въ шесть часовъ по полудни, въ то самое время, когда семейство Г. Сеймура сидѣло у камина и Каролина ожидала своего любовника, съ которымъ гоповилась соединиться чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, поспучала Сесилія въ дверь дома, твердо запретивъ Фанни слѣдовать за нею. Каролина вздрогнула. Ударъ, которой она слышала, не походилъ на спукъ любовника, неперпѣливо желающаго увидѣть предметъ своей нѣжности: „но можешъ бышь это онъ, сказала она сама себѣ, вѣрно хочеться ему обманушь меня.“ Тогда отворивъ нѣсколько дверь залы, она ожидала отвѣта слуги, которой пошелъ оппираться.

„У себя ли Г. Сеймуръ?“ спросила Сесилія колеблющимся голосомъ. Слуга послѣ восклицанія, вырвавшася отъ изумленія, отвѣчалъ, что его господинъ никуда не вышелъ, — „Мнѣ знакомъ этотъ голосъ! вскричала Каролина, подходя съ поспѣшностію. Ахъ! такъ, это она!“ Тогда отецъ Каролины схвативъ ее за руку, оттолкнулъ въ залу. „И мнѣ, сказалъ онъ, знакомъ этотъ голосъ! я тебѣ приказываю оспаться спать.“ Потомъ подошедши къ дрожащей Сесиліи, онъ просилъ ее выйти спуже самую минуту изъ его дома: „Не здѣсь приспанище развратной женщинѣ и безчеловѣчной дочери, произнесъ онъ твердымъ и суровымъ голосомъ.“

„Не ужели и одною минутою не захотите вы пожертвовать несчастію и раскаянію? отвѣчала Сесилія!“ — „Башюшка! башюшка!

вскричала Каролина, подбѣжавъ къ двери.“ Г. Сеймуръ снова оптолкнулъ ее, и оборотясь къ Сесиліи: „Подите, сударыня, сказалъ онъ ей, ищите пособія отъ того, для кого вы покинули наилучшаго отца.“ Попомъ отворотясь отъ нее, приказалъ человѣку запереть двери, и вышелъ въ залу. Тутъ Сесилія услышала вздохи и рыданіе чувствительной Каролины.

Слуга, человѣколюбивѣе своего господина, не могъ исполнить даннаго ему повелѣнія. — „Ахъ Миссъ Фицганри! развѣ вы меня не узнаете, сказалъ онъ ей? я прежде служилъ у васъ; неужели вы забыли маленькаго Вильяма? что до меня, я васъ никогда не забуду; вы были такъ добры, такъ ласковы, такъ снисходительны! . . .“

Прежде нежели Сесилія успѣла отвѣчать, Г. Сеймуръ съ гнѣ-

вомъ спросилъ, за чѣмъ не исполнено его приказаніе? Сесилія, спараясь преодолѣшь свою горестъ, сказала Вильяму съ вздохомъ: „Ешьли ты хочешь доказать участие, которе принимаешь во мнѣ: по уприси своего господина, чтобы онъ доставилъ мнѣ мѣсто служанки въ домѣ. . . по ешь, въ больницѣ. . . тамъ, гдѣ. . .“ Она не могла окончить. Вильямъ посмопрѣлъ на нее со слезами и пошелъ въ залу, чтобы исполнишь ея препорученіе.

„Ахъ! бѣдная Сесилія! вскричала Каролина, она перебуетъ мѣста служанки! ей бытъ служанкою! и въ какомъ еще мѣстѣ! . . .“

„Ахъ! Миссъ, сказалъ шихонько Вильямъ, она кажеться такъ бѣдна, такъ нещастна!“

Въ сіе время Г. Сеймуръ ходилъ въ задумчивости по залѣ, не зная, что ему опвѣчать; но вско-

рѣ подумавъ, что лучше не имѣть никакого сношенія съ Сесилією, онъ повпорилъ слугѣ повелѣніе выслать ее изъ дому. — „Вышли-те ее сами, еспьли вы вѣ силахъ, опвѣчалъ Вильямъ; я не могу бытъ споль жеспокъ, чптобы. . .“ Г. Сеймуръ немедленно вышелъ и сухо сказалъ Сесиліѣ, чптобы она просила о помѣ другихъ попечителей; попомѣ, сдѣлавъ ей знакъ продолжатъ свой путь, самъ заперъ двери. Сесилія съ мрачнымъ и задумчивымъ видомъ возвращалась вѣ домъ своей доброй и снисходительной Фанни.

Лишь полько она отошла нѣскольکو шаговъ, вдругъ услышала, что кто-то бѣжитъ за нею, произнося ея имя тихимъ и дрожащимъ голосомъ. Она оборотилась и примѣтила Миссъ Каролину Сеймуръ, которая, схвативъ ея руку, прижала ее къ своимъ

успамѣ, положила въ оную небольшой свертокъ и, не сказавъ ни слова, топчасъ скрылась. Сесилія въ изумленіи не могла сперва продолжати своего пупи; но собравшись съ силами, и поддерживаемая пріятнымъ волненіемъ, которое произвелъ въ ней вѣжнѣйшій пошупокъ Каролины, она удвоила шаги и пришла къ Фанни.

Живѣйшее негодованіе изобразилось на лицѣ сея опмѣнныя женщины, слыша какъ жестоко обошелся Г. Сеймуръ съ ея госпожею: но упавъ на колѣни, молила она небо благословитъ Каролину. Въ сверткѣ, врученномъ Сесиліѣ, находилось двадцать гиней; онѣ были обернупы въ бумагу, на которой видны были сіи слезами полустершья слова: *„Моей всегда милой Сесиліѣ... Я не смѣю больше сказать!“*

Сии деньги далъ Г. Сеймуръ своей дочери на предметы роскоши, содѣлавшіеся почти необходимыми для невѣсты. Но добродѣтельная Каролина испытала гораздо пріятнѣйшее удовольствіе, назначая оныя своему несчастному другу. Какъ утѣшилось бы ея великодушное сердце, если бы она могла знать, колько пронуло Сеселию сіе доказательство ея вѣжності! ибо, твердо рѣшившись устоять противъ всѣхъ опягощеній бѣдности, не имѣла она мужества сносить презрѣніе тѣхъ, коихъ почтеніемъ и дружбою она нѣкогда наслаждалась.

Но Сесилія вскорѣ забыла о Каролинѣ, чтобы заняться своимъ опцомъ и предпріятымъ ею намѣреніемъ. — „Увы! удастся ли оно? не станеть ли вредить мнѣ Г. Сеймуръ? однако же онъ сказалъ, что я могу просить объ

этомъ другихъ попечителей.“ Тутъ Фанни увѣдомила ее, что на другой день всѣ они должны собраться въ больницу по дѣламъ, касающимся до сего заведенія, и Сесилия рѣшилась написать къ нимъ, прося позволенія явиться въ ихъ присутствіе.

Фанни взяла на себя отнестъ сіе письмо, коего содержаніе было ей неизвѣстно. Попечители, къ великому изумленію Сесилии, поспѣшася согласиться на ея пребываніе, по прозѣбѣ же самаго Г. Сеймура.

Сей человекъ ни мало не былъ жестокъ, его суровость къ Сесилиѣ была дѣйствіемъ того, что онъ почиталъ своимъ долгомъ, а не природной склонности. Какъ отецъ многихъ дочерей, онъ думалъ, что не лзя дать весьма живо почувствовать молодымъ дѣвицамъ, какимъ образомъ лишеніе ихъ чести необходимо увлекаетъ за собою ли-

шеніе всѣхъ ихъ друзей. При томъ же Каролина, спаршая его дочь, гоповилась выпши за мужъ за человека, котораго мать была строгой добродѣтели, и онъ боялся, чтобы снисхожденіе къ Сесилии, послѣ сдѣланнаго ею просупка, не произвело весьма жудаго дѣйствія пропивъ Каролины въ умъ ея будущей пеци. Можно ко всѣмъ симъ причинамъ прибавить еще, что Г. Сеймуръ былъ рабъ мнѣнія другихъ. — „Что подумають люди?“ говорилъ онъ завсегда. — Посему первое его движеніе, почти всегда доброе и справедливое, было попчасъ подавляемо симъ дѣпскимъ страхомъ.

Однакоже, не взирая на сія мнимыя причины, радовался своему поступку въ разсужденіи Сесилии; сердце его пропивъ воли спѣснялось, помышляя о горести, которую онъ ей безъ сомнѣнія на-

несъ. Онъ сожалѣлъ тогда, что не имѣлъ довольно мужества быть къ ней снисходительнѣе : и когда Каролина , не могшая скрыть со-спраданія, которое почитала столь справедливымъ, призналась ему въ подарокъ, сдѣланномъ ею Сесиліѣ, онъ едва былъ въ силахъ похулить сей поступокъ. Однакоже запретилъ ей пронумымъ и прерывающимся голосомъ имѣть впредь какое-либо съ нею сношеніе, и опворопилъ опъ нее, чшобы скрыть слезу сожалѣнія, копорая спаралась вырваться изъ его горящихъ щекъ. „Но, милая Каролина, присокупилъ онъ немедленно, берегись впередъ слѣдовать первому движенію ; ибо, что скажутъ люди, естли эшотъ поступокъ сдѣлается извѣстенъ!“

По сему начертанію характера Г. Сеймура, не должно удивляться, что пронумый велико-

душнымъ намѣреніемъ Сесиліи, и огорченный жестокостію, съ какою самъ обошелся съ нею, онъ обрадовался, нашедши случай оказать ей услугу, не навлекши на себя ничего худаго мнѣнія, и съ успѣхомъ упопребилъ всю власть, которую имѣлъ надъ умомъ другихъ попечителей, чтобы заставить ихъ согласиться на посѣщеніе Сесиліи. Но всегда опасаясь мнѣнія другихъ, онъ столько же боялся предъспать глазамъ дочери Фицганри, сколько она сама могла спрашиваться ожидавшаго ее приема.

Сесилія, занявъ у Фанни одежду, приличную должности, въ которую хотѣла вступить, явилась въ назначенной часъ въ залу попечителей, приготовившись съ швердостью снести презрѣніе, которое ей конечно всѣ изъяснятъ; но страхъ ея былъ неосновательнъ.

Въ часы щаспія Сесилія была такъ добра, такъ кропка, сполько старалась не пронуть никогда самолюбія другаго выказываніемъ наилучшихъ своихъ дарованій и достоинства, что всѣмъ внушала еще болѣе благосклонности къ себѣ, нежели удивленія; и надлежало бытъ чудовищемъ, чптобы радоваться, видя ея въ такомъ униженіи.

Глубокое молчаніе царствовало въ залѣ, когда она вошла. Каждой изъ попечителей съ изумленіемъ, съ состраданіемъ замѣчалъ слѣды, оставленные горестію и терзаніемъ совѣспи на семъ нѣкогда споль свѣжемъ и прекрасномъ лицѣ. Они припоминали себѣ прелести Сесилии, изящность ея стана, звукъ ея пріятнаго, сладостнаго голоса, удивленіе, которое возбуждало ея присутствіе на балахъ, въ собраніяхъ: они припоминали себѣ, сколь-

ко сами всегда завидовали Фицган-
 рию въ щастіи, быль опцомъ та-
 кой дочери. Нынѣ сія самая Сеси-
 лія, увядшая, униженная, съ блѣд-
 ностію на лицѣ приходила про-
 сить ихъ соспраданія. Удрученные
 сею печальною пропивоположно-
 стію, съ сердцемъ, спѣсненнымъ
 горестію, они помыслили о своихъ
 собственныхъ дочеряхъ и тайно
 молили небо предохранить ихъ отъ
 сѣпей недостойнаго обольстите-
 ля. Намѣреніе, которое они - было
 имѣли, принявъ Сесилію съ пре-
 зрѣніемъ и негодованіемъ, вдругъ
 исчезло. Обезоруженные, при видѣ
 ея злополучія, ни одинъ не имѣлъ
 мужества произнести даже одно
 слово. — „Садись, Миссъ Фиц-
 ганри, сказалъ наконецъ предсѣ-
 датель пронупымъ голосомъ. —
 Волъ стулъ,“ подхватилъ другой,
 и Г. Сеймуръ самъ подвинулъ сей
 стулъ къ огню.

Сесилія, которая пригото-
 вилась перенести ругательства и
 укоризны, не могла устоять про-
 тивъ сихъ неожиданныхъ доказа-
 тельствъ доброты и снисхожденія.
 Въ сильномъ волненіи подошла она
 къ окну и сблилась слезами. Но
 скоро важность приводившаго ес-
 тва предмета живо изобразилась
 ея памяти и возвратило ей все ея
 мужество. Она подошла къ пред-
 сѣдателю и начала слабымъ и дро-
 жщимъ голосомъ изъяснять при-
 чину своей просьбы. По мѣрѣ какъ
 она говорила, пламенное желаніе
 прорваться своихъ слушателей, воз-
 будить въ нихъ свои собственныя
 ощущенія, придавали ей жаръ и не-
 обыкновенную силу въ выражені-
 яхъ. Она рассказала свою исторію
 съ той самой минутой, когда оста-
 вила Клиффорда, даже до встрѣчи
 съ своимъ отцомъ въ лѣсу, когда
 ее съ нимъ разлучили прислуживы.

Здѣсь отъ живѣйшаго смущенія снова измѣнился ея голосъ. Она принуждена была оспановиться, но имѣла утѣшеніе видѣть слезы на лицахъ попечителей.

„Позвольте мнѣ теперь, милостивые государи, продолжала Сесилія, извяснить вамъ причины, побудившія меня рассказать сіи печальныя подробности. По впечатлѣнію, которое мой видъ произвелъ надъ моимъ несчастнымъ опцомъ, я имѣю тайное убѣжденіе, что есльи мнѣ позволено будетъ безпрестанно жить съ нимъ, то время и мои попеченія конечно возвращающъ ему разсудокъ, котораго лишило его мое преступленіе. Чтобы привести въ дѣйство сіе намѣреніе, я осмѣливаюсь просить васъ пожаловать мнѣ мѣсто служанки въ семъ домѣ. Есльи я не буду столько щаслива, чтобы небо услышало мои мольбы: то не

могу по крайней мѣрѣ сомнѣваться, что моему опцу пріятно. будетъ видѣть меня возлѣ себя; и если бы могло существовать какое-нибудь утѣшеніе для сердца, столь удрученнаго какъ мое, то я нашла бы оное въ посвященіи всея моей жизни на облегченіе несчастія, котораго я виною. При томъ же, присовокупила она съ воспоргомъ, небо можетъ благословить сіе предпріятіе, возвращая разсудокъ моему опцу, и тогда съ какимъ сладостнымъ удовольствіемъ буду я продолжать мои спаранія о немъ!“

Попечители, глубоко пронувшие состояніемъ Сесилии, пропивоположили ей предпріятію довольно важныя препятствія. Но отвергнувъ ей прозьбу бытъ принятою за служанку въ сей домъ, они дозволили ей однакожъ испытать то, чего она желала, если сіе испытаніе можетъ облегчить ея горесть. Но-

совѣтовавшись съ лѣкарями сего заведенія, они позволили ей проводить съ своимъ опцомъ каждой день два часа поупру и два ввечеру. Сесилія, которая не смѣла ласкаться получитьъ сіе, извѣяла радость свою и признапельность перерыгающимися выраженіями и значительными взорами, между тѣмъ какъ слезы покрывали ея лице.

„Наше участіе въ судьбѣ вашей не ограничится этимъ, сказалъ предсѣдатель, и мы должны, какъ друзья вашего бѣднаго родителя, заняться средствами опредѣлить вамъ содержаніе.“ „Нѣтъ, милоспивый государь, отвѣчала Сесилія, позволите мнѣ отказатья отъ сего новаго знака милости. Я должна работашь для пропитанія себя и дитяти: щасплива буду я, естли, исполняя съ спрогоспію долгъ машери, возмогу загладить

преступленіе, которое заставило меня нарушить обязанность дочери!“

„Однакоже, Миссѣ Фицганри, сказалъ предсѣдатель, примите хотя нѣкоторое пособіе, пока вы найдете средство снабдить себя нужнымъ.“ — „Никогда! произнесла Сесилія твердымъ голосомъ; будьте увѣрены въ моей признательности, но я не могу и не должна ничего принимать. Я уже получила нѣкоторое пособіе отъ великодушной пріятельницы; если я не отказалась отъ онаго, то единственно потому, что мнѣ бы самой горестно было видѣть отверженнымъ мой подарокъ. Позвольте мнѣ еще сказать, что одна моя расчетливость должна предохранить меня отъ нищеты, въ которую меня ввергло мое преступленіе.“

Послѣ сихъ словъ Сесилія поклонилась попечителямъ и съ по-

спѣшностію вышла, оставивъ ихъ глубоко пронухъ слышанными ими повѣствованіемъ, равно какъ многопруднымъ планомъ, которой она предприняла.

Съ позволенія попечителей Сесилія поспѣшнѣе потребовала видѣть своего отца, и была введена въ каморку, которую онъ занималъ. Она нашла его сидящаго задомъ къ двери и рисующаго уголькомъ на стѣнѣ. Какъ Фицганри не могъ ее видѣть, то она близко подошла къ нему и разсмотрѣла предметъ его занятій. Несчастный Фицганри, начерпивъ видъ и принадлежности гроба, писалъ на основаніи имя *Сесилия*.

Воскличаніе, котораго Сесилія не могла удержашь, привело въ шрепетъ Фицганри: онъ немедленно оборотился, бросилъ на нее смущенный взоръ, потомъ, покачавъ головою, тяжко вздохнулъ, и продолжалъ свою работу, поглядывая

однако же опѣ времени до времени на Сесилію, которая наконецъ, удрученная горестію, бросилась на постель отца и дала свободное теченіе своимъ слезамъ.

Тутъ Фицганри упустилъ свой карандашъ, сѣизнова оборотился и, попрепавъ Сесилію по лицу: „Бѣдненькая! бѣдненькая! вскричалъ онъ; потомъ устремивъ на нее жадные взоры, долгое время разсмащивалъ ее въ безмолвіи, между тѣмъ какъ Сесилія покрывала его руку поцѣлуями и слезами. Но скоро потомъ онъ удалился отъ нее, произнеши помнымъ голосомъ: „она умерла! да, она умерла!“

Походивъ нѣсколько минутъ въ задумчивости по своей комнатѣ, онъ возвратился къ Сесиліѣ, и сказалъ ей тихимъ голосомъ: „Пойдемъ вмѣстѣ къ ея могилѣ;“ потомъ взявъ ее за руку, повелъ съ собою въ садъ. Во время прогулки

онъ часто улыбался, взглядывая на нее, какъ бы ему пріятно было ее видѣть; потомъ громко смѣялся и казалось спарался заключить въ себѣ самомъ причину удовольствія, котораго не хотѣлъ сообщить. Когда они кругомъ обошли садъ, то Фицганри внезапно остановился и заиѣлъ распроганнымъ голосомъ Генделевъ романсъ, копорой пѣла ему нѣкогда Сесилія съ такою пріятностію: —

„Tears such as tender fathers shed.“

„Я не въ силахъ продолжать сказалъ онъ съ мрачнымъ видомъ, взглянувъ на Сесилию; можешь ли ты окончить эту пѣснь? ну! можешь ли?“ Онъ казалось, размышлялъ, какъ бы находя нѣкоторое сношеніе между ею и романсомъ. Сесилія, съ сердцемъ спѣсненнымъ, продолжала оной съ того мѣста, гдѣ онъ оставилъ.

Фицганри слушалъ ее съ неизъяснимымъ волненіемъ, и когда Сесилія окончила, то онъ просилъ ее съизнова начашь. „Но повтори первыя слова пѣсни, продолжалъ онъ, и Сесилія зашла :

„Tears such as tender fathers shed.“

то есть :

„Слезы, подобныя тѣмъ, какія проливаетъ нѣжный отецъ, текутъ изъ моихъ очей, ослабленныхъ лѣтами; но сіи слезы суть слезы радости, помышляя, что, когда я перестану жить, родъ человеческой будетъ другомъ моего сына.“

„Нѣтъ, нѣтъ! прервалъ Фицганри, надобно сказать :“ *сіи слезы суть слезы радости, помышляя, что когда я перестану жить, родъ человеческой будетъ другомъ Сесилии.*“

„Такъ пѣлъ я прежде, такъ заспавлялъ пѣшь Сесилію. О! она пѣла такъ хорошо! . . . а нынче не можешъ уже пѣшь; она умерла и мы пойдёмъ на ея могилу.“

Тутъ онъ спалъ ходитъ скорыми шагами по саду, между тѣмъ какъ Сесилія, копорой слова романса привели на память множество мучительныхъ воспоминаній, бросилась на дерновую лавку въ поскѣ, копорая едва не лишила ее разсудка. Фицганри скоро возвратился къ ней и, схвативъ ее за руку, вскричалъ грубымъ голосомъ: „развѣ и ты хочешь покинуть меня? но ужь ли и ты меня бросишь?“ — „Ажъ никогда! отвѣчала Сесилія съ страшнымъ видомъ и склонивъ свою голову на грудь отца.“ — „Бѣдненькая!“ повпорилъ Фицганри пронухымъ голэсомъ; попомъ началъ споль пристально разсматри-

вашь ее, что Сесилія надѣялась бышь имѣ наконецъ узнанною.

„Какъ блѣдно это лицо! продолжалъ онъ, погладивъ Сесилію; а у нее какое было свѣжее! . . . Запой еще, ради Бога, запой еще!“ Сесилія повиновалась слабымъ и дрожащимъ голосомъ. — „Она пѣла лучше шебя, сказалъ онъ; голосъ ея былъ такъ пріяшенъ, такъ прогашпеленъ! но она умерла! ахъ! навсегда умерла!“ Несчастный Финганри почувспвовалъ тогда совершенное равнодушіе ко всѣмъ окружающимъ его предметамъ, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія къ Сесиліи, и она начала шерьять надежду, кою сперва ласкалась.

Вскорѣ приспавъ пришелъ ей сказать, что уже время уйти. Она встала съ гореспнымъ видомъ, взяла руку опца, приложила ее къ своимъ успамъ; попомъ, обративъ громкія мольбы къ небу о ниспосла-

яи ему благословенія, пошла въ слѣдъ за приставомъ. Но Фицганри примѣшивъ, что она уходитъ, побѣжалъ за нею такъ скоро, какъ могла ему позволить цѣпь, которую тащилъ за собою, вскричавъ съ смутнымъ видомъ: „ты не уйдешь! нѣтъ! нѣтъ! ты останешься со мною.“

Сесилія, обрадованная симъ очевиднымъ доказательствомъ удовольствія, которое онъ находилъ въ зрѣнїи ея, просила пристава позволить ей еще остаться; но сей человекъ отвѣчалъ ей, что онъ не можетъ нарушить правилъ дома; и Сесилія не смѣла болѣе требовать сего. Прежде нежели Фицганри могъ догнать ее, она выбѣжала изъ дому, котораго дверь съ шумомъ затворилась за нею.

„И такъ, сказала Сесилія, оборотясь къ печальному мѣсту сему, откуда исходили ужасные крики,

спенанія, смѣхи и звукъ цѣпей: вотъ убѣжище моего опца! и я доставила ему сіе! вотъ награда, кошую предопредѣляла ему любимая его дочь — ша, которой съ самаго младенчества оказывалъ онъ знаки споль пламенной нѣжности!“

Сія мысль была ужасна; Сесилія не могла снести ее и, усиливаясь возвратитъ себѣ мужество, она старалась предаться надеждѣ видѣть своего опца въ полномъ разсудкѣ, чувствующаго всю ея нѣжность, мысленно повпорила предъ лицомъ неба торжественную кляпву посвятитъ ему свое существованіе, житъ полько для него и съ нимъ. Попокъ слезъ облегчилъ тогда ея сердце, мучимое угрызеніями совѣсти; и пока дошла до Фаннина дома, она получила уже нѣсколько владычества надъ собою.

Видъ Сесилии былъ теперь не споль печаленъ, какъ предъ ея вы-

ходомъ. Нѣкопороу родъ неописаннаго ощущенія изображался въ малѣйшихъ ея движеніяхъ; это было ободреніе надежды, а не восторгъ, копороу она внушаетъ иногда несчастнымъ. Отдаленная будущность предспавлялась ея взорамъ; она хотѣла бы видѣть въ ней единственное успѣшеніе, копорого могла теперь желать; но спрахъ сію прелестную каршину въ мигъ покрывалъ мрачнымъ флеромъ. Погруженная въ свои шихія и меланхолическія размышленія, она едва отвѣчала на ласки сына, копороу сидя у нее на колѣнахъ, изъвлялъ ей свою радость; и между тѣмъ, какъ она цѣловала свѣжія и румяныя щеки дыпяща, ея глаза, наклоненные къ землѣ, ея развлеченный и задумчивый видъ доказывали, сколь сильно была она занята своимъ предметомъ.

„Я опять видѣла его, сказала она наконецъ, оборотясь къ Фанни; онъ почти узналъ меня! онъ меня со временемъ совершенно узнаетъ; онъ узнаетъ всѣ окружающіе его предметы и тогда я буду щаслива!“

Фанни, которой Сесилія не открыла содержанія письма, опеченнаго ею къ попечителямъ, казалась въ изумленіи отъ несвязности ея рѣчей, и даже попревожилась, не потеряла ли разсудка ея госпожа; но когда Сесилія изъяснила ей свой планъ и свои надежды, она сама старалась ободрить ее, хотя внутренно мало была увѣрена въ успѣхѣ.

Сесилія, долго говоривъ о своемъ отцѣ, занялась наконецъ средствами доставать себѣ пропитаніе. Фанни содержала у себя школу малолѣтнихъ дѣвушекъ; но при томъ работала для фабрики

шалай, находившейся въ семьъ городѣ. Наконецъ онѣ положили между собою, что Сесилія спанетъ братья себѣ тамъ работу и жить въ небольшой комнатѣ, находившейся внутри дома, въ которомъ жила Фанни.

Въ печеніе сего времени, попечители возвратились домой, будучи совсѣмъ иныхъ мыслей о Сесилии, нежели прежде. Но благоразуміе не дозволило имъ внутри ихъ семейства хвалить раскаявающуюся Сесилию, и на вопросы домашнихъ они давали весьма короткіе отвѣты.

Напрошивъ того Г. Сеймуръ счелъ за долгъ облегчить доброе и великодушное сердце своя дочери подробнымъ описаніемъ всего происходившаго; но не могъ найти къ тому случая, заснавши уже много гостей, собравшихся обѣдать у него. Каролина, которая наблю-

дала всѣ движенія своего отца, примѣшила, что онъ казался разпроганъ, и говорилъ даже пропивъ воли, — очевидное доказательство, что его сердце испытывало сильное волненіе. Она ласкалась, что Сесилія была поному причиною, и надѣялась услышать о ней чтонибудь благопріятное.

Во время обѣда одна дама спросила у Каролины, кого изъ своихъ знакомыхъ выберетъ она подругою на свадьбу? Каролина измѣнилась въ лицѣ при семъ вопросѣ и погнупила глаза. Между нею и Сесиліею былъ прежде уговоръ, чтобы та, которая пойдетъ первая за мужъ, выбрала другую своею подругою. Тысяча горестныхъ воспоминаній стѣснили тогда сердце чувствительной Каролины. „У меня будутъ подругами сестры, отвѣчала она наконецъ дрожащимъ голосомъ; я не могу и не желаю даже имѣть

другихъ.“ Тутъ она кинула на своего отца выразительной взоръ. Г. Сеймуръ отворопилъ глаза, смоченные слезами и, желая скрыть свое волненіе отъ окружавшихъ его, немедленно вышелъ изъ залы.

Сердце человѣческое такого свойства, что никогда не ощущаетъ полико соспрананія и благосклонности къ другому, какъ въ то время, когда удовлетворены собственныя его желанія. Точно таково положеніе, въ которомъ находился Г. Сеймуръ; онъ отдавалъ свою дочь гораздо выгодыѣ, нежели какъ могъ когда-либо ожидать, и его опеческія попеченія были совершенно награждены; но при всемъ томъ онъ чувствовалъ, что его заботливоспъ и любовь не превосходили и даже, можетъ быть, не равнялись съ нѣжностію и стараніями Фицганри; да и молодая, прекрасная Каролина не могла од-

нако же сравнятся съ шѣмъ, что была нѣкогда Сесилія. При всемъ томъ Каролина приносила честь своей фамиліи, между шѣмъ какъ Сесилія обезславилась свою; Каролина была щастлива, Сесилія въ злополучіи; самъ онъ обладалъ великимъ имуществомъ, наслаждался всѣми пріятностями жизни, между шѣмъ какъ Фицганри пришелъ въ упадокъ и лишился разсудка.

Сія противоположность между ихъ взаимными положеніями живо представилась уму Г. Сеймура при вопросѣ, сдѣланномъ Каролинѣ. Слишкомъ разпроганный упреннею сценою, и не могши понять причины своего волненія, онъ былъ принужденъ уйти въ другую комнату, чтобы дать свободное печеніе своимъ слезамъ и изліянію признагельности ко Всемогущему. Каролина ушла въ слѣдъ за нимъ, и

свѣдала тогда всѣ подробности Сесилина посѣщенія.

„Но сего еще не довольно, бапюшка, чшобы вы мнѣ это разсказывали, опвѣчала Каролина со слезами: вамъ должно повторять сіе предъ каждымъ, кто произнесетъ въ вашемъ присутствіи имя моей пріятельницы, не скрывать ни отъ кого почшенія; которое внушаетъ вамъ ея раскаяніе; словомъ, вы должны быть ея покровителемъ.“

„Ея покровителемъ! вскричалъ Сеймуръ! а что спанетъ говорить свѣтъ?“

„Онъ спанетъ говорить то, что вы желаете отъ него слышать, опвѣчала Каролина. Повѣрьте мнѣ, бапюшка, свѣтъ похожъ на избалованное дитя; онъ съ презрѣніемъ поступаетъ со всякимъ, кто повинуется его прихотямъ; но уважаетъ пѣхъ, кои, вопреки

его криковъ, предписываютъ ему законъ, вмѣсто исполненія его воли.“

, Ты говоришь съ симъ воспоргомъ, кошкой внушаешь молодость, милая Каролина, отвѣчалъ Г. Сеймуръ; но опытъ докажетъ тебѣ нѣкогда, что не лзя безъ наказанія преступишь мнѣній свѣща.“

„Собственный опытъ показалъ уже мнѣ это, отвѣчала Каролина; но позволите мнѣ сказать вамъ, батюшка, что въ этомъ обстоятельстве вы не отдаете справедливости сему самому свѣту, котораго столько спрашиваетесь. Онъ имѣлъ бы причину похулить васъ, если бы, говоря о бѣдной Сесилии, вы старались оправдать ея худой поступокъ; но если бы, соглашаясь въ великости ея преступленія, вы рассказали объ ея раскаяніи, о похвальныхъ и про-

гапельныхъ оя намѣреніяхъ въ разсужденіи своего отца, то свѣтъ сказалъ бы, что вы безпристрастной судья. Но положимъ, что онъ нашелъ бы васъ слишкомъ снисходительнымъ, тогда одобреніе собственнаго сердца не было ли бы для васъ гораздо драгоценнѣйшею наградою? Ахъ бабушка! если бы вы не были наилучшимъ человекомъ, то сіе всегдашнее безпокойство о мнѣніи свѣта, ожесточило бы наконецъ ваше сердце.“

„Полно, полно! вскричалъ Г. Сеймуръ, внутренно убѣжденный въ справедливости замѣчаній Каролины; но что сказалъ бы свѣтъ, если бы узналъ, что ты дѣлаешь поученія своему отцу?“

„Когда свѣтъ услышитъ, что я осмѣливаюсь превозносить свой бѣдный умъ, сомнѣваясь въ благоуміи моего родителя, отвѣчала съ нѣжностію Каролина: то же-

лаю, чтобы онъ поступилъ со мною со всѣмъ презрѣніемъ, котораго я буду стоить.“

Г. Сеймуръ прижалъ свою дочь къ сердцу: „Бѣдной Фицганри! прозвесь онъ невольно.“ — „Бѣдная Сесилія! сказала Каролина, бросившись на шею своего отца. Бабушка! какъ наилучшій и нѣжнѣйшій изъ друзей, выслушайте прозвбу вашей дочери, навсегда оставяющей родительской домъ. При первомъ удобномъ случаѣ, отдайте справедливость моей несчастной Сесиліѣ и пусть говоритъ свѣтъ, что ему угодно.“ — „Обѣщаю тебѣ это, отвѣчалъ Г. Сеймуръ съ сильнымъ движеніемъ духа, обѣщаю исполнить желаніе моей дочери, и смѣю признайся, мое собственное желаніе.“ Каролина и ея отецъ, довольные другъ другомъ, возвращаясь вмѣстѣ въ залу.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего разговора, сочешаніе Сесиліи было праздновано при звукѣ всѣхъ церковныхъ колоколовъ., „Что нынѣ же за поржество? спросила Сесилія, завпракая съ Фанни.“ — „Я думаю, опыѣчала Фанни запинаясь, что эпомѣ звонѣ для Миссѣ Каролины Сеймурѣ, которая идетъ сего дня за мужѣ. — И сполько шуму! прибавила она съ неудовольствіемѣ, сполько приугоповленій! все достается щаспіемѣ на эпомѣ свѣшѣ!“

Однакоже причиною Фанниной досады была не ненависть къ любезной Каролинѣ; но единственна ея нѣжная привязанность къ Сесиліи. Она надѣялась видѣть шѣже самыя веселья, шѣже приугоповленія къ свадьбѣ своей молодой госпожи, и пролила много слезъ горести и сожалѣнія, свѣдавѣ о преднамѣреваемомѣ сочешаніи.

нїи Каролины. Судя о чувствованияхъ Сесилїи по собственнымъ, она не имѣла мужества объявить ей о томъ. — „Каролина! Сеймуръ выходитъ за мужъ! произнесла Сесилїя, оставивъ завтракать; и конечно этотъ бракъ приноситъ ей честь?“ — „Надобно такъ думать, ошвѣчала Фанни съ пѣмъ же неудовольствиемъ; Г. Сеймуръ очень гордится своею дочерью, и слишкомъ былъ разборчивъ въ выборѣ жениховъ!“ — „Великій Боже! благодарю тебя, сказала Сесилїя съ жаромъ. Я отъ всего сердца желаю, чпобы она была столько щастлива, сколько заслуживаетъ она того по своимъ добродѣтелямъ!“ — потомъ оставивъ Фанни, удалась въ свою комнату.

Сесилїя была слишкомъ благородна, слишкомъ нѣжна, чпобы быть способною къ низкой зависти. Она искренно радовалась щастію

своей прежней подруги. Но при всемъ томъ горячія слезы оросили ея блѣдныя щеки. „Щастливая Каролина! скачала она со вздохомъ! Г. Сеймуръ такъ гордится своею дочерью! ахъ! онъ долженъ гордиться ею. О мой злополучной родитель! было время, когда и я надѣялась. . .“ Нещастная Сесилія, удрученная перзаніемъ своея совѣсти и сожалѣніемъ, въ неизвѣстной поскѣ, бросилась на свою постель. Вскорѣ образъ Каролины, оплакивающей ея нещастія, подающей ей помощь, представился ея воспоминанію; въ восторгѣ любви и благодарности Сесилія взяла бумагу, въ которой были гиней, прижала ее къ своему сердцу, поцѣловала написанныя ею слова, и усердно молила небо благословить ея пріятельницу.

„Непремѣнно, сказала она, вбѣжавъ въ комнату Фанни, должно

мнѣ написать нѣсколько строкъ къ Каролинѣ, чтобы поздравишь ее съ бракосочетаніемъ?“ Фанни не могла отвѣчать; она обливалась слезами. Сесилія поняла причину сея чрезмѣрныхъ горести, и признательность поколебала ея душу. Наконецъ, сныдаясь своей собственной слабости, она укоряла Фанни за то, что она предается такой печали. „Иной бы подумалъ, сказала Сесилія, что ты досадуешь на счастье Миссъ Сеймуръ.“

„Нѣтъ, отвѣчала Фанни, я досадою только на ваше злополучіе. Миссъ Королина конечно хороша, но не можетъ сравниться съ вами.“ — „Ахъ! Фанни, я теперь не могу сравниться съ нею; вспомни, что мое преступленіе виною сего злополучія.“ — „Тѣмъ еще болѣе должна я огорчаться, сказала Фанни.“

Сесилія вздохнула при семъ спрогомъ замѣчаніи, вырвавшемся у доброй Фанни въ изліяніи ея горести. Не въ состояніи будучи продолжать споль шягостнаго разговора, она ходила въ задумчивости по комнашѣ, размышляя, писать ли ей къ Каролинѣ. Наконецъ она рѣшила, что гораздо приспойнѣе не возмущать радости своея пріятельницы напоминаніемъ ей о несчастной. —

„Подлинно, сказала она къ Фанни, которая склонивъ голову къ землѣ, едва ее слушала, для меня было бы весьма пріятное утѣшеніе выразить ей дружбу мою, признательность; и извѣвленіе нѣжности ея и сожалѣнія конечно бы польспило моему самолюбію, но я должна подвергнуться сему лишенію, и въ спакѡй день не спану безпокоить моей пріятельницы.“

Принявъ сіе похвальное намѣ-
реніе, Сесилія старалась успокоить
волненіе своего духа, занимаясь Иду-
ардомъ, котораго вѣрная Фанни
чрезмѣрно уже любила; попомъ вы-
шла она посѣпить своего неща-
снаго опца.

Проходя мимо дома Г. Сеймура,
которой находился на ея дорогѣ,
она увидѣла множество каретъ,
сбравшихся для провожанія ново-
брачной въ деревню ея пещи. Се-
силія, прошивъ воли принужденная
остановившись, нѣсколько времени
старалась пробраться сквозъ пол-
пу, и бросивъ быстрый взглядъ
на богатство одеждъ и на зрите-
лей, окружившихъ домъ, она при-
мѣтила Г. Сеймура, на котораго
лицъ изображалось щастіе. Не
смѣя разбирать тягостныхъ чув-
ствованій, которыя удручили по-
гда ея душу, она побѣжала прочь
отъ сея радостныя сцены и оста-

новилась не прежде, какъ у воротъ больницы. Но когда, пришедши къ сему печальному пребыванію, разсмотрѣла она забитыя рѣшетками окна, желѣзныя всегда запертыя ворота: „Вошъ, сказала она себѣ, домъ моего опца! какъ онъ несходенъ съ домомъ опца Каролины! . . . Тупъ предспавивъ себѣ пощее, впадшее лице Фицганри, и сравнивъ его съ радостнымъ видомъ здоровья, блиспавшаго на лицѣ Г. Сеймура. . . я не могу войти, не могу нынче его видѣть, сказала она слабымъ голосомъ.“ Потомъ опершись о стѣну, пребыла нѣсколько минутъ въ безпамятствѣ. Пришедши въ чувство, она возвратилась домой и, заперши дверь своей комнаты, провела оспальную часть дня въ сихъ уединенныхъ и горестныхъ размышленіяхъ, когда душа собираетъ всѣ свои силы, дабы съ лучшимъ

успѣхомъ бороться противъ нещасія.

Сесилія конечно почувствовала бы нѣкоторое облегченіе своимъ горестямъ, если бы знала, что Каролина, среди поздравленій, которыми она была окружена, вздыхала о своей пріятельницѣ; что она ждала, желала письма отъ нея; что, оставляя городъ, она болѣе всего сожалѣла о томъ, что покидаетъ ее несчастною.

Каролина прощаясь съ домашними, весьма строго приказывала имъ доставлять ту же самую минуточку письма, какія только могутъ прийти на ея имя. Она обманулась въ своемъ ожиданіи; но если бы могла знать причину сего, то бы еще болѣе полюбила свою несчастную пріятельницу.

Въ слѣдующій день Сесилія пошла къ своему отцу гораздо ранѣе, нежели обыкновенно. Она не смѣла

ласкаться, чтобы онъ говорилъ о ней на канунѣ: однако же это могло бытъ; и не имѣя силы спросить о семъ присава, которой отворилъ ей дверь, она ожидала, чтобы онъ самъ началъ говорить съ нею. Сей человекъ, какъ будто бы отгадавъ мысль Сесиліи, поспѣшнѣе явилъ ей, что Фицганри весь прошедшій день казался въ смущеніи, часто поглядывалъ на дверь своей каморки, и что наконецъ, ввечеру ложась спать, онъ спросилъ, не приходила ли молодая женщина?

„Возможно ли! произнесла Сесилія съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Но ради Бога, проводите меня къ нему, дайте мнѣ его сей часъ увидѣть!“

Фицганри, при видѣ своей дочери, изъяснилъ сперва ту же самую радость, тоже волненіе, какъ и при послѣднемъ ихъ свиданіи; но Сесилія со вздохомъ замѣтила, что

не видно было благосклонныхъ признаковъ къ возвращенію его разсудка.

Приспавъ сказалъ ей потчасъ, что онъ былъ въ сѣть великой ярости, когда она ушла отъ него въ послѣдній разъ, что впредъ должно ей уходить не сказавшись отцу. Сесилія повиновалась сему наставленію и, проведши съ нимъ нѣсколько времени, тихонько ушла домой.

„Фанни! милая Фанни! вскричала она нѣсколько разъ съ воспоротомъ, онъ спрашивалъ, не приходила ли молодая женщина? онъ вѣрно желалъ меня видѣть — мое присутствіе неоправдательно для него. . . . Онъ не спанетъ проклинаешь меня, скажи Фанни, скажи, что онъ не спанетъ проклинаешь меня. . . Боже! продолжала она,

упавъ на колѣни, съ поднятыми къ небу глазами, обрати весь свой гнѣвъ на меня, но сжапись надъ моимъ несчастнымъ опцомъ!“

Чрезмѣрное смущеніе Сесилии и, ея мрачные, смутные взоры, несвязность ея рѣчей, расперзали сердце вѣрной Фанни, и она снова опасалась, чтобы споль живая, всегдашняя горестъ не помутила наконецъ разсудка ея несчастной госпожи.

Г. Сеймуръ проведши нѣсколь-ко дней у новыхъ супруговъ, возвратился домой. Каролина снова умоляла его покровительствовать раскаявающейся Сесиліѣ, сжапись надъ ея злополучіемъ и защищать ее, когда немилосердый свѣтъ спанетъ опягчать ее своимъ презрѣніемъ. „Вспомните, бапюшка, свое обѣщаніе, прибавила она съ нѣжностью, вспомните, что сіе обѣщаніе служило и еще служитъ

миѢ пріятнѣйшимѢ утѣшеніемѢ при разлученіи съ вами.“ — „Я возобновляю шебѢ его, милая Каролина, опвѣчалъ Г. Сеймуръ разпроганнымѢ голосомѢ, и ты будешь довольна мною.“

Чрезъ нѣсколько дней онѢ нашелъ случай сдержашъ свое слово. Будучи приглашенѢ въ многочисленное собраніе, онѢ услышалъ, что начали говорить о МиссѢ Фицганри. Г-жа. Мекфайнди, машь двухѢ безобразныхѢ и злыхѢ дочерей, въ которыхѢ прекрасная Сесилія нѣкогда произнесла жесточайшую ревность, сказала презрительнымѢ голосомѢ: „Я слышала, что эта дѣвка дошла до такого безстыдства, что воропилась сюда: не могу понять, какѢ смѣетѢ она показашъ въ городѢ. . . Безспрашіе эшихѢ тварей, право, достойно удивленія.“

„Въ самомъ дѣлѣ достойно удивленія, повперили всѣ дамы, неходившіяся въ собраніи.“

„Надобно думать, что она очень закоснѣла въ порокѣ, продолжала Г-жа. Мекфайнди, и вѣрно, опрокинувъ своему обольстившему, пришла сюда искашь.“

„Себѣ гроба, прервалъ Г. Сеймуръ, раздраженный непристойными выраженіями, которыя злость испоргла у сей женщины, Миссѣ Фицганри не можетъ и не желаетъ уже плѣнять никого, но она содѣлалась предметомъ состраданія для каждого, кто имѣетъ истинно чувствительное сердце. Ее нельзя ни видѣть, ни слышать безъ ощущенія живѣйшей горести.“

„У меня весьма чувствительное сердце, продолжала Г-жа. Мекфайнди, оправляя на себѣ платье, но не для такихъ негодницъ. При томъ же мнѣ извѣстно, какъ все-

гда превозносилась эша дѣвка; а что касается до ея красоты, то я никогда не почитала оной продолжительною. . . Вы вѣрно ее видѣли, Г. Сеймуръ? удивляюсь, какъ могли вы до того унизиться, чтобы обратишь глаза на такую шварь.“ —

„Такъ, сударыня, я ее видѣлъ, слышавъ; и естли сердце удрученное терзаніями совѣсти, естли истинное раскаяніе могутъ сколько нибудь загладить прошедшія погрѣшности и привлечь благосклонность неба: то мы нѣкогда найдемъ Миссъ Фицганри въ жилищѣ ангеловъ.“

„Говорите для самихъ себя, естли вамъ угодно, Г. Сеймуръ, сказала съ неудовольствіемъ Г-жа. Мекфайнди; что до меня, я не хочу никогда вѣришь, что за шѣмъ

только буду на помѣ свѣтѣ, что бы имѣть компанію съ Миссѣ Фицганри.“

„Естьли васѣ спануть судить съ такою же спрогостію, какѣ вы судите другихѣ, отвѣчалъ Г. Сеймурѣ: то я вѣ самомѣ дѣлѣ думаю, сударыня, что вы и Миссѣ Фицганри весьма мало будете имѣть сношенія вѣ другомѣ мѣрѣ.“ Тутѣ, испросивѣ вниманіе общества, онѣ рассказалѣ вѣ почтоспи настоящее положеніе Сесилии — планѣ, копорой она предложила попечителямѣ, говорилѣ о ея угрызеніяхѣ совѣспи, о ея скромности, упованіи на Всевышняго, и все собраніе, исключая Г-жи. Мекфайнди и ея дочерей, слушало ее съ чувствованіями подобными пѣмѣ, какія онѣ самѣ испытывалѣ. „Бѣдная! несчастная! кричали со всѣхѣ споронѣ, какѣ жаль, что она сдѣлала такой проспу-

похъ! но не взирая на то, она всегда Сесилія Фицганри.“

Г-жа. Мекфайнди не могла перенести въ молчаніи таковыхъ знаковъ учаспія. Гнѣвъ, досада, распроспранили по ея блѣднымъ щекамъ багровую краску, и она произнесла злобнымъ голосомъ: „Прекрасно! вопъ еще энпузіазмъ, котораго я никогда не могла перпѣшь, и нѣкопорые люди не умѣютъ дѣлать ничега другаго, какъ возносіть до небесъ предметъ ихъ глупаго удивленія. Другія дѣвицы вѣрно бы не нашли сего снисхожденія. . . До побѣга сей пвари, вездѣ говорили только объ ней. . . Однакоже я знаю дѣвушекъ, которыя весьма ея споили, хотя не столько спарались выказывать свое до스포инство и прелести.“

„О! сказала одна изъ Миссѣ Мекфайнди, Миссѣ Сесилія была невѣрояшно дерзка.“

„Это правда, моя милая, опвѣчала ея мать, и чпожѣ изъ того вышло? она сдѣлалась. . . . шѣмѣ, чего я не смѣю произнести.“ — „Ахѣ сударыня! прервалѣ Г. Сеймурѣ, за чѣмѣ такѣ ругаешь просупку несчастной?“

„И вы согласны, чпо она виновата? сказала Г-жа. Мекфайнди.

„Она безѣ сомнѣнiя виновата, опвѣчалѣ Г. Сеймурѣ; однакоже, сударыня, вѣ самыхѣ лучшихѣ обспоятельстввахѣ своея жизни, Миссѣ Фицганри никогда не говорила сѣ такою жестокостiю о преступленiяхѣ ближняго; напротивѣ, она оставила примѣрѣ снисхожденiя, которому какѣ очень не худо бы слѣдовать.“

„Ей давайъ *миѣ* примѣрѣ? вскричала сѣ яростiю Г-жа. Мекфайнди — ей, подлой и покинутой пшари! — иѣшѣ! я не могу здѣсь долѣе оставаться, и никакѣ не до-

лущу, чѣобы мои дочери были свидѣпельницами разговора, споль вреднаго для нравовѣ. Не предполагала я, присовокупила она голосомѣ прерывающимся отѣ ярести, чѣобы споль презрительная шварь, какѣ Миссѣ Фицганри, была еще пославляема вѣ примѣрѣ женщинѣ скромной и добродѣпельной.“

Послѣ сижѣ словѣ Г-жа. Мекфайнди вспала, но Г. Сеймурѣ вспалѣ также и сказалѣ суровымѣ голосомѣ: „вамѣ не для чѣго оставлять общество; я самѣ топчасѣ выйду, для меня подлинно спранно видѣть, сколь вѣ дурную спорону полкуете вы всѣ мои рѣчи. Никто не гнушается болѣе меня преступленіемѣ Миссѣ Фицганри; никто не прошивилсѣ бы сѣ большимѣ усилиемѣ тому, чѣобы она была принята вѣ общество; но вѣ поже самое время и всегда буду готовѣ ободритѣ раскаяніе справедливыми

похвалами и ощущаю нѣкоторой родъ утѣшенія, помышляя, что хотя свѣпъ осудитъ несчастную Сесилію съ излишнею сурогостію, но Судія праведнѣйшій и милосерднѣйшій приметъ ее нѣкогда въ свой покровъ.“

Тогда поклонившись всѣмъ женщинамъ, выключая Г-жи. Мекфайнди, Г. Сеймуръ оставилъ собраніе.

„Эта пварь нашла очень усерднаго Адвоката, замѣшила Г-жа. Мекфайнди съ злобною улыбкою, но это для меня ни мало не удивительно; ибо Г. Сеймуръ всегда слылъ любиледемъ женщинъ, и я увѣрена, что его *Миссъ Фиганри* съ радостію возметъ себѣ такого утѣшителя.“

Горестно для меня согласиться, что сіе гнусное замѣчаніе цѣлымъ собраніемъ было принято

съ снисходительною улыбкою, и хотя всѣ внутренно признавали несправедливость онаго, но никто не смѣлъ взять спорону оклеветаннаго. Такимъ образомъ спрогой, добродѣтельный Сеймуръ, честной челоуѣкъ, почтенный отецъ семейства, даже до сихъ поръ съ такимъ вниманіемъ избѣгавшій сужденія свѣта, былъ обвиненъ въ порочной любви къ Сесилии, попому только, что въ первой разъ, прервавъ сей дѣтской страхъ, котораго былъ всегдашнимъ рабомъ, онъ имѣлъ благородное мужество взять спорону нещасливой.

Однакоже, вопреки усилія клеветы, его описаніе прогательнаго раскаянія Сесилии, подтвержденное другими, вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ цѣлому городу, и каждый, выключая Г-жи. Мекфайнди и ей подобныхъ, спарался исхищитъ ее

отъ нищеты, доставляя ей возможные способы къ пропитанію; но Сесилія никогда не имѣла столько работы, сколько бы она могла предпринять; ибо, кромѣ нѣсколькихъ минутъ, которыя посвящала опцу, она никогда не оставляла работы и лишала себя даже сна столько необходимаго для ея здоровья, не ложась никогда ранѣе часа по полуночи и вставая всегда въ чепыре.

По мѣрѣ того, какъ умножались ея доходы, и небольшія ея дѣла принимали благопріятной оборотъ, оживлялось и ея мужество; но чѣмъ болѣе она пріобрѣтала, тѣмъ экономнѣе она дѣлалась; едва давала она себѣ необходимо нужное для пищи или для одежды и, къ великому изумленію Фанни, великодушная, благородная Сесилія казалась пристрастною къ деньгамъ. „Что значить эта перемѣ-

на, Миссъ Сесилія? сказала ей однажды Фанни.“ „Я имѣю къ тому свои причины, отвѣчала холодно Сесилія, и прервала сей разговоръ.“ Фанни, не смѣя докучать ей, вздохнула и замолчала. Но скоро попомъ Сесилія съ своей стороны замѣшила явную перемѣну въ обхожденіи своея пріятельницы. Въ первые дни ихъ соединенія, когда Сесилія возвращалась отъ своего отца, Фанни обыкновенно разсматривала ея фізіономію, вникала въ нее, не позволяя себѣ ни малѣйшаго вопроса, показываетъ ли Фицганри какіе-либо признаки возвращенія къ разсудку. Тогда она съ нѣжносноію пожимала руку Сесилии, благодарила небо и приготавливала обѣдъ, или ужинъ съ большею прошивъ обыкновеннаго живоспію. Но когда глубокая печаль помрачила лице ея госпожи, она не говорила ничего, брала Идуарда, при-

носила его къ машери, и всячески старалась оживить разговоръ, дабы возвратить надежду и спокойствіе въ сіе сердце, изсыхавшее отъ перзаній совѣспи. Хопя Сесилія не изъявляла своєю признательности къ симъ чистосердечнымъ знакамъ любви и участія, но они глубоко протали ее. Возвращаясь съ своего меланхолическаго странствованія, она еще дорогою занималась всегда пріемомъ Фанни, какъ единственнымъ утѣшеніемъ, которое ей оставалось въ мірѣ.

Съ нѣсколькихъ дней обхождение Фанни было не столь пріятно сердцу Сесиліи; казалось, глубокая печаль поглощала ее. Она въ молчаніи старалась въ себѣ самой заключить удручавшую ее горестъ. Раза два Сесилія, возвратившись домой ранѣе обыкновеннаго, застала ее въ слезахъ. Когда она съ вѣжливѣйшею любовью спрашивала

ее о причинѣ оныхъ, то Фанни отвѣчала ей, что это отъ задумчивости, которая не заслуживаетъ ея вниманія. Но не лзя обмануть бодрспвеннаго ока дружбы. Сесилія была увѣрена, что Фаннина печаль имѣла важнѣйшій источникъ и, спрашась бытъ пайнымъ поводомъ къ оной, она при малѣйшемъ случаѣ старалась подшвердишь свое подозрѣніе.

Въ одно утро, проходя чрезъ комнату, въ которой Фанни держала свою школу, примѣтила она, что число воспитанницъ гораздо уменьшилось; и когда она спросила, куда дѣвались сіи дѣти, по замѣшашъ льспво явилось на лицѣ Фанни; разныя причины, которыя она выдумала для извиненія ихъ отсутствія, убѣдили Сесилію, что она скрывала отъ нее какую нибудь непріятную истину.

Чрезъ два, или при дни она совершенно удостоверилась въ томъ, что даже до тѣхъ поръ только подозрѣвала.

Проходя сѣизнова чрезъ комнату воспитанницъ, она была поражена прекраснымъ видомъ маленькой дѣвочки, которая повпорила свой урокъ; Сесилія подошла къ ней, отдѣлила прекрасные кудреватые волосы, осѣнявшіе лице дѣтяти, и поцѣловала ее. Но малюшка съ ужаснымъ крикомъ вырвалась изъ ея объятій и скрыла свое лице на груди Фанни. Сесилія, которая чрезмѣрно любила дѣтей, изумлена будучи спраннымъ поступкомъ дѣвочки, съ кротостію спросила у нее о причинѣ онаго. „Потому что маминька приказала мнѣ никогда до васъ не допрогиваться, и даже не подходить къ вамъ, Миссъ Фицганри, отвѣчала малюшка со слезами; она говоритъ,

что вы самая дурная женщина, какая шолько естъ въ свѣтѣ.“

Сіе новое дѣйствіе ея пагубнаго поступка шolikoже огорчило, сколько изумило Сесилію. Она взглянула на Фанни, и жопя живѣйшая горестъ была напечапльна на ея лицѣ, но не примѣшила ни малѣйшаго со спороны ея удивленія. „Я вижу, векричала Сесилія, и швердо убѣждена, что ты лишилась своихъ ученицъ опъ шого, что я жила въ семъ домѣ.“ Фанни залилась слезами, призналась наконецъ въ испиннѣ, и подробно рассказала Сесиліѣ всѣ гоненія, какія она прешерпѣвала со спороны шѣхъ, кои поручали ей своихъ дѣтей; ибо она объявила имъ, что швердо рѣшилась лучше умереть съ голоду, нежели выслать изъ дому друга своего и благодѣшельницу.

Сесилія съ спокойнымъ видомъ слушала Фанни; но внушительно приняла намѣреніе, и сіе намѣреніе было непреложно. На другой день пошла она искать себѣ квартиры; ибо признательность и справедливость запрещали ей долѣе оставаться съ бѣдною Фанни. Тщетно искавъ жилища приличнаго своему положенію и доходамъ, или, лучше сказать, своему тайному плану, она наняла небольшую избу внѣ города, вблизи той, гдѣ прежде была принята съ такимъ челоѣколюбіемъ. Сесилія тогда же посѣтила сихъ добрыхъ крѣстьянъ, и съ новою признательностью приняла знаки удовольствія, которое они оказали, узнавъ, что она намѣрена была жить возлѣ нихъ. Оплуذا возвратилась она къ Фанни, чтобы уведомить ее о печальномъ ихъ разлученіи.

Живѣйшая печаль опягчила сердце сея добрая женщины, когда она свѣдала, что ея милая госпожа — ибо она никогда не хотѣла иначе называть ее — намѣрена была ее покинуть; она бросилась къ ногамъ Сесиліи, со слезами умоляла не покидать ее, но ни слезы, ни чрезмѣрная горестъ не могли поколебать намѣренія Сесиліи. Она обѣщала каждой день видѣться съ нею и, вырвавшись изъ ея сбѣгшій, пошъ же вечеръ перешла жить въ ваянскую ея избу.

Однако же негодованіе и нескромность Фанни разрушили надежду, которою ласкалась Сесилія, разлучаясь съ своею достойною подругою. Фанни повсюду жаловалась на гоненія, лишившія ее обществва, которое было для нее всего милѣе въ свѣтѣ, вездѣ рассказывала, что Сесилія оставила

ея домъ по собственной волѣ, а не по какой либо другой причинѣ, и съ шакимъ прискорбіемъ говорила о жестокости многихъ къ несчастнымъ, что никто, и по выходѣ ея подруги, не опдалъ назадъ дѣшей, копорыхъ сперва опобрали опъ нее для того шолько, что Сесилія жила въ одномъ и томъ же домѣ. Наконецъ видя, что число ея ученицъ ежедневно уменьшалось, она оставила школу и занялась одною работою, которую доставляла ей фабрика шалей. Всякой день, по окончаніи своего дѣла, ходила она къ Сесиліѣ, и часто, остановясь въ городѣ, рассказывала всѣмъ, кто хотѣлъ ее слушать, сколь прискорбна была для нее разлука съ своею милою госпожею. Она всегда говорила съ шрогашельнѣйшимъ изліяніемъ чувствованій, копорыми она и ея машь одолжены были Сесиліѣ. „И

они хотѣли, чтобы сему ангелу кротости, которой избавилъ насъ отъ нищеты, отказала я въ при-спанищѣ? Ахъ! имъ не для чего бояться видѣть ее щасливою, душа ея умерла для щастія. Я знаю Миссъ Фицганри; терзанія ея совѣсти послѣдуютъ за нею даже во гробъ; и хотя бы она могла забыть свой проступокъ, но одно посѣщеніе бѣднаго отца привело бы ей на память всю ея вину.“

Между слушателями Фанни находился всегда одинъ честной купецъ, въ которомъ слова ея производили живѣйшее состраданіе. Никогда не казалась она ему прекраснѣе и достойнѣе почтенія, какъ въ то время, когда, со слезами въ глазахъ, говорила она въ пользу своей несчастныя госпожи, или выражала привязанность и благодарность свою къ ней. Фанни,

сѣ своей стороны, пронушая чувствительностію, сѣ какою онѣ раздѣлялъ ея огорченія, вскорѣ почувствовала къ нему искреннюю дружбу, и когда онѣ чрезъ нѣскольکو времени сдѣлалъ ей предложеніе вышши за него за мужѣ, то она ни малѣйшаго не смѣла сдѣлать прошиворѣчія.

Никогда не ожидала она столь выгоднаго брака, и Сесилія заставила ее совершивъ оной не отлагая времени. „Я согласна вышши за васѣ, сказала ему тогда Фанни, но сѣ шѣмѣ, чѣобы Сесилія и сынѣ ея могли жить вмѣстѣ сѣ нами, ешѣли они того пожелаютѣ.“ Купецѣ окошно согласился на сие предложеніе, и увѣрилъ Фанни, чѣто такое условіе дѣлало ее еще милѣе вѣ его глазахѣ. Вскорѣ потомѣ Сесилія имѣла удовольствіе видѣть союзѣ сея добродѣтельныя

чепы. Но тщетно спаралась Фанни уговорить ее жить вмѣстѣ съ ними. Сесилія была непреклонна. Уединеніе содѣлалось для нее неотъемлемымъ благомъ, и, между тѣмъ, какъ маленькой Идуардъ игралъ на лугу съ дѣтьми сосѣдей, Сесилія, въ размышленіи, въ молчаніи изливала бальзамъ надежды на свое сердце, увядавшее отъ горести, и предавалась единственной мысли, которая еще могла оживлять ея мужество: всѣ способности ея души были устремлены къ одной сей цѣли; она почитала ее нѣкопорымъ родомъ заглажденія своего просупка, и облегчала мучительныя терзанія совѣсти, занимаясь упѣшительною будущностію.

Однакоже сіи сладкія мечпы возмущались иногда воспоминаніемъ о вѣроломномъ и жестокомъ

ея обольститель, о томъ, котораго она споль спрашно любила, и которой содѣлался ненавистнымъ предъ справедливымъ и строгимъ судилищемъ ея разсудка. Жестокой, безчеловѣчной рушитель ея щастія, спокойствія и добраго имени, таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ сей Клиффордъ, котораго нѣкогда украшали въ ея глазахъ обольстительнѣйшія прелести; когда же она помышляла, что онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго поиска въ разсужденіи ея побѣга среди холодной, жестокой ночи, съ младенцемъ на рукахъ, безъ пристанища, безъ покровительства; когда она помышляла, что для такого чудовища пожертвовала она щастіемъ своея жизни и причинила злополучіе опцу, жесточайшія мученія не могли сравниться съ тѣмъ, что она тогда испытывала. Невольные крики вырвались изъ ея

груди, она убѣгала себя самое, какъ предмета ужаса, и скрывалась къ добрымъ крестьянамъ, коихъ дружеской приѣмъ облегчалъ ея ужасную горестъ; но чаще по-то она направляла свои стопы къ убѣжищу бѣдныхъ — шѣхъ, копорыхъ въ щастливья времена под-держивала своими благодѣянїями, и коихъ признашельное сердце со-храняло всегда воспоминанїе ея милестей.

Когда они свѣдали о возвра-щенїи своея прежнїя благодѣтель-ницы: по всѣ немедленно пришли къ ней, и Сесилїя въ своемъ низ-комъ одѣлнїи, въ своей крайней нищетѣ была принята отъ нихъ съ большими знаками почшенїя, нежели въ славнѣйшія минушы своего благоденствїя.

„Великій Боже! благодарю тебѣ, произмсла Сесилїя, обративъ

довольной взоръ на пришедшихъ посѣпишь ее: вопѣ предметы, на которые глаза мои могуиъ взглянуть съ довѣренносїю! Есть еще въ семъ мїрѣ существа, противъ которыхъ я исполнила всѣ мои обязанности.“ Но сердце ея мгновенно спѣснилось опѣ горести, когда она исполнила, что пагубнымъ своимъ побѣгомъ нарушила свящѣйшую изъ обязанностей, и лишилась средствъ быти въпредѣ полезною неимущему.

„Увы! вскричала она, такимъ-то образъ забвеніе одного правила влечетъ за собою справедливое свое наказаніе; ибо на блѣдномъ и впаломъ лицѣ сихъ несчастныхъ читаю очевидныя доказательства моего преступленія; они также полагали на меня свою надежду и я ихъ покинула.“

Однакоже сіи горестныя мысли непримѣтно испребились, и Сесилія, снова занимаюсь несчастными, нашла еще нѣкоторое облегченіе своимъ горестямъ.

Она не могла, конечно, раздѣлять съ ними по прежнему свое имущество; но уменьшала ихъ спрданія нѣжнѣйшими попеченіями, смотрѣла за ними, когда они бывали больны, служила имъ съ усердіемъ, и уподоблялась мапери, исключительно занятой благосостояніемъ своихъ дѣтей.

Такимъ - то образомъ въ самомъ несчастіи своемъ могла она еще наслаждаться пріятнымъ удовольствіемъ быть полезно бѣдному; тогда сердце ея, удручаемое тяжестію терзаній совѣсти, опверзалось иногда удивительному чувствованію, и благословенія бѣднаго были еиміамъ, копорой она

мысленно приносила небу въ заглаженіе своего преступленія.

Пропекли уже два мѣсяца со времени возвращенія ея изъ Лондона, когда въ Газетахъ увидѣла она извѣстіе о бракосочетаніи Клифффорда.

„Хотѣла бы я знать, сказала она своей доброй Фанни съ горькою улыбкою, что могло такъ долго задержашь союзъ, которому должно было совершиться чрезъ три дни послѣ моего отсутствія?“ Фанни вздохнула и примѣшила, что остальную часть дня несчастная ея госпожа казалась мрачнѣе и развлеченнѣе обыкновеннаго. Но Сесилія, спараясь преодолѣть впечатлѣніе, котораго внутренно стыдилась, твердо приняла намѣреніе изгнать изъ своихъ мыслей существо недостойное, виновное предъ нею не только въ вѣ-

роломствѣ и измѣнѣ, но и въ безчеловѣчномѣ небреженіи.

Мы должны однакоже согласиться, что Клиффордъ не заслужилъ сей послѣдней укоризны. Пробудившись на другой день по послѣднемѣ свиданіи своемѣ съ Сесиліею, когда пары выпитаго имѣ на канунѣ вина совершенно прошли, онѣ съ горестію вспомнилъ о обидномѣ обращеніи своемѣ съ Сесиліею, и о нескромномѣ признаніи, вырвавшемся въ разговорѣ съ нею.

Мысль, что онѣ навлекъ на себя презрѣніе Сесилии, была для него нестерпима. Однакоже, приводя себѣ на память важность ея рѣчей, сей спокойной, холодной и строгой тонѣ, съ каковымѣ она съ нимѣ проспирала, онѣ убѣдился, что ей были извѣстны всѣ низкіе его поступки. Клиффордъ

зналъ Сесилію, и твердо былъ увѣренъ, что въ сердцѣ таковомъ, какъ ея, любовь не переживетъ презрѣнія.

„Я сію же минушу увижусь съ нею, сказалъ онъ, позвонивъ въ колокольчикъ; брошусь къ ногамъ ея, припишу пьянству мою адскую глупость; хочу, чтобы она проспила мнѣ, безъ нее я не могу жить.“ Тупъ, приказавъ подать карету, поѣхалъ онъ къ Г-жѣ. Эскю. Ничто не можетъ описать его изумленія, когда сія женщина блѣдная, въ слезахъ, испросивъ позволеніе переговорить съ нимъ наединѣ, объявила ему о побѣгѣ Сесиліи. Ужасный страхъ послѣдовалъ за симъ первымъ впечатлѣніемъ. „Куда дѣвалась Сесилія съ дышащею среди споль спрашной ночи?“ дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ у Г-жи. Эскю о под-

робностяхъ ея побѣга. — „Дворникъ, отвѣчала она, пробудясь отъ небольшого спуска дверей, побѣжалъ въ сѣни и примѣпилъ полу женскаго плащя въ то самое время, когда кто-то приотворилъ дверь. Любопытствуя знать, кто бы такой вышелъ, онъ отворилъ окошко на улицу, увидѣлъ женщину, которая бѣжала съ величайшею поспѣшностію, и счелъ ее за Миссъ Фицганри. Узнавъ потѣ же самой часѣ о семъ спраннымъ происшествіи, продолжала Г-жа. Эскю, я бросилась въ комнату Сесилии и, къ величайшему моему изумленію, не нашла ни ее, ни дѣтяти.“

Клиффордъ слушалъ ее съ довольнымъ спокойствіемъ; но пришелъ въ ужасное опчаяніе, когда Г-жа. Эскю сказала ему, что Сесилия не взяла съ собою ни уборовъ, ни плащя.

„Ахъ! она умерла! вскричалъ онъ прерывающимся голосомъ; она умертвила себя и дитя!“ Не въ состояніи будучи перенести сію ужасную мысль, Клиффордъ упалъ безъ памяти на софу, стоявшую за нимъ. Г-жа. Эскю была одного съ нимъ мнѣнія; она нѣсколько разъ посылала людей ночью въ слѣдъ за несчастною Сесилією; но, среди споль ужасной непогоды, всѣ таковыя поиски были совершенно бесполезны.

Клиффордъ не долго наслаждался щастіемъ бытъ въ безпамятствѣ; и съ чувствованіемъ существованія пробудилось въ немъ чувствованіе его опчаянія и грызеній совѣсти. Наконецъ вспомнивъ, что публичная коляска отправлялась всегда въ полночь изъ Пиккадилльскаго постоялаго двора въ потъ городъ, гдѣ жила Сесилія, почему

и легко бытъ могло, что она провела шамъ послѣднюю ночь въ ожиданіи отъѣзда коляски, немедленно поѣхалъ онъ туда вмѣстѣ съ Г-жею. Эскю, и спросилъ, не занимала ли мѣста въ городѣ * * * молодая женщина съ дупяпею? — Директоръ, осмошрѣвъ списокъ путешественниковъ, опвѣчалъ, что не было никого похожаго на описываемую имъ особу. — „Однакоже, сказалъ Клиффордъ, постарайтесь узнать, не уѣхала ли эта женщина въ прошедшую ночь?“ — Хозяинъ ничего не могъ свѣдать, ибо Сесилія вошла въ коляску въ то самое время, когда она выѣжала изъ постоялаго двора, и никто изъ домашнихъ, кромѣ проводника, не примѣтилъ ее.

„Хорошо! сказалъ Клиффордъ Г-жѣ. Эскю, спараясь улыбнуться; ешлы не днемъ, то ночью непре-

мѣнно придетъ она сюда; я не оставляю сего дома до отъѣзда коляски, въ которой самъ займу мѣсто и проѣду нѣсколько миль; ибо легко можетъ быть, что Сесилія остановилась на дорогѣ.

Принявъ сіе намѣреніе, Клиффордъ во весь день не отходилъ отъ дверей почтовой канторы и, съ величайшимъ стараніемъ, разсматривалъ всѣхъ шуда входившихъ; но наступила ночь, коляска готова была къ отъѣзду, а Сесилія не показывалась. Однако же Клиффордъ нанявъ мѣсто въ коляскѣ, сѣлъ шуда послѣ всѣхъ другихъ путешественниковъ и проѣхалъ около шести миль въ надеждѣ услышать, что Сесилія прикажетъ кучеру остановиться.

Наконецъ, обмануемый въ своемъ ожиданіи, и терпя ужасную головную боль, вышелъ онъ изъ

коляски къ великому удовольствию прочихъ пупешественниковъ, которымиъ наскучилъ своимъ чрезмѣрнымъ безпокойствомъ, и отправился пѣшкомъ въ Лондонъ, получивъ ужасную лихорадку, и все еще надѣясь встрѣпить Сесилию въ тотъ самый день и часъ, когда сія жертва его кзѣны приближалась къ своей родинѣ, вмѣстѣ съ несчастнымъ опцомъ.

Клиффордъ едва могъ дойти до своего дому опъ усилившейся лихорадки и чрезмѣрной слабости во всемъ тѣлѣ. Онъ тотчасъ приказалъ Вильсону, на котораго во всемъ полагался, увѣдомить своего опца о приключившейся ему болѣзни, а послѣ того немедленно отправиться въ городъ * *, оставившись на каждомъ постояломъ дворѣ и, исправно описывая Сесилию и ея дѣтя, узнать не ви-

дали кто ихъ. Слуга обѣщаль съ усердіемъ исполнить его волю, и тотчасъ пошелъ къ Клиффорд-ву отцу, которой, свѣдавъ о причинѣ болѣзни сына, приказаль Вильсону доставлять прямо къ себѣ все, что узнаеть объ участіи Сесилии. Черезъ нѣсколько дней получилъ онъ слѣдующее письмо:

М и л о р д ъ !

„Непріятное извѣстіе долженъ я сообщить вамъ о Миссѣ Фицганри и ея дитяти; не остается уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что они оба погибли отъ спужи. Мнѣ сказали въ одномъ постояломъ дворѣ, находящемся на сей дорогѣ, что въ прошедшую ночь найдены въ полѣ смерзшая женщина съ ребенкомъ и отправлены въ ближній городокъ. Я немедленно туда поѣхалъ, и между тѣмъ, какъ приказаль подать себѣ рюмку водки для оживленія своего мужества и для

пріобрѣшенія силы ипши осмапри-
 вать шрупы, вошла въ домъ жен-
 щина съ шелковою эпанечкою и
 шалью, кошорья, какъ миѢ из-
 вѣсно, принадлежали бѣдной
 МиссѢ Фицганри. Она сказала намъ,
 что сіи вещи были на молодой
 женщинѢ, кошорую нашли мерп-
 вою. Такое доказательство пока-
 залось миѢ довольно упвердитель-
 нымъ. . . признаюсь, что моѢ
 сердце спѣснилось отъ горесни.
 Однако же гораздо лучше, что она
 кончила свою жизнь іакимъ обра-
 зомъ, а не сама умерпвила себя.
 МиѢ кажется, что надобно увѣдо-
 мишь объ эяномъ моего господина.

Чеспъ имѢю бышь съ глубочай-
 шимъ высокопочитаніемъ,

Милордъ!

Ваимъ послушнѣйшимъ и
 покорнѣйшимъ слугю

И. Вильсонъ.“

Р. С. „Естьли еще что либо узнаю, по не премину васъ увѣдо-
мишь.“

Сколь ни ужасна показалась для Клиффордова отца предполагаемая смерть Сесилии и ея дитяти; но ему не неприятно было, что будущая его невѣстка лишилась столь опасной совмѣстницы. Клиффордъ въ жару безпрестанно говорилъ о Сесилии. „Она умертвила себя, повторялъ онъ съ ужасомъ, она убила и моего сына; а я — я одинъ убійца обоихъ! Клиффордовъ отецъ, въ тревоженной ужаснымъ смущеніемъ своего сына, и полагая, подобно Вильсону, что гораздо лучше объявить ему всю истинну, воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы сообщить ему сіе пагубное извѣстіе; но лишь только исполнилъ столь тягостное поруче-

ніе, получилъ онъ еще письмо отъ Вильсона :

М и л о р д ъ !

„Все, о чемъ я имѣла честь увѣдомить васъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ, совершенно несправедливо. Миссъ Фицганри жива. Остановившись въ одномъ постояломъ дворѣ, она, сказывающъ, промѣняла свою шелковую эпанечку и шаль на другія вещи, въ которыхъ имѣла нужду. Одна изъ сихъ несчастныхъ, копорой не смѣю назвать здѣсь, укравши плаще Сесилии у той женщины, копорой оно досталось, бѣжала въ глухую ночь съ робенкомъ. Оба они погибли отъ стужи ; ибо *неправедное стяжаніе прахъ*, и рано или поздно постигаетъ насъ правосудіе неба. Я думаю, что господину моему весьма пріятно будетъ сіе извѣстіе ; однакоже, починая и радость сполькоже для

него опасною , какъ и печаль, смѣю просить васъ , Милордъ, не вдругъ объявлять ему о томъ. “

Чессть имѣю бытъ и проч.

Р. С. „Я самъ отправляюсь въ городъ * * и увѣренъ, что найду тамъ Миссъ Фицганри съ ея дитяшею.“

Благоразуміе Милорда простерлось гораздо далѣе, нежели хотѣлъ Вильсонъ. Онъ вознамѣрился совсѣмъ не открывать Клиффорду сего щасливаго извѣстія , будучи весьма убѣжденъ, что сей послѣдній никогда не захочетъ вступить въ бракъ съ Миссъ Сандфордъ, еспли унаетъ, что Сесилія жива ; ибо ея побѣгъ и предполагаемая смерть слишкомъ горестно доказали ему , сколь она была нужна для благополучія его сына. И такъ онъ рѣшился воспрепятствовать, чтобы Клиффордъ когда нибудь могъ узнать, что первыя извѣ-

стія о участи Сесиліи были ложны. Но чтобы хорошо исполнишь сей планъ, надобно было открышь его Вильсону, а Милордъ зналъ, что вѣрность сего челоуѣка не устоитъ прошивъ хорошей награды; почему и обѣщаль плащитъ ему ежегодно довольно значную сумму денегъ, естли онъ согласится подтвердитъ своему господину извѣстіе, что Сесилія вмѣстѣ съ робенкомъ погибла опъспужи, и естли возьметъ на себя перехватывать всѣ письма, какія бы она могла писать. „На сихъ условіяхъ, прибавилъ Милордъ, я обѣщаю уплачивать тебѣ ежегодно опредѣляемую пенсію; но естли когда нибудь свѣдаю, что ты мнѣ измѣнилъ, то не только переспану плащитъ, но еще заспаваю тебѣ раскаяшься въ швоей пагубной нескромности.“

Вильсонъ охотно согласился на сей договоръ и обѣщаль слѣпо во всемъ повиноваться; но ему и не прудно было исполнить свое обязательство; ибо Клиффордъ, лишь только выздоровѣлъ, запретилъ ему и всѣмъ, кому была извѣстна связь его съ Сесилією, никогда не произносить предъ нимъ имени сея несчастныя. “ Я не иначе могу спасти себѣ жизнь и разумъ, говорилъ онъ, какъ стараясь забыть ту, кою которой достоинства и добродѣтелей я никогда столь живо не чувствовалъ, какъ въ то время, когда навсегда ея лишился. “

Черезъ нѣсколько времени онъ женился на Миссѣ Сандфордъ; но непріятныя качества его жены, къ живѣйшей горести его, скоро привели ему на память крошечку и прелестную Сесилію. Тщательно избѣгая сихъ тягостныхъ воспо-

минаній, онъ пустился во всѣ излишества, всегда былъ пьянъ и, участвуя во всѣхъ возможныхъ распутствахъ, старался не чувствовать своего плачевнаго положенія; и между тѣмъ, какъ пропекали годы въ щепномъ ожиданіи наслѣдника сего имени, онъ съ неизъяснимымъ прискорбіемъ помышлялъ о своемъ прекрасномъ Идуардѣ, котораго столь жестоко лишилъ всѣхъ правъ. „Я отвергнулъ, не призналъ своего сына, восклицалъ онъ съ горестію; я поругался женщиною, которая припнностями умножила бы блескъ своего званія, а добродѣтелями составляла бы украшеніе моего семейства!“

Таковы были плачевныя размышленія Клиффорда; они лишили его душу всѣхъ силъ, а тѣло живости и здоровья, которыми онъ даже дополѣ наслаждался.

Обласканный всѣми, осыпанный почестями и богатствомъ, онъ былъ при всемъ томъ чрезмѣрно несчастливъ; и въ то самое время, когда Сесилія небреженіе его къ ней и къ дѣтяши приписывала жестокоспи и крайнему безчеловѣчію, Клиффордъ самъ испыталъ всѣ ужасы терзанія совѣсти, не наслаждаясь, подобно ей, утѣшеніями спасительнаго раскаянія.

Между тѣмъ Сесилія, единственно занятая надеждою, которая поддерживала ее во всѣхъ огорченіяхъ, предавалась ей болѣе, нежели когда нибудь. Одна надежда — надежда видѣть нѣкогда своего несчастнаго отца въ полномъ разумѣ, занимала всѣ ея мысли. „Естьли бы еще разъ могла я услышать его прсизносящаго мое имя, говорила она съ умиленіемъ сердца; естьли бы я могла еще получитьъ его благословеніе, прощеніе моего

проступка ; я бы ничего болѣе не желала въ семь мирѣ. Не знаю , но шайный голосъ безпрестанно говоритъ мнѣ , что небо услышитъ наконецъ мольбу мою , что я буду еще съ моимъ отцомъ проводить дни , украшаемые спокойствіемъ и очищенные моимъ вѣчнымъ раскаяніемъ.“

Сесилія повторяла сіи слова не только предъ Фанни и добрыми крестьянами , своими сосѣдами , которыми рассказала свою историю , но и самой себѣ безпрестанно говорила ихъ среди тягостной работы , или во время своихъ уединенныхъ прогулокъ ; и когда ночью сонъ ея возмущался воспоминаніемъ ея преступленія , произнося сіи слова она чувствовала возвращеніе силъ и мужества , въ коихъ имѣла нужду для продолженія еще съ большимъ усердіемъ занятій слѣдующаго дня. Ея неусыпное при-

лѣжаніе, ея примѣрное поведеніе еще болѣе утвърдили нѣ чувства почтенія, которе она сперва внушила добрымъ жителямъ города * *. Г. Сеймуръ, пока она жила у Фанни, не осмѣливался бывать въ семьѣ до ѣ, но теперь приходилъ туда часто освѣдомляясь о Сесиліѣ. Однажды онъ весьма любопыствовалъ узнать, къ чему назначала она деньги, которыя прибрѣтала такою тягостною и неусыпною работою, сохраняя ихъ съ стараніемъ, похожимъ на скупость.

„Не знаю того, отвѣчала Фанни; но еще должна сказать вамъ, что Миссъ Фицганри начала предпринимать и другія мѣлкія работы для умноженія своего выигрыша, и чрезъ нѣсколько времени намѣрена послать въ городъ своего Идуарда, которому не болѣе чепырехъ лѣтъ, продавать

искусственные цвѣты, и вышитыя ея карманныя книжки.

Сіе намѣреніе въ самомъ дѣлѣ скоро исполнилось, и Г. Сеймуръ съ удовольствіемъ купилъ всѣ повары прекраснаго малютки для подарковъ своимъ дѣтямъ. Идуардъ воронился къ своей матери прыгая отъ радости, не по причинѣ хорошаго успѣха въ первомъ своемъ торгу, ибо онъ не могъ еще чувствовать всей важности онаго, но отъ того, что Г. Сеймуръ былъ къ нему весьма ласковъ, встрѣтивъ его на дорогѣ повелъ въ свой домъ, вмѣстѣ съ дочерьми, наполнилъ его карманы пирожнымъ и въ корзинку, гдѣ лежали сперва повары, наклалъ пироговъ, жаркаго и разныхъ другихъ припасовъ для матери.

Сесилія слушала рассказы Идуарда съ удовольствіемъ, котораго она давно не ощущала. „И

такъ они не гнушаются мною, сказала она, даже предлагаютъ мнѣ посѣя, кои не могутъ оскорбить мой чувствительности.“ Сія оправданная мысль укротила ея обыкновенную горестъ.

Прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ Сесилія воротилась на свою родину. „Слѣдующій годъ, сказала она однажды къ Фанни съ живѣйшимъ волненіемъ, конечно принесетъ нѣкоторое облегченіе моей участи. Ты знаешь, что по устройству того дома, въ которомъ живешь теперь мой несчастный отецъ, больной долженъ пребыть тамъ пять лѣтъ; по окончаніи сего времени, если онъ не выздоровѣетъ, переносятъ его въ покои назначенные для неизлѣчимыхъ, и онъ оспаетъ тамъ на всю жизнь, пользуясь пенсією, которую даютъ родственники на его содержаніе, или же, по требо-

ванію ихъ, отдають его имъ на руки.“ — „И такъ чтожъ? сказала Фанни съ изумленіемъ, видя радость на лицѣ Сесиліи.“ — „Какъ время заключенія моего опца кончится въ слѣдующемъ году, посли онъ выльчится, или я получу позволеніе взять его къ себѣ. Ахъ! Фанни, продолжала она съ прогатабельнѣйшею чувствительностію, понимаешь ли ты, сколько прелестей имѣеть для меня такая надежда?“ — „Великій Боже, сказала Фанни, сколькимъ трудамъ, горестямъ и даже опасностямъ подвергнешесь вы, слѣдуя сему намѣренію! Позвольте, сударыня, представить вамъ. . . —“ „Не нужно, прервала Сесилія съ спрогимъ видомъ и съ неперпѣніемъ; я не желаю слышать никакого пропизо-рѣчія; мое предпріятіе непоколебимо.“

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего разговора, она получила новое доказательство постояннѣйшей Каролиной дружбы, которое принесло ей живѣйшее удовольствіе.

Г. Сеймуръ, въ одномъ письмѣ къ своей дочери, описавъ ей образъ жизни Сесиліи, извѣявлялъ свое изумленіе въ разсужденіи ея приспосабливаніи къ собиранію денегъ; ибо ея и домашніе расходы были весьма маловажны; и къ тому же извѣстно было, что ея отецъ, принявъ въ домъ, основанной опчасти его благотворительностію, во все время своего тамъ пребыванія не будетъ имѣть нужды ни въ какомъ пособіи. — Но Каролина, которая совершенно знала характеръ Сесиліи, и часно удивлялась ея мужеству, твердости, справедливости ея предпріятій, а особливо сей живости воображенія, которое представляло ей досто-

вѣрнымъ то, что другіе едва со-
чили бы возможнымъ, — Каролина
нашла потчасъ причину сего при-
спраспія своея пріятельницы къ
деньгамъ и, повинувась первому по-
бужденію своего сердца, послала
къ Сесиліѣ слѣдующее письмо, въ
которомъ вложенъ былъ банковской
билетъ на значную сумму:

„Я опгадала вашу тайну,
милая Сесилія! Знаю, для чего со-
храняете вы съ такою рачитель-
ностію все, что приобрѣшаете
штягоспными и почтенными тру-
дами. Чрезъ годъ должны рѣшить
лѣкаря участь вашего опца, и вы
наблюдаете сію строгую бережли-
вость для того, чтобы, въ случаѣ
не весьма благопріятнаго ихъ оп-
вѣта, могли вы доставить ему са-
мыя лучшія пособія столицы. Но
какъ легко бытъ можетъ, что,
въ печеніи года, ваши усилія не
получатъ всего успѣха, коего вы

могли бы ожидать отъ оныхъ: то заклинаю васъ именемъ прежней нашей дружбы, принявъ прилагаемой у сего банковской билетъ; и естли намѣреніе, копорое я предполагаю, есть не что иное, какъ плодъ собспвеннаго моего воображенія: то употребите сіи деньки на исполненіе онаго, ибо я почтаю сіе нужнымъ и полезнымъ.

„Для ошвращенія всякаго съ вашей спороны недоумѣнія, спѣшу увѣришь васъ, что сей подарокъ дѣлаю съ согласія моего мужа и отца; они вмѣспѣ со мною одобряють ваши поступки, и искренно желають, чнаобы вы получили награду оныхъ въ совершенномъ выздоровленіи вашего несчастнаго родителя. — Сесилія, милая Сесилія! ты, копорая столь хорошо умѣла загладишь первой преступокъ самымъ геройскимъ терпѣніемъ, шрогашельнѣйшимъ упо-

ваніемъ на Всевышній Промыслъ, ободришь теперь; всѣ сожалеютъ о тебѣ гораздо болѣе, нежели сколько они могли когда нибудь тебя хулить; и всѣ добрые люди возвратили уже тебѣ прежнее ихъ почтеніе. — “

„Такъ, она отгадала мою шайну, сказала Сесилія, прочитавъ письмо Каролины, и слезы нѣжно-сти и признапельности медленно текли по ея упавшимъ щекамъ. Она доставляетъ мнѣ средства быть полезною моему бѣдному родителю, оказывать ему всѣ пособія, какихъ пребудетъ его соспояніе. Никому не хотѣла бы я быть одолжена этимъ, кромѣ тебя, милая Фанни, присовокупила она, видя изъ лица сея рѣдкія женщины, что она ревновала богатой Каролинѣ. Потомъ взглянувъ на свое изношенное, но при всемъ томъ весьма опрятное одѣяніе, продол-

жала она съ улыбкою: Я жочу сдѣлать себѣ новое плашье.“ „Однако же не прежде какъ это изорвешся въ куски, сказала Фанни съ печальнымъ видомъ.“

„Это одѣяніе, отвѣчала Сесилія, прилично нынѣшнему моему положенію. Батюшка любилъ видѣть меня хорошо одѣною, и если бы я не покидала его, то не принуждена бы была носить такое плашье. Однако же, Фанни, дай Богъ, чтобы онъ только меня узналъ, чтобы простилъ, чтобы опять любилъ меня; тогда, если ему угодно будетъ, стану я наряжаться, и постараюсь нравиться ему по прежнему. Для этого только я работаю каждую ночь.“

„Ахъ! сударыня! сказала Фанни со слезами, позвольте мнѣ хотя однажды облегчить предъ вами свое сердце; для меня несносно, что госпожа такая, какъ вы,

носитъ платье, какое бы не прилично было и для меня; да и мой милой баринъ одѣтъ не лучше крестьянскихъ дѣшей, насъ окружающихъ. Когда же услышу, что эти мальчишки говорятъ ему, такъ такъ какъ бы ровному себѣ: *послушай Идуардъ! поди сюда фицганри!* то у меня сердце рвется отъ досады.“

„Какъ бышь! отвѣчала Сесилія съ жаромъ, и поднявъ руки къ небу; представь же себѣ, что должна я сносить, когда подумаю, что мое преступленіе довело меня съ моимъ дитяшею до сего положенія. О! если бы могла я переменить участь моего Идуарда на жребій сихъ дѣшей, копорыхъ ты считаешь ниже его! Я даровала ему жизнь, но лишила его всѣхъ правъ, копорыя бы могли обезвредить его существованіе; мнѣ

оспаются одно шокмо прибѣжи-
ще — просишь ему меньшаго еже-
годнаго содержанія отъ его опца
чрезъ всенародное признаніе сты-
да моего и безчестія.“

„Пусть лучше буду я доведена
просишь съ нимъ жлѣба по улицамъ,
произнесла съ сердцемъ Фанни. —
Ради Бога не говорите объ этомъ
больше. Онъ сполько же мой сынъ
какъ и вашъ, продолжала она, при-
жимая къ своему сердцу и осыпая
поцѣлуями маленькаго Идуарда, ко-
порой игралъ въ комнашѣ.“ Сеси-
лія, разсматривая прекрасный
видъ, милья прелести своего сы-
на, забыла, что онъ служилъ пред-
метомъ состраданія.

Слѣдующій годъ прошелъ по-
добно прочимъ, не приводя сего
происшествія, предмета пламен-
нѣйшихъ желаній Сесилии. При
последнемъ испытаніи Фицганрія,
Доктора объявили, что нѣтъ ни-

какой надежды видѣть его здоровымъ, хотя его сумасшествіе приняло совершенно спокойной характеръ. Тогда Сесилія, не взирая на совѣты и представленія попечителей, твердо стояла въ намѣреніи взять его къ себѣ, дабы ввѣрить попеченіямъ славнаго Доктора Виллиса.

Между тѣмъ, какъ она занималась приутопвленіями нужными для дороги, повѣренные ея опца получивъ сто фунтовъ сперлинговъ, копорые ему давно надлежало получить отъ одного должника, вручали ихъ Сесиліѣ для приведенія въ дѣйство послѣдней ея надежды.

Въ тотъ день, когда Физганри долженъ былъ выйти изъ больницы, Сесилія купила ему нѣсколько плашьевъ похожихъ на тѣ, какія онъ прежде носилъ и, одѣвшись нѣсколько приличнѣе своему

прошедшему соспомянiю, наняла почтовую коляску. Ее не хотѣли опустить одной съ опцомъ, и добрый крестьянинъ, который сначала изъявилъ ей знаки споль искренней дружбы, охотно согласился ѣхать съ нею, между тѣмъ какъ Фанни едва могла увѣрить свою радость, видя, что ея любезная Сесилiя опправлялась въ дорогу такъ, какъ прилично госпожѣ.

Однако же бѣдные, коихъ признательность и любовь споль часто услаждали горестную участь Сесилiи, чрезвычайно опечалились, узнавъ, что почтовая коляска ожидается у дверей ея. “Боже! она опять оставитъ насъ, восклицали они — что мы будемъ безъ нее?” Сесилiя, выходя изъ комнаты, нашла сижъ несчастныхъ, кои, окруживъ ея повозку, со слезами спрашивали: навсегда ли расстаются съ ними почтенная ихъ благо-

дѣтельница, или опять воропишся? — „Фанни все вамъ разкажетъ, опвѣчала Сесилія съ движеніемъ духа.“ Не въ силахъ будучи говорить больше, она знаками проспилась съ ними и коляска скрылась изъ очей ихъ.

„Не ужьли опять разбогатѣла она?“ спросили они съ поспѣшностію у Фанни: — но сей вопросъ былъ совершенно безкорыстенъ; несчастные не имѣли въ виду прибыли, какую бы они могли получить отъ сей перемѣны ея состоянія; они помышляли токмо о благополучіи Сесиліи; и когда Фанни рассказала имъ причину ея путешествія: то — естъли бы мольбы, благословенія и пламеннѣйшія желанія могли склонить небо къ надеждамъ Сесиліи — опецъ ея немедленно бы получилъ разсудокъ, и прижалъ бы ее въ свои объятія съ живѣйшею любовію. Но, увы!

хотя Фицганрію пріятно было ѣхать съ молодою госпожею — такъ называлъ онъ всегда Сесилію, но все оставался въ одинакой слепени. Во всю дорогу онъ сидѣлъ возлѣ нее съ явнымъ удовольствіемъ.

Въ пупи не случилось ничего достойнаго примѣчанія; Фицганри казался всегда тихъ и кропокъ, выключая одной ночи, въ которую крестьянинъ, спавшій въ одной съ нимъ комнатѣ, никакъ не могъ положить его въ постель, и принужденъ былъ позвать Сесилію. При видѣ своей дочери несчастной Фицганри успокоился и безъ сопротивленія повиновался.

Славный и человѣколюбивый мужъ, съ которымъ Сесилія ѣхала совѣтоваться, принялъ ее съ сею кротостію, съ сею доброю душою, которые доставляютъ неоцѣненное утѣшеніе тому, кто гово-

ришѣ о своихъ спраданіяхъ. Сесилія чистосердечно рассказала ему всѣ обспоятельствова своея плачевныя испоріи, считая за необходимое, чшобы Доктору извѣстна была причина болѣзни, которую онѣ предпринималѣ лѣчить.

Сесилія имѣла особенно дарованіе преклоняшѣ вѣ свою пользу шѣхъ, кои ее видѣли, или слушала. Докторѣ, сѣ живѣйшимѣ смущеніемѣ, выслушавѣ ея повѣсть, вознамѣрился усугубишѣ усердіе для возвращенія разсудка несчастному опцу, и спокойствія неушѣшной его дочери. „Довольно шести мѣсяцовѣ, сказалѣ онѣ Сесиліѣ, чшобы видѣшѣ успѣхъ пользования, которое я ему опредѣляю; а дабы вы сами могла наблюдашѣ за моими о немѣ попеченіями, то необходимо должно вамѣ наняшѣ кварширу возлѣ моего дома.“ Сесилія сѣ радостію исполнила повелѣ-

ніе Доктора. Фицганри былъ принятъ въ число пенсіонеровъ сего послѣдняго, и крестьянинъ возвратился домой.

Шесть мѣсяцовъ испытанія пропекли для Сесиліи въ семъ смущеніи и поскѣ, когда душа удрученная долговременными горестями, поддерживается токмо споданіемъ и надеждою. Чистый воздухъ, которымъ наслаждались въ домѣ Доктора, возвратилъ Фицганрию совершенное здоровье; между тѣмъ, какъ Сесилія, подобно цвѣтку, которой, будучи измята непоудою, наклоняется своимъ стеблемъ, лишалася каждой день своя свѣжести и заспавляла боясь Доктора Виллиса, чтобы новое дуновеніе злополучія не унесло ее съ сей земли, которой она долженствовала соспавлять украшеніе. Онъ чувствовалъ, что она токмо надежда видѣть отца

своего въ полномъ разумѣ, поддерживала ея ослабѣвающія силы, и рѣшился однакоже объявить ей съ предосторожностію, что уже не оставалось никакого средства возвратитъ ему употребленіе умственныхъ его способностей.

„Я нимало не могу помочь нашему родителю, сказалъ онъ Сесиліѣ по прошествіи шести мѣсяцовъ; и съ большею выразительностію произнесъ слово *я*; но *вамъ*, продолжалъ онъ, усремивъ спокойной взоръ на Сесилію, *вамъ* остается еще прибѣжище. . . .“ Сесилія задрепетала, лице ея покрылось смертною блѣдностію; она положила руку на Доктора и вскричала прерывающимся голосомъ:

„Мнѣ! мнѣ остается еще прибѣжище! ахъ! да благословитъ васъ небо; но скажите мнѣ, заклинаю васъ всемъ, что вамъ мило въ свѣ-

тѣ, скажите въ чемъ состоитъ это прибѣжище?“

„Весьма примѣтно, отвѣчалъ Докторъ, что вашъ отецъ чувствуетъ живѣйшее удовольствіе, когда видитъ васъ возлѣ себя, а особливо когда вы прислуживаете ему. Еслили онъ будетъ съ вами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы прежде вмѣстѣ жили. . . .“

„И такъ вы думаете, что ему должно жить вмѣстѣ со мною? ррвалъ а съ нетерпѣніемъ Сесилія.“

„Думаю и приказываю, отвѣчалъ важно Докторъ. Ахъ! да испослетъ вамъ небо свое благословеніе! вскричала Сесилія; мнѣ сказывали, что вы конечно будете пропививъ сему пламеннѣйшему желанію моего сердца; но вы добрѣйшій, чувствительнѣйшій и наилучшій человекъ!“

„Дочь моя, сказалъ съ чувствомъ Докторъ, когда не лзя из-

стребитьъ зла, шо должно по крайней мѣрѣ спарашься облегчить его.“

„Такъ нѣтъ уже надежды для моего опца?“ прервала снова Сесилія.“

„Я этова никакъ не говорю, опвѣчалъ Докпоръ; не знаю, сколько можетъ подѣйствовать на него порядочное содержаніе и привычка жить съ вами по прежнему. Дайте ему принять прежнія его обыкновенія, пусть онъ по прежнему ходитъ прогуливаться. Живите съ нимъ, сколько можно, ближе къ вашему прежнему дому, пойте ему любимыя его пѣсни. Будьте всегда съ нимъ, и есшли вы не успеете привести въ порядкъ разсиронныхъ чувствъ его, шо по крайней мѣрѣ сдѣлаете его щаспливымъ.“ „Щаспливымъ! мнѣ сдѣлать его щаспливымъ! вскричала Сесилія, жодя по комнатамъ

вѣ неописанной поскѣ. Было время, когда я дѣлала его щаспливымъ!... но теперь. . .“

„Возьмите также кого-нибудь, кто бы спалъ вѣ одной съ нимъ комнатѣ, продолжалъ Докторъ.“

„Нѣтъ, нѣтъ! произнесла Сесилія съ неперпѣніемъ, никто кромѣ меня не будетъ присматривать за нимъ. Я буду съ нимъ день и ночь, не опойду отъ него ни на часъ, ни на минуту.“

„И вы думаете имѣть довольно силъ для перенесенія соликихъ трудовъ? не забудьте, что мы всѣ смертные. — Сесилія замолчала. — При томъ же силы работника могутъ быть нужны какъ для вашей, такъ и для бапюшкиной безопасности, продолжалъ онъ, и я пребую отъ васъ послушанія.“

„Исполню волю вашу, сказала Сесилія вѣ уныніи.“

Докторъ, довольной симъ послушаніемъ, объяснилъ ей, какую діэпу долженъ наблюдать ея отецъ. Послѣ сего, обѣщавъ ей исправно отвѣчать на всѣ письма, копорыя она должна была писать къ нему, простился съ нею съ распроганнымъ видомъ. Скоро потомъ Сесилія, вмѣстѣ съ опцомъ своимъ и слугою Доктора, снова отправилась на свою родину.

Фанни съ Идуардомъ у дверей хижины ожидала путешественниковъ; но горестной и унылой видъ Сесилии не допустилъ ее спрашивать о состояніи Фицганрїя. Ласки Идуарда, радость, копорую онъ извѣялялъ, видя свою мать, едва могли произвестъ легкую улыбку на впадшихъ щекахъ Сесилии, и въ то время, когда она прижимала его къ своему сердцу, слезы горести мѣшались съ слезами, коше-

рыя исторгала у нее материнская
нѣжность.

Чрезъ два дни по прибытіи
своёмъ Сесилія, по совѣту Док-
шора, наняла небольшіе покои воз-
лѣ прежняго дома, въ которомъ
она жила съ своимъ отцомъ; а какъ
и шопъ не былъ никѣмъ занятъ,
то она получила позволеніе проха-
живаться по саду. Она наняла так-
же человѣка для присмотра за
Фицганри, и опослала Докшорска-
го лакея съ письмомъ, въ кото-
ромъ извѣщала его объ исполненіи
его приказаній.

Не возможно изъяснить, сколь
прогашельное уваженіе имѣла она
къ своему отцу. Она знала, что
не въ ея власти было поправить
ужасное несчастіе, коего она была
причиною, и что всѣ ея дѣла слу-
жили покомъ весьма слабымъ загла-
жденіемъ. Однакоже не лъзя было
безъ слезъ смотрѣть, съ какою по-

печительностію, съ какимъ безп-
койствомъ слѣдовала она за нимъ,
когда онъ хопѣлъ одинъ прогули-
ваться въ окружности дома; какъ
пщательно спаралась, чпобы онъ
былъ завсегда чисто и хорошо
одѣтъ. Сынъ ея, равно какъ и она,
носили грубую одежду; но для оп-
ца она покупала все, чпо можно
было сыскать лучшаго; и Фицган-
ри, не взирая на свое сумасше-
ствіе, завсегда имѣлъ пуже нару-
жность, такой же видъ, какъ и
въ то время, когда наслаждался
разсудкомъ.

Часпо, въ различныхъ поло-
женіяхъ, онъ такъ похожъ казал-
ся на себя, чпо Сесилія, увлекае-
мая живоснію своею воображенія,
разсмапривала его жадно нѣсколь-
ко минутъ, попомъ, бросааясь съ
стула, схватывала его за руку, съ
горячностію пожимала ее, говори-
ла къ нему какъ будто бы онъ могъ

ее понимать. Но внезапной смѣхъ несчастнаго Фицганри, или несвязныя рѣчи его скоро разгоняли сіе ослѣпленіе. Тяжесть Сесилиной горести снова упала на ея сердце, которое претепало тогда съ большею силою.

Фицганри, казалось, всегда съ удовольствіемъ взиралъ на знаки ея нѣжности; но увы! онъ не зналъ, отъ кого получалъ ихъ, онъ не зналъ, что сія любимая дочь, которой неблагодарность и смерть въ помѣшательствѣ онъ безпрестанно оплакивалъ, возвратилась помогать ему и посвятить себя совершенно одному ему; онъ слушалъ ея рѣчи, не узнавая ее, онъ смотрѣлъ на не, не зналъ, что онъ видитъ свое дитя: сіи-то ужасныя мысли медленно разрушали здоровье злополучной Сесилии. Однакоже еще не оставляла ее надежда; она всегда мужественно пере-

носила всѣ огорченія, ласкаясь, что въ слѣдующій день будетъ щасливѣе.

Въ первой разѣ, когда Сесилія повела несчастнаго отца въ садъ своего прежняго дома, онъ пробѣжалъ его въ чрезвычайномъ волненіи. Казалось, онъ былъ изумленъ, видя, что любимая его алея и цвѣты заросли густою правою. Онъ оспановился на минушу, разсмапривалъ сіи цвѣты, потомъ сталъ вырыватьъ негодныя растѣнія, коими они были окружены.

„Пора воропиться домой, сказала ему Сесилія, когда онъ кончилъ свою работу. Фицганри посмотрѣлъ на нее съ крошкимъ и спокойнымъ видомъ, потомъ пошелъ по дорогѣ, которая вела къ прежнему его пребыванію. Пришедши къ двери, онъ, казалось, изумился нашедши ее запертою, и спросилъ Сесилію, не у нее ли

ключь? „Мы не здѣсь живемъ“ от-
вѣчала она ему съ глубокимъ вздо-
хомъ. Фицганри снова взглянулъ
на нее, но сей послѣдній взглядъ
изъявлялъ гнѣвъ и привелъ въ шре-
петъ Сесилію. Съ печальнымъ ви-
домъ медленно удалился онъ отъ
дома, безпрестанно оглядываясь
назадъ, какъ будто бы сомнѣвал-
ся въ ея словахъ.

Сіе небольшое обстоятельство
цѣлую ночь занимало Сесилію, и
поддерживавшая ее надежда оживи-
лась съ новою силою. На другой
день, при разсвѣтѣ дня, она по-
шла въ садъ, наняла садовника вы-
числить аллеи и сдѣлать ихъ по-
хожими на прежнія; но забыла при-
казать сему человѣку поберечь
цвѣты, которыхъ стебли начина-
ли вянуть. Около вечера, въ обык-
новенное время прогулки ея отца,
повела она его въ садъ вмѣстѣ съ
Фанни. Фицганри казался доволь-

нымъ , что все было приведено въ порядокъ ; но вскорѣ , примѣшивъ нѣсколько цвѣтовъ , которыя спали на землю , онъ оборотился къ Сесиліѣ и сказалъ ей съ печальнымъ видомъ : „за чѣмъ не поправила ты этихъ цвѣтовъ ?“

Сердце Сесиліи запрепешало отъ радости при сихъ словахъ , произнесенныхъ кропкимъ и спокойнымъ голосомъ . Ей прежде былъ препорученъ цвѣтникъ , и казалось , что Фицганри вспомнилъ сіе обстоятельство . Рукою , дрожащею отъ внутреннаго волненія , исполнила она приказаніе своего отца и привязала всѣ цвѣты , коихъ стебли не могли сами собою держаться . Фицганри , наклонясь къ ней , съ довольнымъ видомъ смотрѣлъ на ея работу и , по оканчаніи оной , сказалъ : „добрая дѣвушка ! добрая дѣвушка !“ потомъ погладивъ ее , поцѣловалъ въ щеку .

Изумленіе, радость, смѣсь непонятныхъ чувствованій объяла слабое сердце Сесиліи; она хотѣла говорить, но произносила только несвязныя слова; глаза ея помутнились, и она вѣтъ себя упала къ ногамъ опца. Нѣжныя попеченія Фанни скоро привели ее въ чувство. „Каковъ батюшка, спросила она слабымъ голосомъ, видя, что Фицганри въ смущеніи ходилъ по саду; каковъ былъ онъ въ то время, когда увидѣлъ, что я лишилась чувствъ?“

„Онъ васъ поднялъ, отвѣчала Фанни; живѣйшая горестъ избражалась на лицѣ его, онъ самъ хотѣлъ дать вамъ понюхать спирту и никакъ не позволялъ, чтобы я участвовала въ попеченіяхъ, которыя ему столь пріятно было оказывать вамъ; но когда вы опомнились и нѣжнымъ голосомъ произнесли: „батюшка! батюшка!“

тогда онъ измѣнился въ лицѣ, поспѣшно ушелъ отъ васъ и началъ бѣгать по саду, такъ какъ вы теперь видите.“

„Довольно, довольно, милая Фанни! вскричала Сесилія, я счастлива, теперь ясно видно, что онъ меня узнаетъ, что онъ ласкалъ меня такъ, какъ отецъ . . . и даже это смущеніе, это безпокойство, когда я была въ обморокъ . . . О! я уже не сомнѣваюсь, что скоро, скоро буду наслаждаться счастьемъ видѣть батюшку въ полномъ здоровьѣ.“ — Быть можетъ, сказала Фанни, но . . .“

„Къ чему это но? прервала съ гнѣвомъ Сесилія; я тебѣ говорю, что онъ скоро выздоровѣетъ, и друзьямъ ли моимъ сомнѣваться въ этомъ?“ Послѣ сихъ словъ, она побѣжала на встрѣчу своего отца, возвращавшагося къ ней, оставивъ Фанни, которая изумля-

лась ея гнѣву; — но гдѣ потѣ ангельскій нравъ, копорой бы могъ прошивостояшь безпрестанно обновляющейся и безпрестанно обманывающей надеждѣ? И такъ не надобно удивляться, что и добрая, милая Сесилія не могла перенести прошиворѣчія безъ содѣланія несправедливости.

Однакоже, когда рука за руку съ своимъ опцомъ пришла она къ Фанни и заспала ея въ слезахъ; то горестъ ея содѣлалась гораздо сильнѣе той, какою она наполнила сердце сея вѣрныя подруги своего дѣтства. Сесилія сказала ей все, что могла внушать ей привязанность и благодарность. Фицганри вспревожился, видя ея смущеніе. „Бѣдненькая!“ сказалъ онъ, поднося бутылочку съ спиртомъ къ носу Сесилии; и, казалось, боялся, чтобы она снова не лишилась чувствъ.

„Видишь, видишь!“ сказала Сесилія къ Фанни съ торжествующимъ видомъ, — и Фанни, содѣлавшись благоразумнѣе изъ опыта, отвѣчала, что ея госпожа гораздо больше знаетъ въ этихъ вещахъ. Но увы! пропекло нѣсколько мѣсяцовъ, и никакое подобное обстоятельство не оживило надежды Сесиліи. Однакоже, въ продолженіе сего времени, Сесилія съ удовольствіемъ замѣтила, что Фицганри въ каждой день отчасу болѣе привязывался къ ней, и даже игралъ съ маленькимъ Идуардомъ.

Всякой вечеръ, когда время было хорошее, Сесилія выходила съ своимъ опцомъ прохаживаться въ окрестности города, и Идуардъ всегда бѣгалъ предъ ними. Никогда, во время ихъ благополучія, отецъ и дочь не наслаждались опъ окружававшихъ ихъ сосѣдей столь нѣжнымъ пріемомъ, столь глубо-

жимъ почтеніемъ; всѣ останавливались, съ дружескимъ видомъ, брали Фицганри за блѣдную и высохшую руку, и обращали на Сесилію взоры, въ коихъ изображалось почтительное состраданіе. Не лъзя было безъ сердечнаго умиленія взглянуть на глубокую печаль, на проташельное упованіе, запечатлѣныя на увядшемъ лицѣ ея; горестно было видѣть помную походку сей несчастной, ея чрезвычайную сухощавость; — и каждый, гнушясь жестокостію своихъ прошивъ нее поступковъ, сѣшилъ извѣвлять ей уваженіе, которое внушали ему перзанія ея совѣсти и опмѣнныя добродѣтели. Сесилія съ благодарностію принимала сіи знаки участія, но отказывалась отъ всѣхъ приглашеній въ шѣ общесхва, гдѣ она была вѣкогда принята съ такимъ опличіемъ. Она извинялась только

пѣмъ, что рѣшилась ни на мину
нушу не шерять изъ виду своего
родителя и занимаюсь воспита-
ніемъ сына; „но когда бапюшка
выздоровѣетъ, говорила она къ
Фанни, то сколь обрадуется онъ
увидя, что добрые люди уже не
гнушаются мною; и мнѣ весьма
пріятно будетъ посѣщать ихъ
вмѣстѣ съ нимъ.“

Протекъ и другой годъ. Сеси-
лія все еще пишала свою надежду,
хотя Фицганри былъ въ одинакой
степени въ глазахъ всѣхъ, выклю-
чая шокмо ея. Она думала каждой
день примѣчать новые признаки
возвращенія его разсудка, и никто
не смѣлъ ей противорѣчить; сд-
накоже, для скорѣйшаго его выздо-
рвленія, она хотѣла повезть его
въ Лондонъ, дабы посовѣтоваться
съ славнѣйшими лѣкарями, какъ
вдругъ онъ почувствовалъ ужасную
боль, которая принудила его слечь

въ постель. Сіе произшествіе не только не успрашило Сесилію, но еще усугубило ея надежду. „Это переломъ болѣзни, сказала она, ахъ! это спасительной переломъ, и бабюшка скоро выздоровѣетъ.“

Ни на минушу не отходя отъ постели Фицганри, Сесилія, снѣдаемая сильнымъ жаромъ; не хотѣла наслаждаться ни спокойствіемъ, ни пищею. Неподвижна, едва дыша, она не могла отворопить очей отъ лица родителя своего, и въ ослабѣвшихъ его глазахъ спаралась чинать возвращеніе его умственныхъ способностей.

Однажды Фицганри, послѣ краткаго сна, въ то время, когда Сесилія по обыкновенію сидѣла возле него, поспешенно пробудился, поднялъ голову, съ изумленіемъ посмопрѣлъ вокругъ себя, примѣтилъ Сесилію, запрепеталъ и произнесъ слабымъ голосомъ: „Бо-

же! не обманываюсь ли я? это Сесилія, моя милая Сесилія!“

Пусть кто можетъ описываетъ чувствованія Сесилія при сихъ словахъ: — „бапюшка! вскричала она упавъ на колѣна и не смѣя взглянуть на него; бапюшка! простите меня? я очень виновата предъ вами, но я раскаялась.

Фицганри, полькоже распроганный, какъ и Сесилія, отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ: „Ты опять со мною! . . . Богу извѣстно, съ какою нѣжностію прощаю тебѣ!“ Тутъ онъ прижалъ ее въ свои объятія, и Сесилія еще вкусила щастіе бытъ на груди нѣжнѣйшаго отца.

„Но ты конечно не сей часъ ворошилась? спросилъ Фицганри; кажешься, я тебя уже видѣлъ и не весьма давно. Да, отвѣчала Сесилія, уже лѣтъ около пяти вы каждой день видите меня. Въ по-

слѣвнѣе два года я жила съ вами, работала для васъ, ни на минуту васъ не покидала.“ — „Милая Сесилія! сказалъ Фицганри, какъ же ты блѣдна, какъ похудѣла; ты слишкомъ много работала, моя милая! развѣ у тебя нѣтъ друзей?“

„Есть, бапюшка, есть опѣчала Сесилія, и, не взирая на мое преступленіе, они жалѣютъ обо мнѣ, могу даже сказать, уважаютъ меня. Ахъ! мы будемъ еще счастливы, небо услышало мою мольбу! Безъ сомнѣнія я много поспрадала, но сія минута награждаетъ все; — съ того пагубнаго часа, когда я васъ покинула, это первая, въ которую сердце мое почувствовало радость.“

Сесилія, въ изъявленіи своего щастія, говорила съ быстротою, съ жаромъ; она не знала, что Фицганри, удрученной споль сильнымъ волненіемъ и многими

пятигоспными воспоминаніями, легко могъ бытъ жерпвою оныхъ; увы! она не знала, что споль внезапное возвращеніе разсудка еспль почти всегда предвѣщаніе приближающагося конца жизни. Наконецъ Фицгарри, усиливаясь прервать свою дочь, едва внятнымъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова: „Она нѣсколько лѣтъ была со мною, а я ее не узнавалъ! она для меня работала! она не покидала меня! Опче милосердый! благослови ее, такъ какъ я ее благословляю!“ Тутъ тяжко вздохнуъ, упалъ онъ на свою подушку, поднялъ глаза къ небу, обратилъ ихъ опять на Сесилію и — испустилъ дыханіе.

Сесилія, охладѣвшая отъ ужаса, хотѣла броситься въ объятія своего несчастнаго отца и безъ памяти упала къ ногамъ постели. Всѣ оказанныя ей пособія возвра-

шили ее покломъ къ чувствованію ужасной горести. Сей единственной предметъ ея надежды, сей нѣжной отецъ, для котораго она съ столькимъ мужествомъ переносила всѣ пруды и нищету, на одно покломъ мгновеніе былъ возвращенъ ей: — она навсегда его лишилась! — Ничто не могло теперь заставить ее любить, ни даже сносить бышіе; ея унылые, потухающіе взоры, усуремленные къ небу, казалсь, молили о возвращеніи ей отца; но она не имѣла силы произвестъ и одно слово. Томное ослабѣніе во всѣхъ частяхъ тѣла присоединялось къ сухощи; въ которой она была съ нѣкотораго времени. Она была нечувствительна къ ласкамъ своего дитяти, къ слезамъ Фанни. Въ шакомъ состояніи протекла часть сего дни; къ вечеру дыханіе Сесилии дѣлалось опчасу тяжелѣе; блѣд-

ныя щеки ея покрылись желтою краскою; встревоженная Фанни заклинала ее жить для своего дитяши, но, не получая никакого отвѣта, она бросилась къ ея ногамъ. „Вспомните, вскричала она съ жаромъ, вспомните, что бапюшка васъ простилъ, что онъ благословилъ васъ!“, Сесилія вздохнула, слабый румянецъ оживилъ ея лице; она произнесла нѣсколько невнятныхъ словъ, и опустила голову на плечо Фанни. — „Ахъ! сударыня! скажите, что вы желаете жить для вашего сына. . .“ — Но ахъ! щепетныя мольбы — та, къ которой онъ были обращены, не могла уже слышать ихъ, и несчастная, прегрѣшительная, смѣю даже сказать, добродѣтельная Сесилія переспала спрадать. . .

Одна и та же могила заключила шѣло отца и дочери; похороны совершались при великомъ спе-

ченіи обоого пола особѣ. Бѣдные со вздохами и рыданіемъ слѣдовали въ нѣкопоромъ разстояніи отъ гроба. Всѣ сердца были спѣснены горестію : повсюду слышны были восклицанія , кои испоргало искреннее сожалѣніе. Даже тѣ , которые , по ея возвращеніи , самымъ жестокимъ образомъ обошлись съ нею , проливали слезы , провожая ее къ послѣдному ея жилищу. Г-жа. Мекфайнди , забывъ ея красоту , прелести , помышляла только о ея нещастіяхъ , о преждевременной ея смерти ; и та самая мать , которая приказывала своему дитяти убѣгать въ Фанниномъ домъ даже приближенія Сесилии , ощущала терзанія совѣсти въ томъ , что называла ее негодною и порочнѣйшею женщиною.

Но бѣдный Идуардъ , которой съ Г. Сеймуромъ и Фанни шелъ

впереди гроба, составляя плачевнѣйшій предметъ сего печальнаго обряда. Не чувствуя своей невозвратной потери, въ щастливой беззаботности юныхъ лѣтъ, онъ занимался только новостію своего положенія, и его невинная улыбка испоркала слезы у всѣхъ присутствующихъ.

Въ то самое время, когда началась церемонія, вѣхала на главной поспрялой дворъ почтовая коляска въ чепыре лошади, изукрашенная лентами. Въ сей коляскѣ сидѣли Лордъ и Лади Монкарроль, которые, на канунъ того дня, отпраздновавъ свое бракосочетаніе, вѣхали въ одно изъ принадлежащихъ имъ помѣстьевъ.

Лордъ Монкарроль, которой, казалось, не могъ ни минуты пробыть на одномъ мѣстѣ, бранилъ поспильоновъ за то, что повезли его по сей дорогѣ, и, какъ можно,

скорѣе хотѣлъ оставить сей го-
 родъ. Между тѣмъ, какъ онъ въ
 третій уже разъ пошелъ въ ко-
 мньюшню посматрѣть, готовы ли
 лошади, подходитъ слуга постоя-
 лаго двора къ Лади Монкарроль,
 чтобы спросить, не угодно ли ей
 что приказать? Сей слуга былъ
 тотъ самый, конюхой, находясь
 прежде въ услугахъ Сеймура, сп-
 казался выслать Се илю, не взи-
 рая на приказанія своего господ-
 на. Въ ту самую минуту прохо-
 дитъ церемонія мимо дома. Примѣ-
 тивъ гробъ, онъ немедленно залил-
 ся слезами. Лади Монкарроль, изу-
 мясь сей чрезмѣрной печали, спро-
 сила у него о причинѣ оной, и доб-
 рой Вильямъ въ короткихъ, но
 ясныхъ словахъ разсказалъ ей
 исторію Сесилии и ея отца.

Лишь только онъ кончилъ
 свою повѣсть, вошелъ въ комна-
 ту Лордъ Монкарроль съ извѣще-

ніемъ, что коляска подана. Жена его, распроганная слышанною исторіею, поспѣшась начала ему рассказывать оную; но Милордъ, прервавъ ее, ужаснымъ голосомъ вскричалъ: „пустое, другъ мой! Миссъ Фицган; и давно уже умерла вмѣстѣ съ дитяшею.“ Тутъ онъ бросился къ коляскѣ, между тѣмъ какъ Лади Монкарроль не могла припши въ себя отъ удивленія. Однакожъ, сидя вѣздѣ него, она съ крошестію замѣтила, что не лзя спать, чшобы такая исторія была вымышленна; ибо всѣ на постояломъ дворѣ подтверждали истину оной, и видя, что мужъ не прерываетъ ее, она рассказала ему всѣ спраданія Сесиди. Лишь только она гончила, вышла церемонія изъ церкви на ту самую дорогу, по которой они ѣхали, что и принудило поспѣльоновъ остановиться.

Идуардъ, коего прелестныя черты представляли живое изображеніе красоты маперинской, прежде всего поразилъ ихъ взоръ. „Бѣдный сиротка! сказала Лади Мнкарроль распроганнымъ голосомъ. Посмотрите, Милордъ, посмотрите, какъ онъ пригожъ! Не успѣла она кончить сихъ словъ, какъ Идуардъ, пораженный чрезвычайною красою коляски, вырвался изъ рукъ Фанни, которая тщетно старалась его удерживать, и подошелъ разсмапризать живопись, копорою коляска была украшена. Въ сію самую минуту Лордъ Монкарроль отворилъ дверцы, схватилъ дитя, посадилъ его въ коляску, и, бросивъ въ толпу удивленныхъ зрителей билетъ, на которомъ назначены были имя его и мѣстопробываніе, приказалъ поспильйонамъ скакать во всю прыть.

Сіе повелѣніе было столь быстро исполнено, что Г. Сеймуръ и прочіе окружавшіе гробъ, неподвижные отъ изумленія при видѣ столь страннаго происшествія, не имѣли силы тому вопрошивишься, и коляска отъѣхала шакъ далеко, что имъ не лзя уже было настичь ее.

Фанни едва не лишилась чувствъ, когда въ Лордъ Монкарролъ, не взирая на слѣды, оставленные на лицѣ его временемъ и неводержностію, узнала обольстителя Сесиліи, опца Идуардова. „Ахъ! заклинаю васъ, сказала она, боротясь къ Г. Сеймуру, оппавшись въ слѣдъ за симъ ненавистнымъ человекомъ, скажите, что Идуардъ оставленъ мнѣ несчастною его матерью; привезите мнѣ мое бѣдное дитя! . . .“

Г. Сеймуръ тотчасъ потребоваъ почтовыхъ лошадей, и чрезъ

часъ пустился въ слѣдъ за обольщипелемъ.

Однакоже и Лади Монкарроль не менѣе прочихъ изумилась странному поступку своего мужа: „Что дѣлаете вы, Милордъ? спросила она дрожащимъ голосомъ, и что это за дитя?“ — „Эпо дитя мое, сударыня, опвѣчалъ онъ, я разстанусь съ нимъ не прежде, какъ съ жизнью.“ Тутъ, прижавъ къ своему сердцу изумленнаго Идуарда, онъ не могъ удержаться отъ слезъ и рыданій. Лади Монкарроль, не могшая чувств.вать ни малѣйшаго состраданія при видѣ перзаній совѣсти, которыя долженъ былъ въ сію минупу ощущать обольщипель С. силіи, была однакоже сторчена, что вышла за мужъ за такого чловѣка, котораго всѣ проклинали. Но она скоро была извлечена изъ сихъ непріятныхъ размышленій крикомъ Идуарда; ко-

торого изумленіе немедленно пере-
мѣнилось въ ужасъ. Вырываясь
изъ объятій Лорда Монкарроля,
онъ со слезами просилъ, чтобы
его отвезли къ маминькѣ его Фан-
ни и къ Г. Сеймуру.

„Какъ, Идуардъ, ты хочешь
покинуть своего отца? сказалъ
Лордъ Монкарроль съ сильнымъ
волненіемъ духа. Посмотри на ме-
ня, я твой ботюшка. . . Но вѣр-
но тебя мамушка научила меня не-
навидѣть.“ — „Маминька сказыва-
ла, что не годится никого не-
навидѣть, отвѣчалъ дитя; да у
меня и нѣтъ батюшки: у меня
былъ дѣдушка, но и онъ пошелъ
на небо вмѣстѣ съ маминькою, и
Фанни говоритъ, что она теперь
моя маминька.“ Потомъ, усугубивъ
крикъ и слезы, онъ снова пребы-
валъ, чтобы его отослали къ
Фанни.

Наконецъ ласки Лорда Монкарроля, и обѣщаніе подарить ему прекрасную лошадку, на копорой ему можно будетъ прогуливаться вмѣстѣ съ Фанни, копорую также скоро привезутъ, мало по малу успокоили его. Тутъ, симъ невиннымъ голосомъ, копорой придаетъ столько пріятности рѣчамъ младенца, рассказалъ образъ жизни своей матери и странности своего бѣднаго дѣда. Си безъискусственные рассказы объяснивъ Лорду Монкарролю спраданія добродѣтельной Сесилии, увеличили его омерзѣніе къ собственному своему поступку и заставили его испытывать несносныя мученія.

Чрезъ нѣсколько времени коляска остановилась на дворѣ замка, копорой онъ приобрѣлъ впопыхамъ своимъ бракомъ, и спустя часъ доложили ему о пріѣздѣ Лор-

да Сеймура и мужа добродѣтельной Фанни.

Лордъ Монкарроль ожидалъ сего посѣщенія. Онъ принялъ ихъ съ ошмѣнною учтивостію. Г. Сеймуръ чрезвычайно изумился, когда въ прекрасномъ Клиффордѣ нашелъ токмо тѣнь его самага. Соспранданіе заспуило мѣсто негодованія, когда онъ увидѣлъ лице его покрытое морщинами, блѣдныя и дрожащія губы, впадшія щеки, потухшіе глаза и чрезвычайную сухощавость. Онъ холодно изъяснилъ ему причину своего прибытія. “ Я пріѣхалъ, Милордъ, сказалъ онъ ему, просить у васъ справедливости прошивъ обиды, которую вы сдѣлали, похитивъ у друзей Миссъ Фицганри дитя, которое она имъ препоручила, въ случаѣ, естли внезапная смерть воспрепятствуетъ ей сдѣлать дру-

тія рапорженія вѣ его пользу; — я прошу васъ сію же минушу ошдашь мнѣ его.“

„Прежде, нежели спану я ошвѣчашь вамъ, смѣю просить васъ, милоспивый государь мой, ошвѣчалъ важно Лордъ Монкарроль, обьяснишь мнѣ все случивщяся со времени нашего разлученія съ злополучною, копорой имени не смѣю произнесшь, и копорю уже нѣсколько лѣтъ почишалъ я умершею вмѣспѣ съ дияшею.“

„Охотно согласенъ, Милордъ, сказалъ Г. Сеймуръ; но предупреждаю, что, еспьли у васъ еспь еще сердце, то вамъ не льяа будеть слушашь сего безъ шерзаній совѣспи.“

„Еспьли у меня еспь еще сердце! вскричалъ Лордъ Монкар-

роль; но продолжайте, сударь, вы были ей другъ, я долженъ все снести отъ васъ.“

Не лзя описать ужасныхъ мученій Лорда Монкарроля во время разсказа Г. Сеймура: — побѣгъ Сесилии среди холодной и темной ночи, ея спрдаанія, мужественное упованіе на Всевышняго, ея терпѣніе въ работѣ, превосходившей ея силы и предпринятой единственно для отца, испоргли гореспныя восклицанія у пагубнаго виночника ея злополучія. Наконецъ Г. Сеймуръ кончилъ сію печальную повѣсть минушнымъ возвращеніемъ Фицганри къ разсудку и его смертию. Лордъ Монкарроль пришелъ въ изступленіе, рвалъ себѣ волосы и предавался ужаснѣйшему отчаянію, когда свѣдалъ, что Сесилия небреженіе его къ ней и дилляпи приписывала порочному равноду-

шію, что она почитала его безчеловѣчнымъ чудовищемъ, и что холодное презрѣніе заступило мѣсто первыхъ ея къ нему чувствованій. „Она умерла, не вѣдая, сколько я любилъ ее, восклицалъ онъ; она не знала, что въ то самое время, когда почитала меня способнымъ забыть ее, я самъ умираю отъ сожалѣнія, что ее лишился, и что со времени сего пагубнаго извѣстія ничто не могло вернуть мнѣ душевнаго спокойствія!“ Несчастной Монкарроль ужасно проклиналъ тогда память своего отца и Вильсона, обвиняя ихъ обоихъ въ жестокомъ обманѣ.

Г. Сеймуръ былъ въ глубокомъ размышленіи, видя столь неприпворную печаль его. Соспранданіе, которое ему снова внушили терзанія Лорда Монкарроля, вы-

годы, какія Идуардъ могъ приобрести въ разсуждевіи своего воспитанія и имущества, живучи въ глазахъ отца, произвели въ немъ и въ супругъ Фанни намѣреніе оставить его у Лорда. Сей послѣдній съ благодарностію принялъ свое дитя изъ ихъ рукъ, и пуже самую минушу публично призналъ Идуарда своимъ сыномъ, и оставилъ ему по духовной довольно значное имущество. Но, исполнивъ сей священной долгъ, которой минушно облегчилъ его горель, онъ опять вналъ въ изнеможеніе, которое ежедневно приближало его къ гробу.

Отчаянныя размышленія безпрестанно умножали грызенія его совѣсти. Онъ презиралъ свою первую жену, попому что она была дурна и глупа; онъ ненавидѣлъ ее,

потому что не имѣлъ отъ нее дѣшей. Впоруя его жена была весьма любезная, она не заслуживала ни малаго презрѣнія; хотя же онъ жилъ съ нею болѣе двухъ лѣтъ, но и отъ сего брака не имѣлъ наследника своего имени. Ясно видя въ Идуардѣ наружность, качества его мапери, онъ испытывалъ неописанное мученіе, что не можетъ признашь его своимъ законнымъ сыномъ, и проклиналъ ту минушу, въ которую честию Сесилии пожертвовалъ подлой корысти и надменнымъ, столь жестоко обманушимъ видамъ. Но, будучи самоприверженъ до послѣдней минушы, онъ съ повалъ столь горько болѣе о своемъ собственномъ несчастіи, нежели о злополучіи, коимъ удручилъ судьбу своей несчастной жертвы, испоргавшей у него столь горькія жалобы. . . . Онъ умеръ, завидуя Сесилиѣ въ томъ упѣше-

ній, що могла презрѣти его и изгнати изъ своей памяти.

Миръ праху Сесиліи Фіцган-
ри! Юныя дѣвицы, содѣлавшіяся
подобно ей жертвою обольщенія, а
особливо пагубной догѣренности къ
себѣ самимъ, послѣдуйте примѣру
ея, спараясь вновь снискать по-
чтеніе свѣта своимъ терпѣніемъ,
покорностію и исполненіемъ всѣхъ
добродѣтелей: — тогда можете
ожидати утѣшительной будущно-
сти! — Но вы, коихъ невин-
ность не помрачена еще дыханіемъ
порока, пощитесь убѣгати рѣчей
обольстителя, не оставляйте для
него ошца, матери, или родствен-
никовъ, коихъ спокойствіе може-
те вы навсегда рушити, удалясь
отъ пути добродѣтели. Можно
иногда съ мужествомъ взирати на
удакъ своего собственнаго ща-

стія; но пёрзаніе совѣсти преслѣдуетъ того, кто возмущитъ благополучіе другаго. И какой дерзостной смертной можетъ ручаться, что дѣла его не имѣютъ ни малой важности для другихъ, и что добродѣтели его или пороки не проспираются далѣе его! —

К О Н Е Ц Ъ.
